
Россия, Русь! Храни себя, храни!

5-6
2015

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Леонид МАСЛОВСКИЙ. Величие нашей Победы	3
Руслан УХОВ. Разговор с ветераном	18
Валентин КАТАСОНОВ. Развязал войну — плати!	112
Василий БИДОЛАХ. Освенцим — дорога назад	131
Светлана ШОРОХОВА. О трагедии гуманизма	181
Николай ОРЛОВ. Банковское ростовщичество	196

ПРОЗА

Владимир ПРОНСКИЙ. Провинция слёз. Роман. Продолжение	28
Татьяна КУЛИК. Рассказы	136
Борис ЕКИМОВ. Продажа. Рассказ	203

ПОЭЗИЯ

Дмитрий КОВАЛЁВ. Ознобом утренним согрет. К 100-летию со дня рождения. Стихи	100
Анатолий АВРУТИН. Где русская кровь проливалась... Стихи	105

Евгений ЮШИН. О любви сказать еще желаю.	
К 60-летию поэта. Стихи. Предисловие В.Серкова	165
Виктория МОЖАЕВА. Живём на краешке войны. Стихи	176
Наталья РОЖКОВА. Последний день весны. Стихи	213
Игорь КУНИЦЫН. За гранью льдин. Стихи	215

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Вазген АВАГЯН. Вето на отмену совести	219
--	-----

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

Валентин КАТАСОНОВ. Доллар и война	225
Алексей БОГАЧЁВ. Бич сектантства и трагедия Украины	231

ДОСЬЕ «МГ»

Александр ЧУЙКОВ. Пора платить по долгам	239
---	-----

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Владимир АНИЩЕНКОВ. Что мы празднуем 23 февраля?	247
---	-----

ЭКСПЕРТЫ

Константин СИВКОВ. Умерщвление Европы	254
--	-----

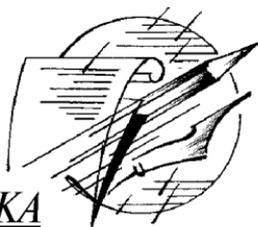
ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	261
--	-----

ВЕЛИЧИЕ НАШЕЙ ПОБЕДЫ

22 июня 1941 года в 4 часа утра Германия вероломно, без объявления войны напала на Советский Союз и, начав бомбить наши города с мирно спавшими детьми, сразу заявила о себе как о силе преступной, не имеющей человеческого лица. Началась самая кровопролитная война за всю историю существования Российского государства. Наша схватка с Европой была смертельной. Германские войска 22.06.1941 года начали наступление на СССР в трёх направлениях: восточном (группа армий «Центр») на Москву, юго-восточном (группа армий «Юг») на Киев и северо-восточном (группа армий «Север») на Ленинград. Кроме этого, в направлении на Мурманск наступала германская армия «Норвегия».

Вместе с германскими армиями наступали на СССР армии Италии, Румынии, Венгрии, Финляндии и добровольческие формирования из Хорватии, Словакии, Испании, Голландии, Норвегии, Швеции, Дании и других стран Европы. По численности войск вооружённые силы только одной Германии превосходили Вооружённые Силы СССР в 1,6 раза, а именно: 8,5

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

миллиона человек в вермахте против немногим более 5 миллионов человек в Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Но вместе с армиями союзников Германия на 22.06.1941 года имела минимум 11 миллионов обученных, вооружённых солдат и офицеров и могла очень оперативно восполнить свои потери и усиливать свои войска. И если численность только немецких войск превышала численность советских войск в 1,6 раза, то вместе с войсками европейских союзников она превышала численность советских войск минимум в 2,2 раза. Вот такая чудовищно огромная сила противостояла Красной Армии. На Германию работала промышленность объединённой ею Европы с населением около 400 млн. чел., которое почти в 2 раза превышало население СССР, имевшего 195 млн. чел.

Красная Армия на начало войны по сравнению с нападшими на СССР войсками Германии и её союзниками имела на 19 800 единиц больше орудий и миномётов, на 86 единиц больше боевых кораблей основных классов, а также РККА превосходила нападавшего противника по количеству пулемётов. Стрелковое оружие, орудия всех калибров и миномёты по боевым характеристикам не только не уступали, а во многих случаях и превосходили оружие Германии.

Что касается бронетанковых войск и авиации, наша армия имела их в количестве, намного превосходящем количество единиц данной техники, имеющейся на начало войны у противника. Но основное количество наших танков и самолётов по сравнению с немецкими представляло собой оружие «старого поколения», морально устаревшее. Танки в большинстве своём были всего лишь с противопульным бронированием. Немалый процент составляли и неисправные, подлежащие списанию самолёты и танки.

Вместе с тем надо отметить, что Красная Армия получила до начала войны 595 единиц тяжёлых танков KV и 1225 единиц средних танков Т-34, а также 3719 самолётов новых типов: истребителей ЯК-1, ЛаГГ-3, МиГ-3, бомбардировщиков Ил-4, Пе-8, Пе-2, штурмовиков Ил-2. В основном мы спроектировали и произвели указанную новую, дорогостоящую и наукоёмкую технику в период с начала 1939-го до середины 1941 года, то есть большей частью во время действия заключённого в 1939 году договора о ненападении — «Пакта Молотова — Риббентропа».

Именно наличие большого количества оружия позволило нам выстоять и победить. Ибо при огромных утратах оружия в начальный период войны у нас ещё оставалось достаточное количество вооружения для сопротивления при отступлении и для наступления под Москвой.

Надо сказать и о том, что в 1941 году германская армия не имела техники, аналогичной нашим тяжёлым танкам КВ, бронированным штурмовикам ИЛ-2 и реактивной артиллерии типа БМ-13 («Катюша»), могущей поражать цели на расстоянии более восьми километров.

Из-за плохой работы советской разведки наша армия не знала планируемого противником направления главных ударов. Поэтому немцы имели возможность на участках прорыва создать многократное превосходство военных сил и прорвать нашу оборону. Возможности советской разведки сильно преувеличиваются с целью умаления военных заслуг и технических достижений СССР.

Наши войска отступали под натиском превосходящих сил противника. Части Красной Армии должны были или быстро отходить, чтобы избежать окружения, или сражаться в окружении. Да и отвести войска было не так-то просто, потому что во многих случаях подвижность немецких механизированных соединений, прорвавших нашу оборону, превышала подвижность наших войск.

Конечно, не все группировки советских войск были по силам подвижным немецким соединениям. Основная часть немецкой пехоты наступала в пешем строю, как в основном отступали и наши войска, что позволяло многим частям Красной Армии отходить на новые рубежи обороны.

Окружённые войска прикрытия до последней возможности сдерживали наступление немецко-фашистских полчищ, а отступавшие в сражениях части, соединившись с войсками 2-го эшелона, значительно замедлили продвижение немецких армий. Для того чтобы остановить прорвавшие границу немецкие армии, нужны были крупные резервы, оснащённые подвижными соединениями, которые могли бы быстро подойти к месту прорыва и отбросить противника назад. У нас таких резервов не было, так как не было у страны экономических возможностей содержать в мирное время 11-миллионную армию.

Несправедливо винить в таком развитии событий правительство СССР. Несмотря на отчаянное сопротивление индустриализации со стороны определённых сил внутри страны, правительство и наш народ сделали всё, что могли, для создания и вооружения армии. Невозможно было сделать больше в отпущенный Советскому Союзу промежуток времени.

Наша разведка, конечно, оказалась не на высоте. Но ведь это только в кино разведчики добывают чертежи самолётов и атомных бомб. В реальной жизни такие чертежи займут далеко не один железнодорожный вагон. Не было у нашей раз-

ведки возможности получить в 1941 году план «Барбаросса». Но даже зная направление главных ударов, нам пришлось все равно отступать перед чудовищной силой врага. Но в этом случае мы имели бы меньше потерь.

По всем теоретическим выкладкам СССР должен был проиграть эту войну, но мы её выиграли, потому что умели трудиться и сражаться как никто на земле, потому что во главе государства стоял гениальный руководитель Иосиф Виссарионович Сталин. Гитлер Европу, кроме Польши, завоёвывал в стремлении объединить и подчинить воле Германии. А нас он стремился истребить: и войска, и мирное население, и военнопленных. О войне против СССР Гитлер говорил: «Речь идёт об истребительной войне».

Но всё шло у Гитлера не так, как было задумано: русские больше половины войск оставили далеко от границы и объявили мобилизацию после начала войны, в результате чего имели много людей для комплектования новых дивизий, увезли на Восток военные заводы, духом не пали, а стойко сражались за каждую пядь земли. Немецкий генеральный штаб ужасали потери Германии в людях и технике.

Потери нашей отступающей армии в 1941 году, конечно, были больше немецких. Немецкая армия создала новую организационную структуру, включающую танки, моторизованную пехоту, артиллерию, инженерные части и части связи, что позволяло не только осуществлять прорыв обороны противника, но и развивать его вглубь, отрываясь от основной массы своих войск на десятки километров. Пропорции всех родов войск были немцами тщательно рассчитаны и проверены в боях в Европе. При такой структуре танковые соединения становились стратегическим средством войны.

Нам требовалось время, чтобы из вновь изготовленной техники создать такие войска. Летом 1941 года у нас не было ни опыта создания и использования таких соединений, ни количества грузовых автомобилей, необходимых для перевозки пехоты. Созданные накануне войны, наши механизированные корпуса были значительно менее совершенными, чем немецкие.

Генеральный штаб Германии плану нападения на СССР присвоил наименование «Барбаросса» по имени германского императора ужасающей жестокости. 29 июня 1941 года Гитлер заявил: «Через четыре недели мы будем в Москве, и она будет перепажана». Ни один немецкий генерал в своих прогнозах не высказывался о захвате Москвы позднее августа. Для всех август являлся крайним сроком захвата Москвы, а октябрь — территории СССР до Урала по линии Архангельск — Астрахань.

Военные США считали, что в войне с русскими Германия будет занята от одного до трёх месяцев, а военные Англии — от трёх до шести недель. Они высказывали такие прогнозы, так как хорошо знали силу удара, которую Германия обрушила на СССР. Сколько мы продержимся в войне с Германией, Запад оценивал по себе. Германское правительство так было уверено в быстрой победе, что даже не посчитало нужным тратить средства на тёплое зимнее обмундирование для армии. Вражеские войска наступали от Баренцева до Чёрного моря на фронте протяжённостью более 2000 километров.

Германия рассчитывала на блицкриг, то есть молниеносный удар по нашим вооружённым силам, и на их уничтожение вследствие этого молниеносного удара. Однако расположение 57% советских войск во 2-м и 3-м эшелонах изначально способствовало срыву расчёта немцев на блицкриг. А в сочетании со стойкостью наших войск в 1-м эшелоне обороны полностью срывало германский расчёт. Да и о каком блицкриге можно говорить, если немцы летом 1941 года не смогли уничтожить даже нашу авиацию. Люфтваффе с первого дня войны платили огромную цену за стремление уничтожить наши самолёты на аэродромах и в воздухе.

Нарком авиационной промышленности СССР с 1940 по 1946 год А.И. Шахурин писал: «За период с 22 июня по 5 июля 1941 года немецкие ВВС лишились 807 самолётов всех типов, а за период с 6 по 19 июля ещё 477 самолётов. Уничтожена была треть германских военно-воздушных сил, которые они имели перед нападением на нашу страну». Таким образом только за первый месяц боёв в период с 22.06. по 19.07.1941 года Германия потеряла 1284 самолёта, а за неполные пять месяцев боёв — 5180 самолётов. Удивительно, но о таких славных победах в самый неудачный для нас период войны сегодня знают единицы людей на всю большую Россию.

Так кто же и каким оружием уничтожил эти 1284 самолёта люфтваффе за первый месяц войны? Эти самолёты уничтожили наши лётчики и зенитчики так же, как танки противника уничтожали наши артиллеристы, потому что Красная Армия имела противотанковые орудия, самолёты и зенитки. И в октябре 1941 года Красная Армия имела количество оружия, достаточное для того, чтобы держать фронт. В это время оборона Москвы велась на пределе человеческих сил. Так могли сражаться только советские, русские люди. Заслуживает доброго слова И.В. Сталин, ещё в июле 1941 года организовавший строительство бетонированных дотов, дзотов, противотанковых заграждений и прочих заградительных военно-строительных сооружений, укреплённых районов

(УРов) на подступах к Москве, сумевший дать оружие, боеприпасы, питание и обмундирование сражающейся армии. Немцев остановили под Москвой прежде всего потому, что и осенью 1941 года наши сражающиеся с врагом мужчины имели оружие, чтобы сбивать самолёты, сжигать танки и смешивать с землёй пехоту врага.

29 ноября 1941 года наши войска освободили на юге Ростов-на-Дону, а на севере 9 декабря освободили Тихвин. Сковав боями южную и северную группировки немецких войск, наше командование создало благоприятные условия для наступления Красной Армии под Москвой. Не сибирские дивизии обеспечили возможность перехода в наступление под Москвой наших войск, а резервные армии, созданные Ставкой и подтянутые к Москве перед переходом в наступление.

А.М. Василевский вспоминал: «Крупным мероприятием явилось завершение подготовки очередных и внеочередных резервных формирований. На рубеже Вытегра — Рыбинск — Горький — Саратов — Сталинград — Астрахань создавался новый стратегический рубеж для Красной Армии. Здесь на основании решения ГКО, принятого ещё 5 октября, формировалось десять резервных армий. Создание их на протяжении всей Московской битвы было одной из основных и повседневных забот ЦК партии, ГКО и Ставки. Мы, руководители Генерального штаба, ежедневно при докладах Верховному Главнокомандующему о положении на фронтах детально сообщали о ходе создания этих формирований. Без преувеличения можно сказать: в исходе Московской битвы решающее значение имело то, что партия и советский народ своевременно сформировали, вооружили, обучили и перебросили под столицу новые армии».

Битву под Москвой можно разделить на две части: оборонительную с 30 сентября по 5 декабря 1941 года и наступательную с 5 декабря по 20 апреля 1942 года. И если в июне 1941 года на нас внезапно напали немецкие войска, то в декабре 1941 года под Москвой на немцев внезапно напали наши советские войска. Несмотря на глубокий снег и морозы, наша армия успешно наступала. В немецкой армии началась паника. Только вмешательство Гитлера предотвратило полный разгром немецких войск. Чудовищная сила Европы, столкнувшись с русской силой, не смогла нас одолеть и под ударами советских войск побежала назад, на запад. В 1941 году наши прадеды и деды отстаивали право на жизнь и, встречая Новый 1942 год, провозглашали тосты за Победу.

В 1942 году наши войска продолжали наступать. Были освобождены Московская и Тульская области, многие райо-

ны Калининской, Смоленской, Рязанской и Орловской областей. Потери в живой силе только группы фашистских армий «Центр», ещё недавно стоявших под Москвой, за период с 1 января по 30 марта 1942 года составили свыше 333 тысяч человек. Но враг был ещё силён. Уже к маю 1942 года немецко-фашистская армада имела 6,2 млн. человек и превосходящее Красную Армию вооружение.

Наша армия насчитывала 5,1 млн. чел. без войск ПВО и Военно-Морского Флота. Таким образом, летом 1942 года против наших сухопутных сил Германия с союзниками имели численность солдат и офицеров на 1,1 млн. человек больше. Превосходство в численности войск Германия с союзниками сохраняли с первого дня войны до 1943 года. Летом 1942 года на советско-германском фронте действовало 217 дивизий и 20 бригад противника, то есть около 80% всех сухопутных войск Германии.

В связи с указанным обстоятельством Ставка не перебрасывала войска с Западного на Юго-Западное направление. Такое решение было правильным, как и решение о размещении стратегических резервов в районе Тулы, Воронежа, Сталинграда и Саратова. Большее количество наших сил и средств было сосредоточено не на Юго-Западном, а на Западном направлении. В конечном счёте такое распределение сил привело к разгрому немецкой, а точнее европейской армии, и в связи с этим неуместно говорить о неправильном распределении наших войск к лету 1942 года. Именно благодаря такому распределению войск мы имели возможность в ноябре собрать под Сталинградом силы, достаточные для разгрома противника, и имели возможность пополнять наши войска при ведении оборонительных боёв.

Против превосходящих нас в силах и средствах немецких войск мы летом 1942 года не могли долго держать оборону на направлении главного удара и вынуждены были отходить под угрозой окружения. Компенсировать недостающую численность количеством артиллерии, авиации и другими видами оружия пока было невозможно, так как эвакуированные предприятия только начинали работать на полную мощность, и военная промышленность Европы ещё превосходила военную промышленность Советского Союза.

Немецкие войска продолжали наступление вдоль западного (правого) берега Дона и стремились во что бы то ни стало выйти в большую излучину реки. Советские войска отступали к естественным рубежам, на которых они могли закрепиться. К середине июля враг захватил Валуйки, Россошь, Богучар, Кантемировку, Миллерово. Перед ним открывалась восточная дорога — на Сталинград и южная — на Кавказ.

Сталинградская битва делится на два периода: оборонительный с 17 июля по 18 ноября и наступательный, завершившийся ликвидацией огромной группировки врага, с 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года. Оборонительная операция началась на дальних подступах к Сталинграду. С 17 июля передовые отряды 62-й и 64-й армий в течение 6 суток оказывали противнику ожесточённое сопротивление на рубеже рек Чир и Цымла. Взять Сталинград войска Германии и её союзников не смогли.

Наступление наших войск началось 19 ноября 1942 года. Войска Юго-Западного и Донского фронтов перешли в наступление. Этот день вошёл в нашу историю как День артиллерии. 20 ноября 1942 года перешли в наступление войска Сталинградского фронта. 23 ноября войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов соединились в районах Калачна-Дону и Советский, замкнув кольцо окружения немецких войск. Очень хорошо всё рассчитали Ставка и наш Генеральный штаб, связав армию Паулюса по рукам и ногам 62-й армией, находящейся в Сталинграде, и наступлением войск Донского фронта. Новогоднюю ночь 1943 года наши мужественные солдаты и офицеры встречали, как и новогоднюю ночь 1942 года, победителями.

Огромный вклад в организацию победы под Сталинградом внесли Ставка и Генеральный штаб во главе с А.М. Василевским. За время Сталинградской битвы, длившейся 200 дней и ночей, Германия и её союзники потеряли $\frac{1}{4}$ часть сил, действовавших в то время на советско-германском фронте.

«Общие потери вражеских войск в районе Дона, Волги и Сталинграда составили 1,5 миллиона человек, до 3500 танков и штурмовых орудий, 12 тысяч орудий и миномётов, до 3 тысяч самолётов и большое количество другой техники. Такие потери сил и средств катастрофически отразились на общей стратегической обстановке и до основания потрясли всю военную машину гитлеровской Германии», — писал Г.К. Жуков.

За два зимних месяца 1942—1943 годов разгромленная немецкая армия была отброшена на те позиции, с которых начала наступление летом 1942 года. Эта большая победа наших войск придавала дополнительные силы и бойцам, и труженикам тыла. Потерпели войска Германии и их союзников поражение и под Ленинградом. 18 января 1943 года войска Волховского и Ленинградского фронтов соединились, кольцо блокады Ленинграда было прорвано.

Узенький коридор шириной 8—11 километров, примыкающий к южному побережью Ладожского озера, был очищен от врага и связал Ленинград со страной. Поезда дальнего

следования начали ходить из Ленинграда до Владивостока. Гитлер собирался взять Ленинград за 4 недели к 21 июля 1941 года и освободившиеся войска направить на штурм Москвы, но не смог взять город и к январю 1944 года. Гитлер приказал предложения о сдаче города немецким войскам не принимать и стереть город с лица земли, но фактически, немецкие дивизии, стоявшие под Ленинградом, были стёрты с лица земли войсками Ленинградского и Волховского фронтов. Гитлер заявлял, что Ленинград будет первым крупным городом, захваченным немцами в Советском Союзе, и не жалел сил для его захвата, но не учёл, что он воюет не в Европе, а в Советской России. Не учёл мужества ленинградцев и силы нашего оружия.

Победоносное завершение Сталинградской битвы и прорыв блокады Ленинграда стали возможными не только благодаря стойкости и мужеству бойцов и командиров Красной Армии, смекалке наших бойцов и знаниям наших военачальников, но, прежде всего, благодаря героическому труду тыла.

В период с июня 1941 года до 1 февраля 1942-го в тыловые районы страны было эвакуировано 12,4 млн. человек. Ещё 8 млн. человек было эвакуировано во время второй волны эвакуации летом 1942 года. Эти 20,4 млн. эвакуированных советских людей обеспечили местом для проживания, питанием, работой и медицинским обслуживанием. Ничего подобного мировая история не знала. Они вместе с местным населением на новых местах восстановили работу 2,5 тысячи эвакуированных предприятий. Надо сказать и о том, что народы СССР во время войны сдали государству денег и драгоценностей для производства оружия на сумму в 16 миллиардов рублей. Сдали добровольно и безвозмездно.

Потери войск Германии были настолько велики, что уже к лету 1943 года, несмотря на тотальную мобилизацию, Германия не смогла довести численность своих войск на Восточном фронте до уровня весны—осени 1942 года. СССР не имел таких потерь, и к лету 1943 года в составе нашей действующей армии было 6,6 млн. человек. Впервые за всю войну численность советских войск превысила численность войск противника. Но либералы упорно убеждают нас в том, что войну выиграла не многомиллионная Красная Армия, а 1—2% входящих в её состав штрафных рот и батальонов.

Советский Союз имел к лету 1943 года почти в два раза больше танков и штурмовых орудий, а также орудий и миномётов, более чем в три раза боевых самолётов. Красная Армия имела на вооружении 105 тысяч орудий и миномётов, около 2200 боевых установок реактивной артиллерии, 10,2 тыся-

чи танков и САУ, свыше 10,2 тысячи боевых самолётов. Противник имел 54,3 тысячи орудий и миномётов, 5 850 танков и штурмовых орудий, 2980 боевых самолётов. При таком количестве оружия Красная Армия, конечно, выиграла Курскую битву и погнала противника дальше, за Днепр, на запад. После Курской битвы, которая проходила в период с 5 июля по 23 августа 1943 года, немецкие войска оказались неспособными вести крупные наступательные операции.

Руководитель Советского Союза, Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин подвёл итог Курской битвы такими словами: «Если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила её перед катастрофой».

Имея в достаточных количествах мощное современное оружие, превосходя противника в вооружении и подготовке личного состава, наша армия в 1944 году буквально смешивала с землёй его дивизии, корпуса и даже целые армии. Потери немецких войск после нашего наступления под Сталинградом 19 ноября 1942 года возрастали с каждым днём. Европа уже не могла компенсировать потери армии Германии и её союзников, как в людях, так и в технике.

На фоне боёв конца 1942, а также 1943, 1944 и 1945 годов особенно неправдоподобно выглядят заявления либералов о том, что потери советской армии в Великой Отечественной войне во много раз превосходили потери немецкой армии. Конечно, в период с 22 июня 1941 года по 19 ноября 1942-го, ведя бои с переменным успехом, наши войска в определённые промежутки боевых действий несли потери больше немецких. Однако в последующие почти три года войны огромные потери германских захватчиков в несколько раз перекрыли потери Советской Армии. Да и в первый год войны наши потери превосходили немецкие с их союзниками в пределах, допускаемых для отступающей армии. И вот зная, что из четырех лет войны три года подряд немцы и их союзники под ударами Советской Армии гибли как мухи, «наши» продажные и недобросовестные исследователи продолжают утверждать обратное. Когда А. М. Василевского спросили: «А могли бы наши войска наступать быстрее?» он ответил, что могли бы, но при этом Красная Армия имела бы значительно больше потерь.

Ставка Верховного Главнокомандования тщательно подготавливала каждую операцию. Советские войска не переходили в наступление, пока не укомплектовывались техникой и боеприпасами в количестве, в несколько раз превосходящем противника. Это позволяло нам сберечь солдатские

жизни и в то же время за несколько дней брать города, которые при наступлении на СССР немцы штурмовали месяцами. В отличие от нас немецкие войска не смогли взять ни Москвы, ни Ленинграда и увязли в уличных боях под Сталинградом.

В 1944 году наши войска громили врага, изгоняя с территории СССР. От вида освобождаемых сёл и городов сердца опалённых в боях русских, советских солдат переполнялись жгучей ненавистью к врагу. Ненависть к врагу стала у них выше страха смерти. Наши войска шли мимо сожжённых дотла деревень, мимо развалин городов, мимо десятков тысяч убитых и заживо сожжённых немцами детей, мимо сотен тысяч трупов истерзанных, зверски убитых немцами жителей, мимо слёз, горя и нищеты оставшихся в живых. И уже не было в мире силы, которая способна была остановить Русскую армию. Каждый солдат был готов на подвиг.

Массовый героизм советских солдат происходил от любви к Родине и ненависти к лютому врагу, злодеяния которого требовали отмщения, возмездия и звали в бой, вперёд, на Берлин, в логово врага. Сотни тысяч тонн бомб, снарядов, мин, гранат обрушивались на врага, миллионы пуль летели в сторону противника и мстили, мстили ему за наших убитых детей, матерей, жён, за наших бесстрашных солдат, отдавших жизнь за Родину. За разорённые сёла и города, за муки, перенесённые нашим народом, била врага Красная Армия, изгоняя с родной земли.

От стен Москвы и Сталинграда до стен Киева и Минска били наши солдаты врага и не могли утолить разрывающую сердце ненависть, потому что каждый шаг на запад открывал новые ужасающие своей жестокостью преступления европейских бандитов на нашей земле. Каждый приказ Верховного Главнокомандующего о салюте в честь армий, освобождавших наши города, заканчивался словами: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины! Смерть немецким захватчикам!»

Сегодня о массовых зверствах представителей «цивилизованной» Европы почти не говорят. Подрастающее поколение скоро вообще ничего не будет знать о расстрелянных, угнанных и замученных в Германии миллионах советских людей, мальчиков и девочек, которые могли стать отцами и матерями и растить прекрасных детей, радуясь жизни в своей замечательной, могучей, независимой стране. Они ушли из жизни молодыми с верой, что их будут помнить всегда последующие поколения, потому что своей борьбой и своими страданиями они спасли жизнь следующих поколений.

Появление 31 января 1945 года Советских войск в 70 километрах от Берлина было ошеломляющей неожиданностью для немцев. Когда, например, советское воинское подразделение ворвалось в город Кинитц, на его улицах спокойно разливали немецкие солдаты, а в ресторане было полно офицеров. Поезда в Берлин ходили по расписанию, нормально действовала связь. Но Генеральный штаб, Ставка и командующие фронтами считали, что наличие армий Г.К. Жукова и И.С. Конева в феврале 1945 года на берегу Одера ещё не означало, что настало время штурма Берлина. Прежде надо было разгромить немецкие войска в Верхней Силезии, угрожавшие 1-му Украинскому фронту, и в Восточной Померании, угрожавшие 1-му Белорусскому фронту. К 31 марта 1945 года указанные немецкие войска были разгромлены Красной Армией.

16 апреля 1945 года войска Первого Белорусского фронта под командованием Г.К. Жукова и войска Первого Украинского фронта под командованием И. С. Конева начали наступление на Берлин. Уже 9 мая 1945 года поверженный Берлин лежал у ног советских солдат, и его жители содрогались от канонады по случаю победы. Дрожала земля, дрожала мебель, дрожали стёкла в немецких квартирах. Как и предсказывал Сталин, русская сила взяла Берлин.

В 0 часов 43 минуты 9 мая 1945 года акт безоговорочной капитуляции всеми сторонами был подписан. Жуков предложил немецкой делегации покинуть зал. В 0 часов 50 минут заседание, на котором была принята безоговорочная капитуляция немецких вооружённых сил, закрылось.

Потери советских войск в этом грамотно проведённом сражении недоброжелатели России умышленно во много раз преувеличивают. Однако, как убедительно доказывают наши историки, Берлинская наступательная операция по праву считается одной из самых успешных и образцовых.

9 мая 1945 года по радио выступил И.В. Сталин. В своём обращении к народу он сказал:

«Товарищи! Соотечественники и соотечественницы! Наступил великий день Победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побеждённой и объявила безоговорочную капитуляцию. 7 мая был подписан в городе Реймсе предварительный протокол капитуляции. 8 мая представители немецкого главнокомандования в присутствии представителей Верховного Командования союзных войск и Верховного Главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 9 мая. Зная волчью

повадку немецких заправил, считающих договора и соглашения пустой бумажкой, мы не имеем основания верить им на слово. Однако сегодня с утра немецкие войска во исполнение акта капитуляции стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам. Это уже не пустая бумажка. Это — действительная капитуляция вооружённых сил Германии. Правда, одна группа немецких войск в районе Чехословакии всё ещё уклоняется от капитуляции. Но я надеюсь, что Красной Армии удастся привести её в чувство. Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой Победы нашего народа над германским империализмом. Великие жертвы, принесённые нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимы лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряжённый труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, — не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за своё существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией. Отныне над Европой будет развеяться великое знамя свободы народов и мира между народами. Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться — ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто противоположное тому, о чём бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует Победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию.

Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной Победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития. С Победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!

Слава нашей героической Красной Армии, отстоявшей независимость нашей Родины и завоевавшей победу над врагом!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!»

В Москве после речи Сталина сотни тысяч людей устремились на Красную площадь. Да и не только в Москве люди вышли на улицы поделиться переполняющим сердца счастьем.

тьем, гордостью за свою страну, свой народ и скорбью по погибшим родным и близким. Вся огромная страна ликovala. Такого радостного ликования уже дано не видела ни Красная площадь, ни в целом русская земля. В Советский Союз, который по-старому ещё называли Россией, звонили, шли письма, летели телеграммы, в которых наш народ поздравляли с Победой.

Главы правительств союзных нам государств писали И. В. Сталину: «Вы создали из СССР один из главных элементов борьбы против держав-угнетателей, именно благодаря этому была одержана победа. Великая Россия и Вы лично заслужили признательность всей Европы, которая может жить и процветать только будучи свободной» (генерал де Голль). «Вы продемонстрировали способность свободолюбивого и в высшей степени храброго народа сокрушить злые силы варварства, как бы мощны они ни были» (президент США Г. Трумэн). «Я шлю Вам сердечные приветствия по случаю блестящей победы, которую Вы одержали, изгнав захватчиков из Вашей страны и разгромив нацистскую тиранию» (У. Черчилль)».

Солдаты начали возвращаться домой. Никто не тешил себя надеждами на лёгкую, беззаботную жизнь — солдаты своими глазами видели степень разрушения наших городов и сёл, промышленных предприятий и колхозов. Были разрушены предприятия, на которых производилось 33% промышленной продукции, и колхозы с совхозами, составляющими 47% посевных площадей СССР. В руинах лежали тысячи жилых домов, заводов и фабрик, церквей, соборов, дворцов, музеев, библиотек.

Солдаты не ожидали лёгкой жизни, но чувствовали себя героями, победителями. Их сердца переполняла гордость за свою великую Советскую Родину, за свой народ, за своё правительство. Они были счастливы тем, что остались живы и сполна отомстили врагу за жертвы и страдания, принесённые на нашу землю немецко-фашистскими захватчиками. Они вполне осознавали ожидавшие их трудности, но были безмерно счастливы и мечтали о мирной жизни, о любви, о встрече с родными и близкими.

Воинские эшелоны встречали в каждом городе толпы людей с оркестрами и цветами. На победителей смотрели с любовью и восхищением. На железнодорожные станции приходили даже те, в ком едва теплилась надежда встретить любимого сына, мужа, отца. На станциях организовывались митинги, на которых славил и живых, и погибших в боях за Родину солдат и офицеров. Возвращение фронтовиков превратилось в великий праздник и великую скорбь людей, переживших войну.

Советский народ всегда любил свою армию, но эта любовь никогда не достигала таких высот, как при встрече бойцов весной, летом и осенью 1945 года. На каждой железнодорожной станции под звуки духовых оркестров покидали вагоны опалённые войной бойцы и попадали в объятия любимых, родных и близких. Эти незабываемые, до слёз счастливые встречи народа-победителя, запечатленные в кадрах сохранившихся документальных фильмов, не могут оставить равнодушным никого.

24 мая 1945 года вечером в Кремле состоялся приём в честь командующих войсками Красной Армии. Вместе с военными собрались члены правительства, видные деятели оборонной промышленности, народного хозяйства, науки, культуры, литературы и искусства. На этом приёме Сталин произнёс знаменитый тост за русский народ. Он сказал:

«Товарищи, разрешите мне поднять ещё один, последний тост. Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, русского народа. (Бурные, продолжительные аплодисменты, крики «ура!»). Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза. Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны. Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение...

Русский народ... пошёл на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, — над фашизмом. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

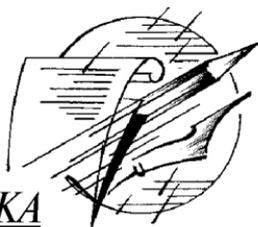
За здоровье русского народа!»

В ознаменование Победы над Германией в Великой Отечественной войне Верховный Главнокомандующий, Маршал Советского Союза Сталин 22 июня 1945 года издал приказ о назначении 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади парада войск действующей армии, Военно-Морского Флота и Московского гарнизона — Парада Победы. В назначенный день Парад Победы состоялся, и на кремлёвскую брусчатку были брошены знамёна поверженной Германии.

РАЗГОВОР С ВЕТЕРАНОМ

Иван Иванович Кабаков родился в 1922 году в селе Сергеевка Александровского р-на Ставропольского края. В четырёхлетнем возрасте он осиротел и далее воспитывался в детдоме. Юношей отправился в Ейское военное авиационное училище, решив стать лётчиком. Закончил его в мае 1941-го, а тут и война. Попал Иван Иванович, а тогда просто Иван Кабаков, на Ленинградский участок фронта, и воевать ему довелось на новом пикирующем бомбардировщике Пе-2, созданном в КБ Петлякова.

Надо отметить, что техника пикирования ещё не была отработана в наших ВВС, привычно бомбивших из горизонтального полёта, в то время как немцы проводили бомбардировки из пике уже во время войны в Испании. Точность такого способа бомбометания со стороны вероятного противника сподвигла и наших военных авиаторов к освоению подобной техники. Однако учиться пришлось по большей части прямо на войне, неся при этом огромные потери. Новый Пе-2 при взгляде на него с земли очень походил на одну модель «Мессершмидта», отчего не раз подвергался об-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

стрелам со стороны собственных зенитчиков. Однажды Пе-2 был обстрелян, даже будучи опознанным как свой — над Кронштадтом. Эта территория была запретной для пролётов любой авиации и наши зенитчики расстреливали над ней абсолютно всё, что летит.

Эскадрилья Пе-2, в которой воевал Иван Иванович, сражалась на участке фронта в районе т.н. «Невского пяточка». Место это было совершенно гиблое, бои шли ожесточённые, похлеще, чем в Сталинграде. Вдобавок именно здесь Верховное Командование поставило задачу прорвать блокаду города, и эскадрилье пикирующих бомбардировщиков предстояло поддерживать операцию по деблокированию города с воздуха. За короткий период от тридцати двух самолётов осталось всего три! Потери личного состава, конечно, были меньше, чем боевых машин. Самолёты, расстрелянные буквально «в решето», дотягивали до аэродрома на последнем дыхании. Живучесть у Пе-2 была хорошая. Когда не могли дотянуть, садились на воду, на брюхо, на поле. Когда не удавалось спасти машину, лётчики часто успевали-таки выпрыгнуть с парашютами.

Если от эскадрильи осталось всего три самолёта — это не повод прекращать боевые вылеты. Три последних Пе-2, полноценное авиазвено, отправились на задание. Огонь немецких зениток был столь плотным и, к сожалению, столь точным, что все самолёты оказались поражены. Израненные машины развернулись и отправились домой. Первый не дотянул до аэродрома и сел на воду Невы так аккуратно, что экипаж не пострадал. Второй дотянул-таки до аэродрома буквально «на честном слове», поскольку, образно говоря, походил на дуршлаг — бензин струями хлестал из простреленных баков. Что не загорелся — настоящее чудо! У израненного самолёта Ивана Ивановича заглох один из двух имевшихся двигателей и, вдобавок, близким взрывом буквально «освеживало» нос машины.

Иван Иванович вспоминает:

— Я сижу в кабине, а ноги мои на педалях управления почти что на улице, и встречный ветер дует на них с огромной силой.

Удивительно то, что даже с такими повреждениями и на единственном двигателе Пе-2 сохранял-таки какую-то управляемость и достаточную тягу, чтобы не упасть камнем вниз. Всё-таки это была удивительно живучая машина! Но с каждой минутой полёта самолёт терял высоту, и, кроме того, в нём ещё оставалось две бомбы. До того, как быть подбитым, экипаж Ивана Кабакова успел «отработать» по немцам

восемью бомбами из имеющихся десяти. Садиться на повреждённой машине, да ещё и с двумя бомбами в отсеке было крайне опасно, но избавляться от груза Иван Иванович не стал — под ним был «Невский пяточок» с нашей линией обороны. Каким-то чудом, буквально на последнем дыхании его машина дотянула-таки до своего аэродрома и приземлилась. Приём был оказан самый «тёплый» — начальник обложил героев пятиэтажным матом:

— Вы, так вашу и разэдак, почему от бомб не избавились?!

— А куда мы их сбросим, раз под нами наши же окопы?

Все три самолёта восстановлению не подлежали, по крайней мере скорому. Поэтому направили Ивана Ивановича за новыми в Казань на тот авиазавод, где Пе-2 выпускался. Между тем, в войне начал намечаться перелом, и вскоре блокада Ленинграда оказалась прорванной в районе Шлиссельбурга. Эскадрилья Пе-2, в которой сражался Иван Иванович, обеспечивала воздушную поддержку прорыва блокады. Опыт, нарабатанный в боях, позволял уже на равных сражаться с асами люфтваффе, наводившими такой ужас в 1941-м. В чём-то даже и превосходили немцев.

— Перед нами была поставлена задача уничтожить у немцев мост. За четыре вылета мы от него ничего не оставили: и мост разбомбили, и даже опоры все разрушили. А немцы на нашей территории за двести вылетов так и не смогли похотий мост из строя вывести.

И вот настал день, который расколол фронтовую биографию, да и всю жизнь Ивана Ивановича пополам. Точнее, то была ночь. Определяя цели ночной бомбардировки, командир эскадрильи сказал: «Ну, Иван, если удачно отбомбишься, готовься к Звезде Героя» Надо отметить, что к тому моменту вся грудь совсем юного Ивана Кабакова была уже в орденах и медалях. Но вернуться из того вылета Ивану было не суждено...

— Иван Иванович, а как вы ночью осуществляли бомбардировки?

— Мы должны были бомбить переправу, а ночью вода блестит и отсвечивает из-за луны. Тёмное полотно моста на фоне такой воды видно.

Однако каким-то образом самолёт в ночном небе разглядели и немецкие зенитчики. ПЕ-2 оказался подбит, и Иван Иванович снова попытался дотянуть машину если не до аэродрома, так хотя бы через линию фронта. Но это не представлялось возможным. С парашютами тоже не стали выпрыгивать. Иван Иванович, наверное, стремился сохранить жизнь находившемуся в фюзеляже стрелку, который парашют не

надевал (это мешало перемещению с пулемётом от правого борта самолёта к левому), и времени надевать у него уже не было. Садиться в кромешной тьме, когда не видишь, что под тобой — поле, лес или водная гладь, было равносильно почти верной смерти, но решили или все втроём погибнуть, или вместе спастись. Оказался под ними лес, и, хотя скорость по возможности погасили, столкновение с первым же деревом стало для самолёта катастрофой. Стрелок-радист, находившийся в кабине сзади, спиной к командиру, не был пристёгнут ремнём к сиденью. Нечеловеческая сила вырвала его из кабины, и он тотчас погиб, разбившись о ствол дерева. Ивана Ивановича та же нечеловеческая сила стремительно рванула вперёд, но, поскольку он был пристёгнут, то «всего лишь» разбил лоб, на время потеряв сознание.

— Я пришёл в себя, а всё лицо кровью залито. Самолёт между тем загорелся. Стрелок, который находился в фюзеляже, совсем не пострадал. Он помог мне скорее покинуть машину, и только мы отошли от неё, как Пе-2 весь вспыхнул. Ничего мы не успели оттуда взять — ни медикаменты, ни оружие, кроме личного, ни одежду, ни провиант. Стрелок перебинтовал мне голову, и мы стали решать — что же делать? Пытаться перейти линию фронта в районе «Невского пятачка» было бессмысленно. Там фронт был стабилен не один год, траншеи противника располагались в несколько рядов, и вся местность была пристреляна. Если каким-то невероятным чудом мы преодолели бы территорию противника, то на нейтральной полосе нас точно подстрелили бы — не немцы, так свои. И мы решили уходить лесом дальше в немецкий тыл и искать партизан. Под деревом я зарыл награды и все свои документы кроме комсомольского билета.

— Иван Иванович, а почему комсомольский билет тоже не закопали?

— Я должен был чем-то подтвердить свою личность, когда бы вышел к своим. Мы шли лесом в глубь немецкой территории, но когда рассвело, немцы, засекая место падения самолёта, послали за нами автоматчиков, и, что самое неприятное, с овчарками. Мы приготовили оружие и затаились. У меня был ТТ, а у стрелка наган. Один немец, в очках и с автоматом, прошёл совсем рядом с нами. Мне показалось, что он нас заметил, но специально прошёл мимо. А затем перед нами оказалась цепь автоматчиков — человек пятнадцать, а собаки выдали наше укрытие. «Иван, сдавайсь!», но мы приняли бой. Отстреливались из пистолетов яростно, не давая немцам к нам приблизиться. Тогда они стали забрасывать нас гранатами. Осколок пробил мне левую руку в районе локтя.

Обойма моего ТТ была уже пуста. Товарищ мой тоже расстрелял все патроны из своего нагана, и мы решили сдаться. Как сумел, я поднял простреленную руку и вышел из укрытия, а следом мой друг. Немцы направились нам, безоружным, навстречу. И тут ближний ко мне фриц увидел мою чёрную форму (воинская часть, в которой сражался Иван Иванович, относилась к морской авиации). Моряков они люто ненавидели с той самой поры, когда, снятая с кораблей по приказу Жукова для обороны Ленинграда «чёрная смерть», устроила им на суше полнейший кошмар. Неизвестно, что больше разъярило того немца — форма моряка или же то, что мы, отстреливаясь, оказывается, убили одного немца и ещё одного ранили, но он с пяти метров вцепился мне по ногам очередь из своего автомата. Я свалился как подкошенный. В товарища моего с его обычной курткой лётчика стрелять не стали, а только ударили его прикладом: «Шнелле!» — и пешком погнали в плен. Немцы обступили меня. Я ждал расправу. Они сняли с меня всю абсолютно одежду, и я вспомнил рассказы наших политруков о том, что нашим пленным на спинах звёзды вырезают, и вообще их «распускают на полосы», живьём снимая кожу. «Сейчас станут резать из меня ремни!» — подумал я и приготовился к лютой смерти. Вместо этого немцы осмотрели меня и принялись бинтовать пять моих ранений на ногах и пробитую осколком гранаты руку. Не только это меня удивило, но и то, что бинты у них были бумажные одноразовые. У нас таких и в помине не было.

Через какое-то время подъехала машина для перевозки раненых. Туда уложили меня и раненого немца. В ней уже были раненые. Один из них, свесившись с верхней полки и глядя на меня, простонал: «О, Иван, Гитлер капут?». «Да всем вам капут», — ответил я.

Привезли меня во фронтовой госпиталь, уложили. У меня в ногах выше и ниже колен четыре ранения навывлет, а в левой ступне пуля автоматная застряла и печёт огнём нестерпимо. Я лежу на полу и крою немцев матом. А там у них русская медсестра работала. Она услышала, подошла ко мне и говорит: «Сынок, ты не ругайся так, а то немцы услышат и расстреляют».

Не расстреляли. Вместо этого повезли на операцию — пулю извлекать.

Они мне маску для наркоза на лицо надели и говорят: «Иван, считай до десяти». А я и думаю — откуда они имя моё знают?

Очнулся после операции, смотрю, а они на выходе из палаты часового с автоматом поставили, чтобы я не убежал. А куда я на простреленных ногах убегу?

Вскоре в сопровождении переводчика пришёл офицер, подчёркнуто вежливый: «Как вы себя чувствуете?» Гладко стелил. Но я решил ничего им не говорить, пусть хоть пытаются.

Однако немцам и так всё было известно, поскольку собаки наши то место, где Иван Иванович спрятал свои документы и награды. Мало того, разведка у них действовала столь хорошо, что они знали очень многое: номер и состав воинских частей, их вооружение, численность личного состава, имена и звания командиров. Что касается авиаполка — знали даже состав авиазвеньев и их позывные. Немецкие переводчики слушали наши переговоры в эфире. Записывались и внимательно сопоставлялись показания пленных.

— Нам всё о вас известно, — говорит мне офицер. — Скажите, зачем вы спрятали свои воинские награды? Наш фюрер ведь приказал не отбирать наград у пленных.

— До нас приказы вашего фюрера не доводят.

— Сообщите, когда будет следующее наступление под Ленинградом?

— Я простой солдат. Мне говорят идти вперёд — я иду вперёд. Говорят назад — иду назад. Меня о наступлении заранее не предупреждают.

Поняв, что к сотрудничеству лётчик Иван Кабаков не расположен, и, тяжело раненый, бесполезен, немцы отправили его в лагерь для пленных офицеров. За время плена пришлось увидеть несколько лагерей. Линия фронта всё приближалась, и пленных перевозили всё дальше в тыл.

— Я над немцами даже посмеивался: все пленные пешком идут, а чтобы меня перенести, немцы двоих своих солдат с носилками выделяли.

Пленных офицеров немцы работать не заставляли, но кормили, как и везде, отвратительно.

Хлеб нам давали плохой — с опилками да мукой картофельной. И ещё давали похлёбку из брюквы. Был у них ещё серый эрзацхлеб в специальной упаковке, который мог долго храниться. На упаковке клеймо было — 1936-й год. Вот с какого года они уже к большой войне готовились. Меня от голодной смерти только то спасло, что я с детства всё время голодал и к голоду был привычный.

Хотя нам ничего не сообщали, но от новых пленных мы узнавали, что дела у немцев идут совсем плохо и они проигрывают войну. Однажды, лёжа на нарах, я во всеуслышание сказал: «Скоро мы спать ляжем при капитализме, а проснёмся при социализме». Нашёлся среди нас предатель и донёс на меня немцам. За это мне назначили трое суток карцера. Это было холодное тесное помещение, где стоять можно было

только на полусогнутых ногах. Ноги у меня ещё не зажили, и на вторые сутки такого стояния я потерял сознание. «Гуманные» немцы отправили меня в лазарет чтобы я немного окреп, а по завершении этого лечения меня опять направили в карцер. По правилам, принятым у педантичных немцев, срок в карцере, не отбытый до конца, не засчитывался. Так что пришлось мне после лазарета отстоять трое суток полностью.

— Иван Иванович, а как же вы при таких ранениях столько лет ещё после войны работали?

— Да я молодой был. Всё у меня тогда зажило. А после на медкомиссиях я никогда о ранениях не упоминал и на них не жаловался.

И Иван Иванович поднимает брючину и показывает пятна-вмятины на ногах — где пули входили и откуда выходили.

Лагерь освободили свои, и всем пленным было приказано пройти фильтрацию. Лагерь фильтрации располагался под Уфой, и добирались туда вчерашние пленные сами, без конвой. Но, прибыв на место, оказались под охраной за колючей проволокой, причём в довольно неприятном соседстве. Публика там собралась разношёрстная — кроме пленных вчерашние полицаи, власовцы. Соседство с предателями было для фронтовиков неприятным. А тут ещё и рассмотрение их дел затягивалось.

День проходил за днём, неделя за неделей, а с нами никто не работал. Тогда мы между собой сговорились и написали письмо на имя товарища Сталина с просьбой ускорить рассмотрение наших дел. Все подписались, запечатали в конверт и надписали: «Москва, Кремль, Сталину И. В.» Во время очередного конвоирования незаметно перебросили конверт через «колючку» на «волю». Кто-то письмо подобрал и отнёс на почту. Видимо, письмо дошло, поскольку наконец-то с нами начали работать «особисты». Допросы проводились частые и подробные. Расспрашивали обо всех обстоятельствах сдачи в плен и о поведении в плену — своём и товарищей по несчастью. По ходу следствия делались запросы в воинские части, допрашивали свидетелей, сравнивали твои показания с показаниями других пленных — кто и как себя вёл. Я подробно рассказывал — когда и в каком находился лагере. Следователи меня совсем допекли:

— Почему не застрелился, а в плен сдался?

— Так дайте мне пистолет, — говорю им. — Я сейчас застрелюсь!

— Ну, зачем ты так! — они мне.

Это им легко говорить «застрелись», а во время боя пули-то в обойме не считаешь, чтобы успеть и для себя одну оставить!

По итогам фильтрации всех военнопленных делили на три группы. Попавшие в первую направлялись обратно в свою воинскую часть. Им возвращали награды и восстанавливали прежнее воинское звание. Попавшие во вторую группу просто демобилизовывались из армии. Ну а те, кто угодил в третью, направлялись напрямиком в Магадан...

Ивана Ивановича определили в первую группу. Боевой товарищ, попавший в плен одновременно с ним, тоже уцелел в плену и дал показания обо всём, случившемся с ними тогда.

— Иван, а говорили, ты немцев учишь тому, как летать на Пе-2! — встретили меня сослуживцы в моей части.

— Ну да, — говорю им, — если бы мне дали Пе-2, я бы сразу к своим через линию фронта перелетел!

После войны Ивану Ивановичу пришлось перейти в гражданскую авиацию и сменить немало мест работы. Хотя и был он полностью восстановлен в правах, однако строчка в анкете «был в плену» препятствовала карьерному росту. Вот и работал авиатором в разных «медвежьих углах», где немного было желающих получить место, а значит, меньше придирались к анкете. Всё изменилось только в хрущёвскую «оттепель», когда отношение государства к ветеранам перестало зависеть от их пребывания в плену.

В свои 93 года Иван Иванович удивительно бодр, энергичен и жизнелюбив. Хотя жизнь не щадила его и в послевоенное время, посылая разные испытания и нанося неожиданные удары. К восьмидесяти годам Иван Иванович потерял зрение настолько, что даже и по квартире ходить мог только с посторонней помощью. Но после операции в клинике Фёдорова зрение восстановилось, и теперь Иван Иванович вновь читает газеты, а на фотографиях, даже и не крупных, безошибочно узнаёт лица сослуживцев. Перенёс Иван Иванович и следующий удар судьбы, когда прямо на «зебре» автоледи насмерть сбила его жену.

— Иван Иванович, в чём секрет вашей энергии в таком возрасте?

— Надо всегда много двигаться. Я каждое утро начинаю с разминки, и каждый вечер независимо от погоды устраиваю прогулку на свежем воздухе. Когда мне давали здесь квартиру, то предложили на выбор или первый этаж, или девятый. Я выбрал девятый.

Главный мой секрет — нужно всегда оставаться оптимистом и никогда не терять бодрости духа!

— А как со спиртным?

— Я себе иногда позволяю рюмочку, — отвечает Иван Иванович. В своём возрасте он сохраняет удивительно хорошую

память и без труда называет характеристики авиатехники времён войны и самолётов гражданской авиации. Он в подробностях помнит свой Пе-2 — скорость, грузоподъёмность, ёмкость бензобаков, количество и места расположения авиабомб в нём, механизмы управления и многое-многое прочее. Легко называет калибр и скорострельность знаменитого авиационного пулемёта ШКАС, его достоинства и недостатки.

— Иван Иванович, правда ли то, что у немцев и авиатехника была лучше, и пилоты были намного опытнее наших?

— Да, на наших самолётах поначалу даже авиапушек не было, а у немцев они были. Немец как даст из авиапушки — от нашего самолёта только клочья летят. А нам из ШКАСа попробуй в немецкий самолёт попасть. Одно хорошо, что скорострельный. Зато и калибр малый. А лётчики у немцев были опытные, потому что уже успели накопить боевой опыт в Европе.

— Иван Иванович, правда ли «генерал Мороз» помогал нам побеждать?

— Да, немецкие механизмы были не рассчитаны на русский мороз. Когда грянули настоящие холода, у них не только смазка замёрзла и перестало действовать автоматическое оружие, но и техника вся остановилась.

Иван Иванович следит за всеми событиями и в стране, и в мире. Не прошёл мимо его внимания и скандальный опрос телеканала «Дождь» по теме — не следовало ли сдать Ленинград, чтобы избежать огромных жертв от голода? Вопрос этот в который раз расколол наше общество, только вот, похоже, забыли спросить мнение самих участников войны, в первую очередь бойцов Ленинградского фронта. Их совсем мало осталось, тем ценнее их мнение. Ленинград ни в коем случае нельзя было сдавать. Ведь Ленинградский фронт удерживал огромное количество немецких войск, да ещё и финских. Будь он сдан, все эти дивизии оказались бы переброшены под Москву. Москва могла и не устоять. В Ленинграде погибло много людей, но если бы мы проиграли войну, погибло бы намного больше.

Иван Иванович, да и все фронтовики это понимают. Ленинград не просто удерживал на себе дивизии противника — он ковал оружие для фронта. Что бы произошло, если бы его сдали? На ремонтных заводах вместо советских танков стали бы ремонтировать танки для вермахта, а в авиамастерских восстанавливали бы немецкие самолёты. Цех по выпуску пистолета-пулемёта Судаева наладил бы производство немецкого МП-40, а завод ЛОМО перевели бы на выпуск прицелов для немецких орудий и танков и т.п. На ста двадца-

ти пяти граммах хлеба в сутки не выживешь, немцы кормили бы сытнее, но каждая спасённая жизнь в таком Ленинграде обернулась бы многими потерянными жизнями по ту сторону линии фронта. Благотворительностью немцы не занимались. На всей оккупированной территории паёк они выдавали только работавшим на рейх и на вермахт. Кстати, и отказать работать было невозможно: расстрел «за саботаж» последовал бы даже раньше голодной смерти.

Что касается советско-финской войны 1939 — 1940 годов, то и здесь Иван Иванович в своих оценках категоричен.

— Государственная граница проходила всего в двадцати километрах от Ленинграда, и это было большой угрозой для города в случае войны. Её необходимо было отодвинуть дальше, но мирным способом финны это сделать отказались.

Иван Иванович всегда с большой охотой посещал школы и рассказывал молодёжи о своём боевом пути. К сожалению, в последнее время, когда, казалось бы, можно рассказывать совершенно всё без умолчаний, интерес нового поколения к временам войны стал ниже. А ведь так мало осталось ветеранов, так ценны опыт и воспоминания каждого из них! В комнату, где мы беседуем с Иваном Ивановичем, заходит его рослый голубоглазый внук. Прислушавшись к нашему разговору, спрашивает: «Деда, а немцы могут снова на нас напасть?»

Интересно, есть ли в мире такой человек, который знает ответ на этот вопрос? Всего пару-тройку лет назад нам казалось, что новая война с демократичной, толерантной и политкорректной современной Германией невозможна. Но вот теперь, после всех украинских событий, мы в этом уже не так уверены...

Уникальный человек Иван Иванович внешность имеет совсем негероическую: он худой, даже шуплый, невысокого роста, совершенно седой. И, глядя на него, поражаешься — ну откуда в нём даже в самые тяжёлые моменты жизни столько было стойкости, уверенности в победе, в правоте нашего дела? Потому и победили.

ПРОВИНЦИЯ СЛЁЗ

РОМАН

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Война пришла к Надёжке через два месяца после начала. До этого дня она ещё не могла осознать, что же происходит в мире, стране, в Князеве? Почему сразу столько перемен и зачем? Зачем людям война? Пока она была далеко, никак и ничем не беспокоила, не верилось, что где-то убивают людей, горят дома, посевы, гибнет скот — кому от этого выгода? И ни случай с Кукуем, при первой мобилизации убитым своими же мужиками, помнившими его «геройства» при раскулачивании, ни одноногий Егорка Петухов, вторую неделю прыгавший на костылях по селу и пугавший баб рассказами об увиденных на передовой страстях, — ничто пока не в силах было убедить Надёжку о бушующей войне, ведь и до войны хватало жутких случаев и калек. Поэтому и теперь казалось, что до них война никогда не докатится.

Ну, вот и докатилась.

Вечером двадцать третьего августа, вернувшись из военкомата, где с начала войны служил на сборном пункте, Павел сказал отцу, что ут-

Продолжение. Начало в №4 за 2015 г.

ПРОЗА

ром уходит на фронт. Акуля узнала об этом после ужина, а Надёжка — когда легли спать. В эти два военных месяца Павел и прежде иногда приходил ночевать домой, и это обстоятельство наводило на мысль, что война действительно далеко, до них не докатится, быстро закончится и никак и ничем не коснётся её, как в последние годы не раз бывало. Она ведь и о финской узнала от Павла, когда он приехал из госпиталя, а пугаться тогда было некогда... И теперь тоже казалось, что муж только на время сменил колхозную работу на военкомовскую службу, куда его определили как человека с боевым опытом. Когда он не приходил два-три дня, она вечером шла в Пронск, издали, схоронившись под кустом акации, наблюдала, как Павел, одетый в военное, обучал строевому шагу ожидавшихся отправки на фронт хмурых мужиков. Надёжка, замирая, слушала, как он громко и властно подаёт команды: «Стройся!», «Правое плечо вперёд!», «Прямо!» Ей казалось, что это и не Павел вовсе, а кто-то другой — по-особому ладный и красивый в новой, пока не выгоревшей форме с малиновыми петлицами... Павел быстро привык к визитам жены. Когда новобранцы собирались у походной кухни и двор военкомата пустел, он шёл к кусту акации и, притворившись, будто случайно обнаруживал её.

— Вот где вражеский лазутчик окопался! — говорил он, смеясь и обнимая жену, прижимая к себе.

Но весёлость быстро пропадала, он грустно смотрел на желтеющие липы близкого кладбища и молчал, молчал... Надёжка в такие минуты боялась нарушить тишину, только заглядывала ему в глаза, стараясь угадать, о чём он думает.

Через малое время, пролетавшее для Надёжки мгновенно, поцеловав, Павел поднимался с выгоревшей за лето травы и, будто извиняясь, говорил:

— Надо идти... Скоро вечерняя поверка.

Ей же не хотелось уходить и, распрощавшись с Павлом, она долго сидела у акации, прислушиваясь к суетливой жизни военкомата, к частым командам. Только когда двор затихал, нехотя поднималась и шла домой: растерянная, измученная думами, и ждала Павла. Обычно он появлялся в Князеве, когда очередную партию мобилизованных отправляли на формирование, и тогда в недолгие часы летней ночи Надёжка боялась потерять мужа хотя бы на мгновение. Он чувствовал её состояние, оно невольно передавалось ему, и ненасытная любовь, какой они запасались словно впрок, доводила обоих до полубморочного состояния... К середине лета она уже знала, что забеременела, но сказать Павлу боялась, считая это своей виной. Она надеялась поделиться с

ним в последнюю ночь, но так и не смогла пересилить себя, да и не до этого было: хотелось поговорить обо всём сразу, но так ничего и не успела толком сказать, всё чего-то редела и редела, словно слёзы могли заменить самые заветные слова.

Когда чуть рассвело, Павел начал собираться: он хотел уйти из Князева до того часа, когда выгоняли скотину, потому что начинал стыдиться людей, пока ничего прямо не говоривших, но по косым взглядам, ухмылкам, иной раз пробегавшим по лицам, чувствовал, что они осуждают его тыловую службу, которую и службой-то никто не считал. Более всех ярился Тимофей Фокин. Встречаясь с Павлом, он демонстративно плевал в его сторону и гадливо морщился, словно не с соседом встретился, а на змею наступил. Как же, его сына в первые дни призвали, а Павел всё ещё с женой любитя! Но теперь пришёл и Павлов черёд; всех подчищала война, да и как же иначе, когда бои уж шли под Смоленском, а в разговорах всё чаще и чаще упоминали Москву... Павел был рад, что и он наконец-то будет вместе со всеми. Вот только неясная тревога мучила за семью. У него была свежа в памяти финская кампания, когда на глазах погибали люди, погибали легко, вместо них вставали новые, о прежних моментально забывали, будто и не было их... Ведь и с ним может такое случиться: в первом же бою скосит, и всё, брат, нет тебя... А как же мать с отцом, Надёжка, ребята? Много в эти дни было у Павла вопросов.

Одевшись, он вышел во двор, где слишком долго брился и умывался, замечая в руках лёгкую дрожь. Пока томился во дворе, Акуля успела приготовить завтрак, выйдя на заднее крыльцо, позвала сына за стол, и, нервно поёживаясь от утренней прохлады, он стеснительно вошёл в избу, словно чужой.

— Садись, сынок, поешь на дорогу, — сказал Григорий и неловко подвинул к столу лавку. Акуля в этот момент заплакала, а Надёжка, прикусив губу, отвернулась. — Хватит вам, — цыкнул на них Григорий, — рассопливились...

Павел несколько раз ткнул ложкой в сковородку, но еда не шла, и он поднялся из-за стола, подошёл к спящим за перегородкой на одной кровати сыновьям... Поцеловал, погладил по головкам и некоторое время стоял около них, ничего во сне не ведавших, запоминая... Ничего не видя от застилавших глаза слёз, стыдясь их, Павел пошёл к двери, подхватил у порога вещмешок и ступил на крыльцо. Остановился. Мешая друг другу, следом вышли мать с отцом, Надёжка. Акуля задрожала, прижалась к сыну. Григорий тоже прильнул, а Надёжка, закрыв пол-лица руками, испуганно

смотрела на Павла, не зная, что делать. Когда он расцеловался с матерью и отцом, сказал ей негромко:

— Проводи чуток...

Они шли по селу, как в молодости, держась за руки. Из дворов, сложив руки на передниках, на них смотрели бабы, встречавшиеся старики первыми, здороваясь, приподнимали кепчонки и бубнили что-то одобрительное. Павел молча кланялся им, а они, словно онемев, молча же провожали его взглядами... Увидев Надёжку с мужем, выскочила из избы Вера, подбежала к Павлу, уцепилась за рукав:

— Может, моих где увидишь... Передай, что у нас всё хорошо, никто не болеет, сыты мы.

— Выпивки готовьте побольше, — через силу улыбнулся Павел, — чтобы, когда вернёмся, погулять так погулять.

— Спаси тебя Христос, — благословила Вера и торопливо перекрестила Павла, отстала, а он ещё шибче зашагал вдоль порядка, и Надёжка за ним едва поспевала.

До самых расставанных вётел на выходе из Князева Павел молчал, шёл торопливо и только у вётел нерешительно остановился.

— Дальше один пойду, — сказал он, не глядя на жену, но тотчас посмотрел ей в глаза, обнял, так и стоял, прислонившись губами к её голове, чувствуя, как под волосами ходит мелкая и трясучая дрожь.

— Скажи что-нибудь! — попросила она.

— Да что сказать-то?.. Детишек береги... Ну, ладно, пойду... — Увидев её слёзы, спохватившись, чмокнул в губы и торопливо зашагал по большаку, решив не оглядываться, не травить душу, но шагов через сто не удержался, остановился и долго махал и махал... Пока дошёл до Пушкарской слободы, несколько раз оглядывался: Надёжка стояла на прежнем месте, словно окаменела.

Когда поравнялся с первыми слободскими дворами, пробежался взглядом по ухоженным избам, то сразу вспомнил свою избёнку-развалюху, вспомнил, что всю зиму почти просидел с незаживающей ногой, из-за которой порушилось столько надежд. «Как бы было сейчас хорошо, будь на избе крыша новая, старновочкой покрытая, — думал Павел, — а ещё лучше, если бы и балку поменяли и простенок перебрали... Да-а... Видно, не судьба! Но ничего — немцев разобьём, все жилы вытяну из себя, а избу новую поставлю!»

За думами Павел не заметил, как дошёл до Пронска, в военкомате доложил о прибытии дежурному, и понесло, закружило... В тот же день новую группу мобилизованных пешим строем отправили на Скопин, а оттуда поездом в Ряжск, на

формирование. О многом передумал Павел в этот день: об оставленном доме, жене, детишках, о том, как они будут обходиться без него, но не знал и не мог предположить, что именно в этот день семья его осталась без коровы.

Два дня уж Зорьку не гоняли в стадо — напоролась где-то на борону, а привязывали в низине у ручья. И в это утро, когда вернулась от расставанных вётел, Надёжка отвела корову в низину. Хотела совсем не выгонять из хлева, да Григорий настоял: «Чисть потом за ней!..» Спорить было бесполезно. Привязала Зорьку, ушла на работу, а после обеда прибежал запыхавшийся Сашка.

— Баба послала сказать, что Зорьку угнали, — доложил он, едва переводя дыхание, найдя мать у риги, где она с бабами обмолачивала рожь, и встал в сторонке, будто за эту новость могли отшлёпать.

— Когда угнали, кто, зачем? — с расспросами подступила Надёжка к сыну, но тот лишь пожимал худенькими плечами.

— Сходи, узнай, — посоветовали бабы, и она, схватив Сашку за руку, — бегом домой.

В избу ввалились, а Акуля вой подняла, слова выговорить не может.

— Мамань, скажи толком-то, куда Зорька подевалась?.. Чего молчишь-то, говори!

— Пастухи угнали с гуртом! — подсказал усевшийся у порога осмелевший Сашка, а Акуля запричитала:

— Разве я могла подумать такое, мне и ни к чему... Гурты-то каждый день гонят, от германцев спасают, кто же мог знать?!

— Ты-то, мамань, где была?

— В доме, где же ещё — с Бориской вожусь, с утра он животом мается... А как обед-то подошёл — пошла доить, глянула — нет Зорьки, и сердце оборвалось...

— Вот что... — Надёжка поднялась с почной приступки. — Я побегу сейчас за дедом, а ты, Санёк, посмотри, ради бога, побегай по селу, может, найдёшь Зорьку... У ручья посмотри, на пустых усадьбах — она любит лопухи молотить...

Едва Надёжка выскочила из избы и побежала берегом пруда к стаду, как взяло сомнение: «А что, если самой попробовать догнать? Глядишь, недалёко пока угнали. Когда это дед растрясётся?» Она бы так и сделала: дорога на Хрущёво одна — догнала бы, да вспомнила, что на работе никому из начальства ничего не сказала, не вернёшься молотить, а потом хлопай глазами, ещё под суд отдадут.

Добежав до стада, Григория она не увидела, только один Васёк, согнувшись, на бугорке сидит

— А где же твой старшой-то? — издали спросила Надёжка.

— В лесу орехи рвёт, — недовольно отозвался подпасок и, сунув два пальца в рот, пронзительно свистнул. — погоди, тётка Надя, сейчас выйдет... Слышишь, по кустам шарахается!

— А ты чего забыла здесь? — вскоре удивлённо спросил Григорий у снохи, выйдя из леса. — Или с Павлом что?

— Корова пропала... Маманька говорит — с каким-то гуртом угнали!

От неожиданности Григорий опустился на луг и, что-то обдумывая, смотрел то на Надёжку, то на подпаска.

— А что же вы, курвы, не отбили-то её? Головы вам надо за это поотрывать, — начал ругаться Григорий. — Пошли домой! — прикрикнул он на сноху. — Чего рот-то разинула!.. Васька, — шумнул подпаску, — достережешь один, только допоздна скотину не держи — волки откуда-то набегли, по лесам рыщут!

Надёжка пошла следом за свёкром, боясь хоть что-нибудь сказать, и только когда дошли до пруда, подала голос:

— Папань, мне на работу надо, рожь молотить...

Григорий зыркнул на сноху, плюнул:

— Бегите, разбегайтесь, а мы с бабкой голову за вас ломаем!

Григорий матерился до самого дома, войдя в избу, отшвырнул кинувшуюся в ноги Акулю и начал собираться.

— Приготовь поесть в дорогу! — приказал жене. — И хватит сопливиться, хватит!

— Деда, — прильнул к нему Сашка, — возьми с собой — вдвоём мы Зорьку мигом отыщем...

— Забери его! — крикнул Григорий Акуле, и от его голоса проснулся за перегородкой Бориска, стал слезать с кровати, да упал — переливчато закатился, а Акуля не знала, за что взяться, что делать вперёд.

Наконец Григорий собрался, ступил на крыльцо, а куда идти, где искать — неведомо. Выбрался за Князево и пошёл большаком вдоль телеграфных столбов, приглядываясь к выбитой, пыльной траве. В попутных селениях спрашивал, не прогоняли ли гурт, и когда ему отвечали, что да, было такое дело, — он веселел, шагал шибче, но, дойдя до Сохи, понял, что отстаёт от гурта. «Его ведь у нас прогнали сразу после обеда, а сейчас уж вечер!» — то ли насмешливо, то ли жалючи сказал Григорию сидевший у магазина сторож. Но его интонация не волновала Григория. «Главное, — думал он, — что со следа не сбиваюсь. А дальше железной дороги гурту пылить некуда. В Хрущёве и нагоню. Всего-то три часа хорошей ходьбы осталось!»

До станции Хрущёво Григорий доплёлся в темноте. От жителей узнал, что гурт действительно прогоняли, но погнали куда-то дальше, к Столпцам. Григорий решил сразу же идти в это село, но, выйдя за станцию и дойдя до первого поля с копнами, ткнулся в мягкую солому, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Достал из заплечного мешка съестной припас, но только выпил бутылку утрешнего — от Зорьки! — молока, надел фуфайку и провалился в сон. Чувствуя, что засыпает, успокаивал себя тем, что до рассвета, поспав немного, обязательно будет в Столпцах, перед Проней, прибежавшей к этому селу от Пронска и сделавшей по пути многокилометровый широкий крюк... Григорий понимал, что гуртоправщики не станут перегонять коров через реку на ночь глядя, дождутся утра, вот тогда-то он и догонит гурт, отобьёт Зорьку. Он и засыпал-то, ощущая на губах вкус её молока: густого и сладковатого, как после отёла, и чуть, как казалось ему с усталости, — хмельного.

Как же он любил свою Зорьку, как лелеял, оберегая и в стаде, и на своём дворе. Она с самого своего появления напоминала прежнюю Зорьку, которую он когда-то не пощадил и, чтобы не гнать в общий колхозный гурт, самолично зарезал, оглушив колуном, в страшный и непонятный март 30-го года, когда власти начали создавать колхозы: колхозы создавали, а жизнь и души людям ломали. Хотя в ту пору начался Великий пост, но мясного они тогда всей семьёй поели вволю. Питались солониной до самого сенокоса, хотя косить-то тем летом стало не для кого, не считая чудом уцелевшей овцы, окотившей в половодье двух ягнят.

Проснулся Григорий на рассвете. Он сильно замёрз, и обильная роса отпугивала, напоминала о тёплой копне. Через полчаса ходьбы, правда, чуток разогрелся, а когда пожевал хлеба с огурцом, то и вовсе повеселел. А тут ещё начал представлять, как нагонит гурт, увидит Зорьку. «Всю ей холку выдеру и дубинку обломаю, мать её в кривую ногу!» — мечтал Григорий, хотя, конечно, никогда этого не сделал бы. Мечты, мечты... Как иногда люди любят мечтать, что-то выдумывать и жить этой выдумкой! Так это им нравится, что они, будь по-другому, наверное, и людьми-то себя не считали... К переправе Григорий опоздал. Он увидел на противоположном берегу Прони, намного полноводней в этом месте, чем в Пронске, большое стадо коров незнакомой породы, кофейно-молочная масть которых почти сливалась с пылью, поднятой ими на том берегу; похоже, после переправы их пересчитывали. Григорий нерешительно присел у воды, не зная, что делать. Неподалеку от крайних он увидел несколько ло-

док, в другой бы раз, не задумываясь, запросто взял одну, чтобы переправиться, мог это сделать и сейчас, но не решился. «Спасибо, хоть в этом повезло!» — подумал он, заметив шедшего к реке парнишку с вершей за спиной.

— Эй! — окликнул он его. — Поди, что спрошу-то!

Мальчуган недоверчиво посмотрел на незнакомца и насторожённо замер в сторонке.

— Слышь, чего хотел спросить-то... Подскажи, у кого бы вёсла можно взять? На тот берег мне во как нужно!

— Эта вот лодка... Хозяин её на фронте, — начал шептать парнишка. — Рядом... Тоже на фронте... Дальше — деда Матвея, только он хворый лежит.

— Во-во, — оживился Григорий, — у него и спроси весла! Мне хотя бы туда перебраться... Корова с чужим гуртом увязалась, такое дело... Помогите, сынок. Христом Богом прошу!

— Ладно, сейчас сбегаю. — Парнишка положил вершу на берег и умчался в село.

Минут через десять вернулся с вёслами, но, прежде чем сесть в лодку, поинтересовался:

— У тебя документ есть какой? Может, ты сбежал откуда!

— Или по мне не видно, что отбежался я — еле ноги волочу... А ты — документ!

Парнишка молча бросил в лодку вершу, подождал, пока Григорий, вздрагивая и пугливо хватаясь за борт, уселся на банке, и после этого заскрипел ключинами.

— побыстрей ищи! — командирски напомнил парнишка, когда причалили к берегу. — Ждать мне некогда — мамка ругаться будет!

— Чего ж там долго-то прохлаждаться? Меня ведь тоже ждут не дождутся. Сам знаешь, как без коровы-то жить!

Григорий выбрался из лодки на песок, поднялся по уступистому берегу наверх и торопливо зашагал к всаднику, заворачивавшему гурт и что-то кричавшему своему напарнику.

— Эй, дружок, землячок, — приговаривая, бегал за всадником Григорий. — Остановись, кой-чего спросить надо, дело есть!

Наконец тот осадил коня, спросил хмуρο и не по-здешнему, на «гы»:

— Чего хотел, старик?

— Корова свою ищу... Вчерась к вашему гурту прибилась... Такая красноватенькая, приметная среди ваших будет. Не видал?

— А хоть и видал, думаешь отдал бы? Ты такой не один. Третьего дня какой-то кацап полдня житья не давал, пока вот этой штукой не пуганул его, — показал гуртоправ на ко-

буру нагана, — а теперь вот ты... Если каждому сейчас верить, то, пока до места догоню, полстада недосчитаюсь!

— Ну, зачем ты так, — поморщился Григорий, — я же у тебя по-человечески спрашиваю, по-христиански!

— А я тебе на каком языке отвечаю? Своих восемь голов недосчитали — будь она проклята, ваша речка... Не хватало мне ещё заботиться о каких-то приبلудных...

— Не терзай душу-то — скажи: была или не была?

— Евсе-ей! — крикнул всадник своему напарнику. — Трогай, трогай! Пошли-и!

— Мил-человек... — не отставал Григорий.

— Ох ты, болячка!.. Кажись, была одна рыжеватая, хромая...

— Во, во — точно! — обрадовался Григорий. — Где она теперь?

— Известно где! Там, где и восемь наших осталось... Дня через три всплывут! — Всадник отпустил поводья — жеребец вытянул шею, всхрапнул и ударил подковами по густой стерне...

— Утонула, Зорька, а-а-х — утонула, — шептал, приговаривая, Григорий, не в силах сдвинуться с места. Ему вспомнилось, что идёт война, что дальше будет ещё хуже, и голода, как в империалистическую и гражданскую, наверняка не миновать... С коровой-то ещё можно выжить, а как без неё? Как?

Он долго бы стоял посреди поля, глядя на удалявшийся гурт, но вспомнил о ждавшем мальчишке и медленно побрёл к реке. Когда дошёл до Прони, ему расхотелось возвращаться в Князево. Что скажет дома? Чем обрадует? Теперь он понимал, что из-за него пропала Зорька, это он заставил сноху выгнать её из хлева, чтобы потом не убирать за ней. «Теперь, старый пенёк, и рад бы убрать, руками бы всё вычистил, — ругал он себя, — да уж поздно, что свершилось, то уж не исправишь...»

— Дядя, тебя долго ждать-то? — присвистнув, окликнул его от лодки парнишка. — А то ведь, если тебе не к спеху, могу и уплыть. Тогда переправляйся, как знаешь...

— Иду, иду, — отозвался Григорий.

— Нашёл корову-то? — спросил парнишка, когда Григорий уселся в лодке.

— Нету... Гуртовщик сказывал — утонула... Многих после переправы недосчитали... — Григорий отвернулся, глотая слёзы, зачерпнул пригоршню воды, умылся, вздохнул. Парнишка грёб молча и более ни о чём не спрашивал, даже не ответил на «спасибо» Григория, когда причалили к берегу, — только кивнул и долго смотрел вслед удалявшемуся старику.

До дома Григорий добрался к вечеру следующего дня. Он мог и побыстрее дойти, но не хотел торопиться, и два дня пробирался вдаль от большака, через поля и небольшие, по-осеннему звонкие леса. Он словно отдалял себя от предстоящих слёз и причитаний, и если не общественное стадо, то и вовсе бы не спешил, может быть, попросился к кому-нибудь на постой и прожил среди чужих людей столько, сколько хотелось бы.

И вот он опустил на родном крыльце, не решаясь сразу войти в избу. Долго крутил сигарку, не торопясь раскуривал, прислушиваясь к доносившейся из-за дверей жизни. Плакал Бориска, и Надёжка то принималась ругать его, то начинала успокаивать... А вот и Акуля что-то сказала Сашке, видно, не особенно приятное, и тот выскочил из избы, прошлёпав босыми ногами в сенцах по земляному полу, остановился, замерев у двери.

— Деда, деда вернулся! — закричал он что было сил, и сразу из избы выскочила сноха с Бориской на руках, за ней Акуля — остановились перед Григорием.

— Чего уставились? — не выдержал он вопрошающих взглядов. — Или не видали?

— Зорьку привёл? — после долгой паузы, которую даже Бориска не решился нарушить, спросила Акуля.

— Нету Зорьки... — вместе с дымом выдохнул Григорий. — В Проне утонула, когда в Столпцах гурт на тот берег переправляли... Весь день изгоном за ней бежал. Только зря ноги избил.

Закатившись беззвучным плачем, Акуля, хватаясь за стенку, ушла в избу, Надёжка, схватив Сашку за руку, пошла следом, удивленно и непонятно взглянув на свёкра, будто на крыльце сидел бродяга. Ушли. Григорий продолжал курить, не удивляясь такой встрече, потому что иной и не ждал. В этот момент на него навалилось безразличие, и он поддался ему с такой радостью, словно оно могло сберечь в эту несладкую пору для другой жизни, которая начиналась с этого дня. Он и Веру встретил равнодушно, хотя и заметил, что она несёт им махотку молока.

— Здравствуйте, Григорий Тимофеевич, — сухо сказала Вера, проходя мимо Григория, — не нашлась корова-то?

Тот, отвечая на приветствие, поднял картуз и мотнул понурой головой, подумал: «Вот как переменилось-то все... Сразу по отцу стала величать!»

Вера прошла в избу, и через неплотно прикрытую дверь Григорий улавливал:

— Вы что же это — его в дом не пускаете, что ли? — спросила она то ли у Акули, то ли у сестры.

— Кому он нужен! Сам не идёт, весь обкурился, — ответила Акуля раздражённо, а Вера, обратившись будто не к ней, пристыдила:

— Так нехорошо, перед Богом стыдно... Он три дня, может, во рту крошки не держал, а вы накормить его не догадаетесь...

От Вериных слов в груди Григория что-то задрожало, стало нечем дышать, и он вспомнил Ивана, Павла, свою жизнь, показавшуюся сейчас долгой-долгой.

— Оте-ец, — услышал он немного погодя голос Акули, — иди есть, что ли...

Если бы не Верины слова, не её присутствие, он ни за что бы не отозвался и не подошёл к столу, а теперь торопливо помыл в сенях руки и, войдя в избу, благодарно взглянул на Веру и чуть заметно поклонился.

— Ну, я пойду, — сказала она вопросительно, словно не решалась оставить Григория, когда он сел за стол и Акуля поставила перед ним миску с похлёбкой, — вы уж завтра пришлите Сашку за молоком, корова у нас пока хорошо доится — на всех хватит.

Она вышла на крыльцо, перекрестила избу, прошептала:

— Храни вас Господь, отведи беду великую.

Вера шла вдоль порядка и чувствовала под кофтой письмо от Фёдора. Оно, казалось ей, грело и говорило, что сын живой, пусть он где-то далеко и каждую минуту его подстерегает опасность, но, Бог даст, всё обойдется... Собравшись к сестре отнести молоко, Вера не утерпела, захватила письмо — хотела поделиться радостью, но, глядя на чужое горе, не осмелилась... Ничего, она потом как-нибудь расскажет о письме, пусть только немного забудется у них эта история с короной... Надо же такому случиться!

Проходя мимо усадьбы Кати Пономарёвой, Вера слышала доносившиеся из избы приглушённые крики: частые и визгливые — Кати, и — редкие — её дочери. «Опять Галю бьёт! — подумала Вера о Пономарихе. — Совсем забила девочку... Сколько же можно, господи?!» Не успела Вера ещё что-либо подумать, как голоса донеслись из сеней, а вот уж и дверь откинулась, чуть с крюков не сорвалась... В дверях — Катя; не по-женски решительно, она тянула за косу дочь, приговаривая:

— Выметайся отсюда! С кем нагуляла, к тому и жить катись!

Вера как стояла, так и застыла, не в силах двинуться с места.

— Ты что же это вытворяешь-то?! — наконец не выдержала она. — Если уж властей не боишься, самоуправствуешь, так хоть Бога бойся!

Катя неожиданно отпустила дочь, и к Вере:

— Ах, это ты ходишь тут, подслушиваешь!.. Так знай же — с твоим буслаем она все риги подмела, с твоим!

— Да как ты смеешь говорить-то такое, чтоб у тебя язык отсох!

— А вот и смею! — Катя хлопнула дверью и грохнула в сенях задвижкой.

Вера посмотрела на застывшую Галю, тихо попросила:

— Подойди ко мне, дочка...

Та несмело подняла голову, но в глаза Вере взглянуть не решилась и, сделав шаг, остановилась.

— Это правда, что мать сейчас говорила?

Даже и в наступавших сумерках Вера увидела, как Галины щёки полыхнули неудержимым румянцем, а сама она, вздрагивая узкими высокими плечами, зашлась плачем... Вера подошла к ней, взяла за острый локоток:

— Пойдём со мной — у нас будешь жить...

Галя было заупрямилась, но Вера, как маленькую девочку, повела её за руку. Так и дошли до самого дома. В избу вошли, а дочери с лампой возьмется.

— Сколько раз вам говорила, чтобы без меня не зажигали? Ишь сколько спичек наломали! — начала Вера стыдить дочерей, но, взглянув на Галю, осеклась, сказала миролюбиво: — Ещё пожар устроите, засранки... Корову загнали?.. А овец?.. Ты побудь пока с ними, — сказала Вера Гале, — а я пойду корову подою. Тогда и ужинать будем.

Корову Вера так и не выдоила — спешила в дом, боясь, что дочери что-нибудь наговорят Гале или будут спрашивать о чём не нужно, особенно младшая — такая любопытная. Вернулась Вера со двора, а в избе тишина, все молчат: Галя на лавке сидит, а дочери за столом хихикают. Процедив молоко, Вера сказала:

— А теперь давайте ужинать...

Она достала из печи обжаренную картошку, принесла из погреба соленых огурцов, хлеба нарезала и налила всем по кружке молока... Вроде всё сделала и хотела сказать дочерям о Гале, но было почему-то боязно, и слов нужных сразу не нашлось. Наконец осмелилась:

— Вот что, Маша и Варя, я вам сказать должна... С нынешнего дня Галя будет жить у нас, а когда Фёдор с фронта вернётся — свадьбу им сыграем...

— Наш Федя — твой жених?! — по-взрослому прихлопнула руками младшая Варя, а Маша, взглянув на Галю, отвернулась, чтобы не засмеяться.

— Хватит! — строго сказала Вера дочерям и мягко — Гале: — Не обращай на них внимания.

Девчонки примолкли, а через некоторое время, ещё больше скруносив нос и хитро прищурившись, Варя спросила у Гали:

— А ребёночка когда нам родишь?

У Гали опустилась рука с ложкой, а сама она, часто-часто заморгав, выскочила в сенцы. Вера — следом. Выбежала на улицу, а Галин светлый сарафан уже в Максаковой лощине мелькает. Насилу догнала. За плечи обняла, а она дрожит, что-то шепчет и непонятно бормочет...

— Что с тобой, милка, охолопись, моя хорошая, — начала успокаивать Вера, а у самой тоже дрожь по телу. — Нешто можно так... Да они, несмышлёные, мало ли что наговорят. И на них внимания обращать?! — Вера минуту помолчала, не зная о чем еще говорить, но говорить сейчас было необходимо, и она спросила у Гали: — Тебе Фёдор пишет?.. А то он нам сегодня письмо прислал.

— И мне тоже, — чуть слышно отозвалась Галя, а Вера почувствовала, что она меньше стала дрожать, — только мать письмо мне не отдала... — Галя опять в слёзы, а Вера принялась успокаивать:

— Ну, что мне с тобой, девка, делать? Ну, успокойся — не век же тебе слезьми обливаться... Вот что: пойдём и напишем сейчас Феде письмо. Вместе! А чего нам теперь скрывать! Кого бояться?!

Галя ничего не ответила, но Вера поняла, что она согласна, и, желая до конца расшевелить её, поторопила:

— Пойдем веселее... Давай, как солдаты: раз, два! Раз, два!

Когда они вернулись, Варя, разметавшись по кровати, спала, а Маша читала Библию.

— Дочка, — сказала ей Вера, — будь поосторожней с этой книгой, а то Степан Васильевич ругаться будет, если что повредишь... А лучше будет, если ты спать пойдёшь, а то мы с Галей собрались письмо Федору писать.

— Я тоже ему напишу...

— Ты утром напишешь, — погладила Вера дочь по голове, — а то мы долго будем сидеть.

Не сказав ни слова, Маша поднялась из-за стола, тихо разделась и, подвинув сестру, забралась под одеяло. Вера в это время достала из-за божницы химический карандаш и лист бумаги — положила перед Галей, подбодрила:

— Начинай, дочка, пиши — у тебя грамотёшки побольше, а у меня-то и двух классов не наберётся... Пиши, пиши.

В этот вечер они долго не ложились спать: сперва мучились над письмом, а потом говорили. Вера всё больше о себе

рассказывала: и как девчонкой в няньках служила, и как, повзрослев, в поле начала работать, а вечерами бегала на улицу. Рассказала и о муже.

— Он же валёк вальком был, — шёпотом говорила Вера новоявленной снохе, будто делилась с подружкой. — Уж и не знаю, как жениться-то на мне осмелился... Да и то сказать: сватов зато таких языкастых заслал — палец в рот не клади... А матушка моя, царствие ей небесное, хлеб-соль сватам да за стол быстрее... Спешила меня замуж отдать — время-то какое было голодное... Ну вот, помню, сговорились и подошло венчание... Свадьбу честь по чести сыграли, время спать ложиться, а жениха нет... Пропал! Ищут его, а он притворился пьяным и в чулане от меня схоронился... Чуть ли не на веревках привели, еле уговорили в постель лечь. А когда я обняла его — муж всё-таки! — он как закричит на всю избу: «Маманька, ...д-дать, она ко мне лезет!..» Неделю один на полатях спал...

Вспоминая молодость, Вера беззвучно смеялась вместе с Галей и радовалась, что сумела развеселить её... Но веселье жило в Вериной душе недолго. Некстати навалившийся смех вдруг пронзительно напомнил о Фёдоре и Алексее, ушедших на фронт, о Надёжкином несчастье и о своей беде. Действительно: беда, да и только! Как ещё можно назвать то, что по молодости натворил Фёдор... Ладно был бы какой замухрышка... А то парень, каких поискать, и на тебе — нарочно не придумаешь... Уж и Галя уснула, и девчонки во сне то принимались хихикать, то испуганно вскрикивали, а Вера всё думала и думала, мучаясь от бессонницы. Звенело дужкой висевшее на городьбе ведро, этот периодически повторявшийся металлический звон совсем не давал спать. Она и проснулась под этот звон, и показалось ей, что и не спала. За окном едва занимался по-осеннему поздний рассвет; боясь разбудить спящих, Вера тихонько поднялась с постели, осторожно подошла к Гале, поправила одеяло на её ногах; на другой кровати укрыла разметававшихся во сне дочерей и начала растапливать печь, проникаясь изо дня в день повторяющейся привычкой. Теперь вчерашнее происшествие казалось непомерно давнишним; казалось, что Галя исстари живёт у них, а все вчерашние обиды, слёзы, разговоры — недоразумение, случайно посетившее их.

После завтрака Вера послала девчонок в Рубку за грибами, а сама засобиравшись с Галей на работу. А как собралась — опять нахлынуло волнение. Как, оказывается, многое изменилось за один день! Ещё вчера Вера работала вместе с Галей, и никаких переживаний, никаких дум: «А что люди скажут?!» Всё шло привычным чередом, как по расписанию.

— Если кто будет что-то болтать, не обращай ни на кого внимания, — сказала Вера, когда они вышли на улицу и отправились в бригадную ригу. — Считай, что всю жизнь живёшь у нас... А то ведь народ-то, знаешь какой? Почувствует в чём слабинку — и ну издеваться, всякую гадость лить. Тебе обидно будет и захочется надерзить в ответ, но ты терпи, дочка, терпи — Бог за всё вознаградит!

Вера не знала, доходят ли её слова до Галиного сознания, способна ли она понять их, потому что, как ей вдруг показалось, она всё это сказала себе, будто сама себя учила терпению, которым надо запастись теперь... Воистину: взялся за гуж — не говори, что не дюж... Но напрасными оказались Верины опасения. Когда она пришла с Галей в ригу, никто и словом не намекнул, даже и Надёжка ничего не попыталась узнать у сестры, словно обо всём давно знала.

Катя Пономарёва в этот день возила на бестарке провеянное зерно из риги в кладовые. Тоже не подавала виду, словно что-то задумала, и Вере казалось, что перед обедом Катя подойдёт к дочери, обнимет её и поведёт домой! Но нет, не случилось этого: задав мерину мякины, Катя привязала его и пешком пошла домой. Она будто знала, что в это время, переправившись через ручей, к её дому припрыгал на костылях Егорка Петухов. Он пришёл раньше хозяйки и теперь, покуривая и поглаживая култышку ноги, дожидался её во дворе, притулившись на шерботом валуне... Вот Катя через сенцы прошла в избу, вышла, громыхнула дверью, ведущей во двор, и навалилась грудью на Егора, игриво закрыла ему глаза ладонями:

— Думала — не придёшь... А ты — смелый! Ну, пойдём в дом. Я что-то так есть хочу! — Катя забежала и, чуть склонившись, встала перед Егоркой... А глаза озорные и пакостные, как у девки базарной. Она сняла с головы миткалевый в горошек платок, накинула на плечи и, дурачась, прошлась перед Егоркой туда-сюда. Даже и не взглядом, а всей своей ладной подвижной фигурой сказала ему: «Ну, хороша я? Посмотри, приглядишься получше. Хороша? А то небось вчера впотьмах-то не разглядел!» Она подала ему костыли и подхватила под руки, помогая встать. — Пошли обедать...

В избе Егор прошёл к столу, осторожно опустился на лавку и приставил к подоконнику костыли; ненароком поглядывая на Катю, пока она собирала на стол, вспоминал вчерашнее... Хотя вспоминать-то особенно было нечего: подумаешь, с бабой ночь провёл! Ему, довоенному холостяку, бабы были не в диковинку, только теперь, после возвращения с фронта,

непонятно изменились они, бабы. Недавно и на двух ногах не за каждой поспевал, а тут, одноногого, то одна в гости зазвонит, то другая: у одной нож затупился — поточить некому, у другой дверь заскрипела — смазать бы надо...

Выставив на стол закуску и ковш браги, Катя села рядом с Егором, обняла его, заглянула в глаза:

— Ты что такой невеселый? Голова болит?.. Так похмелись.

— А Галя куда подевалась? — насторожённо спросил Егор, словно Галя была где-то рядом и могла их услышать.

Пономарёва поскуцнела лицом, вздохнула:

— Ушла... С кем нагуляла, к тому и жить затопилась... У Виноградовых она — Федьку с войны ждёт... А ты или не рад этому? — спросила Катя, возвращаясь к бесшабашному настроению. — Может, разлюбил меня?

Она вышла в сени, закрыла дверь на задвижку и вернулась в избу. Молчком разобрала постель, игриво поглядывая на всклокоченного Егора и дрожа от волнения, разделась и умылась на перине, продолжая смотреть на гостя.

— Подойди ко мне! — после неловкого затяжного молчания позвала она, начиная стыдиться своей наготы. — Ну что же ты?..

Не смотря на Катю, Егор сказал чуть слышно:

— Зачем ты так паскудно-то...

Неловко опираясь на костыли, он поднялся с лавки, глухо стуча деревяшками, вышел из избы... Хлобыстнула на дворе дверь, скрипнули ворота — всё стихло, а Катя продолжала лежать, чувствуя, как к горлу подступает смех... И вдруг она начала хохотать, расхохоталась до слёз и не заметила, как одни слёзы сменились другими... Визгливо всхлипывая, она принялась одеваться и в этот момент была противна себе, ей показалось — кто-то следит за ней из темноты кухонного угла, и, подойдя к столу, она аккуратно взяла ковш с брагой, словно хотела отпить из него, и плеснула брагу в угол, будто там спрятался Егорка, сказав с удушливой злостью:

— Захлебнись, сатана!

На работу Пономарёва после обеда не спешила. Она, запорокинувшись, долго лежала поверх одеяла, а в голове мысли, мысли... Мыслей оказалось так много, так они томили душу, что Катя забыла обо всём на свете. Почему-то вспомнился муж... Вот только что закончился районный слёт пожарников, и она со своим усатым Веней катит в Князево на водовозке. На Вене развевается белая рубашка, медная каска, которую он надевал только по праздникам, сбилась на глаза, а сам он что-то кричит, стараясь перекрыть грохот бочки. Катя ничего не понимает, только чувствует, что вопит что-то

здорное, и сама срывает с головы красную косынку и машет ею неизвестно кому и зачем, машет... А у дома их встречает дочка — синеглазая Галя... В том же тридцатом году Веня Пожарник угорел в собственном доме, напившись на Октябрьскую, отмечаемую коллективно всем колхозом... С той поры и начались Катины мучения. Только год она сумела прожить, продержаться без мужика, а потом началось: то с одним месяцем, то с другим, но никак не могла найти такого, как Веня. На селе уж смеяться стали. «А ты сразу двух приводи!» — зубоскалили иной раз мужики, когда очередной «жених» сбежал от Пономарихи. А этим летом Кате приснилась старуха-вешунья. «Не там, милка, ищешь! Всё норовишь самого видного оплести, а ты в другую сторону посмотри... Приюти у себя увечного какого: хромого ли, одноглазого ли — с ним горя знать не будешь!» — говорила старуха на ухо, словно кто-то мог подслушать её слова. И так они запомнились Кате, что когда вернулся с фронта Егорка Петухов, она подумала: «Вот она, моя судьба! С ним-то я заживу-у!..»

Из-за него она и Галю выгнала, чтобы не мешала жизнь ладить, а он вот собрался и ушёл... И теперь, после его ухода, к Кате пришла неясная мысль о том, что всё, что она делала после Вени, — всё делала не так, нужно было как-то по-другому... Эх, кто бы подсказал, научил или так отругал, чтобы жизнь стала не мила. А чем она, жизнь, хороша? Чем? Этот вопрос вдруг поднял Катю. Она села на кровати, свесив босые ноги, и почувствовала, что очень замёрзла. Показалось, что в избе, как в могиле. И следом пришла необычная мысль: «А стоит ли так жить, если нет жизни-то? Да проще удавиться!..» Подгоняемая этой мыслью, она вышла в сенцы, отыскала в чулане возовую верёвку и, вернувшись в избу, сделала на верёвке две петли, одну накинула на крюк, на котором когда-то висела люлька, а вторую на себя. Подумалось: «На этом крюку жизнь начинала, на нём её и закончу!» Верёвка была чересчур длинной, и она присела, чтобы примериться, и вдруг неожиданно поскользнулась, почувствовала, что неловко падает и приготовилась упасть, забыв о верёвке, но она задержала, до слёзной боли сдавив шею; Катя захрипела, еле встала на колени и дрожащими от испуга руками едва сняла с шеи грубое кольцо... Поднялась на ноги, сдёрнула верёвку с крюка и выбросила в сенцы.

Вновь уселась на кровати, её бил озноб, а всё только что случившееся казалось далёким и неправдоподобным сном. И если бы не саднила шея, она и не поверила бы в то, что едва не сделала над собой.

В ригу она пришла часа через два, прикрыв шею приспущенным платком. Кто-то сказал: «Ой, Кать, да ты никак костью подавилась! Ишь горло-то укутала!» Пономарёва промолчала, встала к молотилке и сноп за снопом кидала в её ненасытное нутро, гремевшее железяками, и не глядела на язвительно переглядывавшихся баб.

С начала сентября на околице Пушкарской слободы начали копать противотанковый ров, рассекавший узкий перешеек между Буграми и отрогом Котовой лощины. Стратегически место выбрали верно, но старики сомневались: «Мы здесь последнюю силу гробим, а немчура возьмёт да это место стороной обойдёт. Он ведь как прёт-то, окаянный. Москву вот-вот захватит!» — «Посторонись-подвинься, — налетали бабы на слабоверных, — нас так просто не ухватишь!» Спора не получалось: о чём спорить, когда в каждой семье то муж, то сын или отец воюет. Не то время. Работать надо... Со всей округи ко рву сходились мало-мальски работающий народ: из Пронска прибегали домохозяйки и служащие учреждений; колхозы делились работными людьми; забросив питомник, приходили из Городища молчаливые бабы; вместе с ними, как петух с курами, Степан Васильевич мелькал вдоль рва барсучьей безрукавкой. Ходила и Надёжка, и Вера. Григорий побывал разок.

— Это занятие не по мне! — сказал он, вернувшись в потёмках домой. — От натуги какая-то жила внутри набухла, вот-вот лопнет... — но Григория, похоже, никто не слушал: Акуля в сенях перебирала картошку, Надёжка в этот день возила колхозное зерно в Хрущёво, а Сашка вертелся около деда, но не слушал его, а хвалился тройнёвым орехом.

Не дождавшись ответа от Акули, Григорий молча прошёл в кухню, сам достал из печи чугунок со щами. Ел долго и жадно, подбирая со стола крошки и подкладывая размоченный во щах хлеб сопевшему рядом Бориске. Тот горсткой брал со стола еду, отправлял её в рот и просил ещё, напоминая о себе коротким, требовательным словом «Мнямня!».

После ужина, попив с Бориской и Сашкой чаю с заваркой из душицы, Григорий подсел к жене.

— Я вот что думаю, мать! — попытался он вызвать её на разговор, хотя и не надеялся, что она разговорится; уже две недели после пропажи Зорьки Акуля не разговаривала. — Вот чего думаю-то, — повторил Григорий. — Думаю, пора идти по дворам заработок собирать... А то зима ныне ранняя должна быть — рябина с Ильина дня ягодой пламенеет, — да и на трудодень в этом году не особо обломится-то — война! —

Григорий взглянул на жену, но та будто ничего не слышала. — Чего молчишь-то? С тобой говорю... Иль оглохла?

— Вся жизнь совета не спрашивал, а тут вдруг!.. Всё равно не слушаешься... — через силу сказала Акуля.

— Это смотря что скажешь?!

— О чём говорить, когда не по-людски это — ходить по дворам, когда сезон не закончился!

— Не всё ли равно людям. Отдал положенное — и с плеч заботу долой: им головы потом не ломать, и мне спокойнее.

— Никогда такого не было, чтобы раньше времени собирали.

— Да о себе, что ли, забочусь, — швырнул Григорий картофелину в ворох. — О вас о всех... О тебе — тоже!

Акуля промолчала, а Григорий резко поднялся.

— Ещё вспомнишь мои слова, — сказал он с угрозой. — Только с Фокина сейчас же получу причитающееся, уж он-то от меня никуда не денется! Корову продал — неделя прошла, а о расчёте и не заикнется, змеюка!

— Делай как знаешь, — безвыходно прошептала Акуля, — тебе виднее...

Распалившись, через минуту Григорий стоял перед соседским крыльцом. Постучал. Вскоре в сенях раздался голос фокинской снохи Василисы.

— Кто там? — спросила она насторожённо.

— Григорий. Сосед ваш... Пусти — дело есть...

Когда Василиса открыла дверь, Григорий спросил:

— Дед дома?

— Ужинает... Проходите, Григорий Тимофеевич, — пригласила Василиса и, поправив на плечах полушалок, мягко шаркая опорками, пошла за Григорием, пропустив его вперёд.

Григорий вошёл в избу, встал у порога, и слова в горле застряли...

— За чем явился-то? — после неловкого молчания, положив ложку на стол, спросил Фокин.

— Должок забрать, — твёрдо ответил Григорий и сделал шаг вперёд. — Корову более в стадо не гоняете, значит, для вас, можно сказать, зима уж наступила. А раз так, то с вас причитается пуд муки и мера картошки, как весной всем сходом решили. А десяток яиц да горшок молока — это прощается — всё-таки корову гоняли не до снега.

Фокин поджал ноги, повернулся к Григорию:

— А если я ничего не дам? Корову-то мы по твоей вине продали!

— На всю жизнь этим не насытишься... Срыгнётся быстро!

— Верно говоришь — жадничать нехорошо... Елизавета, — покосился Фокин на жену, — насыпь ему полпуда муки, дай ведро картошки и пусть выметывается!

— Не ошибся, Тимофей Кузьмич?

— В таких делах я ещё ни разу не ошибался!

Елизавета устало поднялась с лавки, тяжело передвигая толстые ноги, вышла в сени. Вернулась скоро: поставила перед Григорием ведро картошки и муку в липовке. Тот сыпанул муку на ладонь.

— Чего ж это аржаную-то суете? Всю жизнь люди пшеничной расплачивались!

— А на сходе никто не говорил, какой мукой расплачиваться. Мукой — и всё, — ехидно улыбнулся Фокин. — Скажи спасибо, что ещё такую дают.

— Ладно, пусть будет по-вашему, — сказал Григорий хозяину и добавил: — Выдь на минуту.

— Ну, чего хотел сказать? — сердито спросил Фокин на крыльце.

— Я слышал — ты в лесники устроился?!

— Верно слышал, — согласился Фокин. — Вместо вашего Дмитрия в обход поставили. И лошадь дали! А тебе или не по душе это?

— Моё дело — сторона... Это я к тому, что в лесу иногда узкие тропки попадаются — вдвоём не разойтись... Ну, я пошёл. Посуду баба вернёт...

Возвращаясь домой, Григорий ругал себя: «Зачем взял половину-то? Зачем? Не оголодал бы без его подачки! Ведь он теперь от радости две ночи спать не будет».

Акуля по-прежнему возилась с картошкой и не захотела отрываться от работы, когда Григорий сказал:

— Принимай вот...

— Авань не барин: муку в ларь высыпь, а картошку сразу в подпол. Чего её десять раз с места на место гонять.

— Сама пересыплешь, а я спать пойду — поясница ломит, — воспротивился Григорий. — Да не забудь порожняк Елизавете вернуть. Сегодня же! И хватит керосин жечь. Днём надо картошкой заниматься!

— Ладно — учитель! Ребят иди уложи — во все углы тычаться! — примиренчески напомнила Акуля, но Григорий отмахнулся:

— Сами улягутся... У них мать есть.

У него действительно ломила поясница. «Видно, на рву наломался!» — подумал он, укладываясь на печке... На ров Григорий ходил по собственной инициативе: никто его не упрекнул, если бы и не пошёл — стадо общественное стере-

жёт! А напросился он после того, когда узнал, что Фокин устроился в лесники: нос ему хотел утереть, а получилось сегодня наоборот. «Но это — полбеда, — размышлял Григорий, — об этом мало кто знает, а вот то, что я на рву был, — все видели! Меня не проведёшь...» Григорий не ведал, зачем ему это понадобится, но чувствовал, что, при случае, всегда может уколоть соседа, напомнить ему: «Вот я, мол, хоть и постарше тебя, а на рву как молодой ломался, а ты в это время в лесу отсиживался да в дальних деревнях самогон жрал!..» Эти рассуждения разогнали навалившуюся усталость и недовольство походом к Фокину. Мало-помалу Григорий успокоился, а когда вернулась Надёжка, шутливо напустился на неё:

— Ты где же это шатаешься-то, шатоха? Пашка, такое дело, на часок домой залетел, а жены нету дома... Чего ему скажешь, когда вернётся?

Акуля, закончившая к этому времени возиться с картошкой, от такого вранья мужа аж поперхнулась.

— Что же ты выдумываешь-то?! — стукнула она ухватом по полу. — Что же до самой старости ума-то не нажил? Таким и помрёшь, сатана?!

Наворочавшись за день с мешками зерна, Надёжка после слов свёкра обессиленно опустила на лавку у окна:

— Папань, правду говоришь или шутишь?.. Правда, Павел был?!

— Слушай его больше, — замахнулась Акуля на Григория. — Всю душу, паразит, выворачивает! Чего только не сочинит...

— Чего, мать, шумишь? — улыбнулся Григорий. — Вот, Надёха, на, читай письмо от муженька. Днём сегодня почтальонка отдала...

— Чего же раньше-то ничего не сказал, — прослезилась Акуля.

— Так письмо-то не нам с тобой, а Надёхе, жене то есть. Так и написано: «Надежде Васильевне...»

— Да что же ты, идол, душу-то терзаешь?.. Давай письмо!

Григорий подошёл к пиджаку, висевшему на перегородке, аккуратно вынул из бокового кармана бумажный треугольник и подал подавшейся навстречу снохе:

— Читай!

Письмо было короткое и написано ещё в конце августа в Рязске, где Павел стоял на формировании. Он даже не сообщил обратного адреса, потому что не знал, в какой части будет служить. Сообщил только, что жив-здоров, велел поцеловать ребят и слал поклон матери и отцу.

— Слава богу, — слезливо засморкалась Акуля, — жив! А Рязжк этот недалеко от нас. Быть может, дальше-то и не погонят никуда. А то всех угонят, а кто же нас защищать будет? — рассуждала она вслух.

Григорий после письма помрачнел: он не услышал того, что надеялся услышать, весь день не расставаясь с письмом. Разные мысли носились у него в голове. То он принимался радоваться, что Павел рядом с домом почти, то одолевало сомнение: а вдруг с ногой что! Ведь всю зиму рана не заживала, к весне только-только покрылась молодой бледно-розовой кожицей, словно раненая берёзка. Ноге-то этой по мягкой травке летом походить, да война открылась — с утра до вечера в обуви... Эта мысль уходила, а взамен являлась другая. Григорий уже мечтал, что Павел успел отличиться и получил звезду Героя... Эх, сейчас бы с ним по селу пройтись, чтобы все видели!.. Э-эх! И так Григорий это явственно представил, что глаза набухли слезами радости: он жмурился, тёр глаза, разводил на щеках мокроту и правдиво всхлипывал, будто Павел действительно стоял перед ним, сверкая Золотой Звездой.

Когда старики улеглись спать, Надёжка в кухне прочитала письмо несколько раз, и ей захотелось к Павлу: увидеть, услышать его голос, прижаться и долго-долго быть вместе. Три недели, что она прожила без него, показались ей нескончаемыми годами. Она так не тосковала по мужу, даже когда он два года служил в армии, когда уходил с артелью, хотя нет — тоже тосковала, но тогда тоска была другой: тогда она знала — он вернётся, чего не могла уверенно сказать сейчас, и дума об этом холодила душу, наваливалась опустошающей вялостью. Что она будет делать, если вдруг не будет его?.. Нет, лучше не думать. Не надо. Он вернётся, он обязательно вернётся. К этому времени она ещё родит ему сына, и заживут они, ох, как заживут!.. Такие волшебные картины будущей жизни рисовались в её воображении, что она, закрыв глаза, тихонько постановывала, представляя, что Павел уже вернулся, он рядом, и никогда больше с ней не расстанется, не покинет ни на минуту... Она бы, мечтая, так просидела всю ночь, но тихий стук в окно заставил вздрогнуть. Надёжка тряхнула головой, прогоняя видения, прислушалась. Когда стук повторился — прошла в сени и, чувствуя, как колотится сердце, спросила:

— Кто там?..

— Тётя Надь, это я — Маша, — раздалось с улицы. — Мама велела прийти.

Надёжка открыла дверь, увидела на крыльце Верину дочь и перепугалась:

— Что случилось?

— Тётя Люба сейчас прибежала к нам... С маленьким своим. Плачет он, — сказала Маша и повторила: — Мама велела прийти...

Сразу не сообразив, о какой Любе говорит Верина дочка, Надёжка только в избе вспомнила о младшей сестре, с лета жившей в Городище и растившей двухмесячного сынишку. Зиму помыкавшись с Николаем по общежитиям и натерпевшись от комендантов и милиции, Люба перед самыми родами приехала к брату в Городище, где и места полно — целая лесхозовская квартира пустовала — и воздух вольный, и молоко всегда свежее... Приехала она в середине июня, а через неделю война началась. Месяц подержался Дмитрий в объездчиках, а потом и его мобилизовали, и совсем без него другая жизнь пошла: сноха не брат! Но и в Москву возвращаться было нельзя: куда же поедешь с младенцем, когда и Николая вот-вот на фронт отправят. Если бы была жива мать, то и думать никаких, а вот попробуй без неё да без брата проживи!

Вспомнив о сестре и о том, что за три месяца так и не навестила её, если не считать одного разочка, когда прибежала к Любе посмотреть на её новорождённого, Надёжка никак не могла найти кофту, а когда вышла на крыльцо — Маши не было, и — быстрее к Вере.

В доме действительно увидела Любу и малыша, надрывавшегося у неё на руках.

— Что случилось-то? — спросила она у Любаши, но та промолчала и за неё ответила Вера:

— Житья ей нет в Городище... В Москву собралась, а я отговариваю. Там даже хлеб по карточкам — особо не разреешься... Да и жить негде — своего угла ещё не нажили.

— Нюра выгоняет? — спросила Надёжка, словно сама хотела удостовериться.

— Прямо ничего не говорит, но даёт понять, что я лишняя в их семье. Попрекает, что живу в чужом доме, хотя и дом-то не её, а государственный. Я уж и с лесничим поговорила: как Володька немного подрастёт, я бы в питомнике стала работать. Как-нибудь прокормила себя... Да и Николай помогает, с двух получек деньжонок прислал. — Люба заплакала и сквозь слёзы всё-таки стала улыбаться сыну, пищавшему на руках. — Что я ей плохого сделала?! — продолжала слезливо жаловаться Люба. — Пока она на работе, я и за её детьми присматривала, кормила их, обстирывала. Чем плохо? А ей всё чего-то неймётся, всё кажется, что их хлеб ем, будто побирушка какая.

— Ладно, успокойся, — обняла Вера сестру, — на всё воля божья, а мы как помогли тебе, так и будем помогать, не бросим.

— Я знаю, почему Люба ей поперёк горла, — сказала Надёжка. — Она помнит, как мы её в больнице к маме в палату не пускали. Уж больно она обиделась тогда, а сейчас, без Дмитрия, выкаблучивать стала... Только ты не обращай на неё внимания. Комната у тебя мамина осталась, вот и живи в ней. Мало ли кто тебе что скажет! На всех и оглядываться!

— Ругаться-то тоже нехорошо, — вздохнула Вера. — Руганью ничего не добьёшься, только злобу на сердце взрастишь, сатане на усмешку.

— Вам-то, сестрицы дорогие, хорошо говорить, у вас крыша над головой своя, а мне и жить негде и голову приложить не к кому, — плаксиво запричитала Люба. — Всё же в Москву поеду к Николаю...

Вера нахмурилась:

— Собраться-то недолго, а приедешь — его на фронт отправили! Что делать тогда будешь?

— Его не отправят... Он на днях письмо прислал — пишет, что ему бронь обещают дать.

— Вот счастливая! — вырвалось у Надёжки. — Я бы на твоём месте под собой ног от счастья не чуяла, а ты слёзы льёшь... Так что и думать о них перестань.

— Правильно! — поддержала Вера. — Оставайся сегодня, а утром видно будет, что дальше делать... Девчонки лягут на печке, а ты устраивайся на их кровати. Можно топчан разложить, но с ним морока одна. Я и в кухне посплю.

У Веры в доме спальни не было, зато в просторной кухне хватало места на лежак в полторы доски, на котором, чтобы не разбирать постель, можно было в обед вздремнуть... Вера ничего не сказала, где ляжет Галя, и той сделалось стыдно оттого, что она занимает хозяйскую постель.

— Может, я буду в кухне, — робко высказалась Галя, — а Люба на... этом месте... — Галя едва не сказала «на моём месте» и тотчас покраснела.

— Ну что ты, что ты, — засуетилась Вера, — тебе на соломенном матрасе будет хрушко, а мне-то как удобно: проснулась утром, и печка рядом.

— Вот и хорошо, что все разобрались, — напомнила о себе Надёжка, — пойду я тоже укладываться...

Уходила она, невольно сравнивая себя с Любой и Галей. «Отчего им счастье-то такое, — думала Надёжка, шурша вдоль порядка опавшими листьями, — чуть что не по душе — сразу жаловаться: пожалейте меня — невестка ругается! Почему у меня-то таких мыслей не было, когда замуж вышла? А уж на что несладко бывало: что не так скажу или сделаю что не по мужнину — так он сразу кулаки сучит... Оплеуху полу-

чишь ни за что, а матери и пожаловаться не смей — последние волосёнки выдерет... Или Галя эта: едва червячок у неё завёлся, а ей сразу и дом, и стол, и постель отдельную, словно барыне какой...»

Вернувшись, она почувствовала себя уставшей-уставшей. Еле-еле добралась до кровати, а когда забралась под одеяло, — стало зябко, одиноко и спать расхотелось; вместо сна бесконечные думы.

Любаша в эту ночь тоже долго не могла заснуть. Боялась: вдруг во сне Володьку задавит! Ведь он когда и в люльке-то лежит, кажется совсем крошечным, а на кровати к нему прикоснуться страшно, не то чтобы рядом заснуть... Помучившись, всё-таки задремала. А проснулась раньше Веры, зажгла в кухне коптилку и начала заниматься сыном. Потом и Вера, кряхтя, как старуха, поднялась и, потягиваясь со сна, улыбочиво спросила:

— Не раздумала в Москву ехать?

Люба промолчала, а Вера зажгла от коптилки пучок щепок и стала растапливать печь. Когда дрова занялись потрескивающим пламенем, под села к Любе на кровать, тихо сказала:

— Вот что, девка, сейчас не время туда-сюда бегать. Принимаю — тяжело тебе в Городище без матушки нашей и без Дмитрия... Но что делать — война идёт! Если так каждый будет егозиться, то что тогда будет? Норов-то всякий горазд показывать — труднее смириться. Может, и правда невестка в чём виновата, так ты промолчи, не каждый раз словом на слово отвечай... Я, когда вышла за Алексея, тоже сперва не могла ужиться: всё не по мне, всё не так, чуть чего — в слёзы! А через годик-другой обвыклась, приспособилась — не весь же век друг другу шпильки ставить. Где промолчишь, где посмеёшься, хотя иногда не смеяться, а плакать бы надо.

Люба действительно заплакала, стала утираться и пугливо всхлипывать. Вера, ни слова более не сказав, оставила её, начала греметь чугунами. От этого внешнего равнодушия Люба малопомалу успокоилась, накормила проснувшегося сына и стала собираться. Вера подошла к ней и вопросительно посмотрела.

— В Городище пойду, — потупилась Люба.

— Не спеши. Сейчас вместе позавтракаем, тогда можно будет определяться... Давай девок будить... Галя, Маша, Варя, вставайте! Хватит, хватит бока отлёживать...

И сразу в избе стало шумно, тесно, на Веру нахлынула каждодневная утренняя суета, когда ноги бегают сами собой.

Пока дочери собирались в школу, Вера проводила Любу за село. Расставаясь, сказала:

— Всё наладится, вот увидишь... Не забудь — через неделю поминки по маме. Приходи.

На том и расстались. «Ведь и правда скоро годины, — думала Вера, возвращаясь, — а у меня ничего не готово, как же это я всё запустила?» Она лихорадочно стала подсчитывать, что нужно к поминальному столу... Много чего требовалось, а в магазинах с начала войны хоть шаром покати. Она понимала, что народ ныне особо не раскачаешь — не на свадьбу звать-то будешь! — у каждого своё горе или беда какая, а кто только ждёт её, только ждать-то, может, и не надо — она уже за крыльцом прячется... Ведь в Князево с начала войны несколько похоронок пришло, но о них на людях никто не говорил, словно и не было ничего такого: одни из суеверного страха — как бы не накликать новой беды! — другие смиренно замкнулись: что ж поделаешь, раз такая судьба выпала!.. «Но ничего, — думала Вера, — хоть и война, а надо всё по-людски сделать. Баранчика зарежу, брагу сегодня поставлю — глядишь, что-нибудь да соберу. А если чего и не будет, то люди не осудят — время не то».

На поминки действительно народу собралось мало: Акуля с Григорием приходили по очереди (Надёжка весь день помогала Вере), пришли старухи и старики со своего порядка да кое-кто из соседних деревень, кто знал Наталью. Князевская читалка в этот день заболела, для мотовской не нашли лошади, а пешком она из-за больных ног идти не согласилась, и тогда Вера сама стала читать псалтырь. Сначала бойко скользила глазами по истертым страницам, но с каждым часом читать становилось всё труднее и труднее: язык одеревенел, а ноги подкашивались от усталости и непривычной неподвижности. Только к исходу третьего часа её уговорили передохнуть, и Вера тяжело опустилась на лавку, прижалась спиной к стене, но Надёжка потревожила:

— Ты приляг иди, а то от кирпичной стены холодом несёт — простынешь!

Вера тяжело поднялась с лавки, прилегла на кровать, устало закрыв глаза.

— Что же это Люба-то не пришла? — спросила она у Надёжки. — Опять, что ли, у них с невесткой война?

— Вот рассветёт — узнаю, сбегаю в Городище, — успокоила та сестру. — Небось, с мальчишкой что-нибудь...

Надёжка вышла от Веры затемно: спешила сходить в Городище до работы. Выскочила на крыльцо в кофте, но, поевившись, вернулась в избу, спросила у Веры телогрейку и, когда вышла за село, подумала: «Год назад было намного теплее в это время, а ныне вот-вот снег ляжет!» Правда, пока

дошла ложиной до леса — согрелась, а ещё через некоторое время ей стало жарко. Она почувствовала, что вспотела, откуда-то взялась слабость, голова закружилась и, не желая этого, она опустилась на заиндевелую, обжигающую приятным холодом траву... Надёжку тошнило выматывающе долго, и когда вдруг полегчало, вытирая выступившие от напряжения слёзы, она почувствовала, как дрожит рука.

— Ох, ох, матушка родная, — невесело улыбаясь, приговаривала Надёжка, — это кто же во мне привередливый-то живёт? Видно, девка-посевка выкрутасничает... Ребята-то смирные были.

Не чувствуя холода, она ещё минуту или две полежала на траве, но, увидев, как луна блекнет в рассветном небе, спохватилась и заторопилась в Городище. К братову дому подошла, а в окнах ещё света нет... Тихонько вошла в незапертый коридор и увидела на невесткиной половине замок, а Любина дверь колом подперта... Сбив его ногой, ввалилась в комнату и увидела поверх одеяла спящую Любу... Заглянула в люльку, а там малыш посапывает.

Надёжка присела в ногах у Любы, начиная приходить в себя от быстрой ходьбы, от нахлынувших дорогой нехороших мыслей — а вдруг с Любой что-то случилось! — и начиная сознавать, видя перед собой спящих мать и ребенка, что, главное, они живы-здоровы... Услышав сестру, Люба зашевелилась, выглянула из-под накинутого полушубка, под которым спала, согнувшись калачиком. Она обрадованно взглянула на сестру, прислушалась к спящему сыну, и на её лице, посеревшем то ли от недосыпания, то ли от переживания, родилась виноватая улыбка. «Ну, вот видишь, как всё получилось!» — говорил её взгляд.

— Кто же это тебя колом-то подпёр? — тихо спросила Надёжка, взяв в свои руки тёплую со сна руку сестры.

— Невестка наша дорогая — больше некому до такого додуматься... Она вчера после обеда собрала ребятишек и, видно, в Скучаловку отправилась к родственникам на престольный праздник. Я ещё подумала тогда: «Чего же она ничего не сказала?» Хорошо я у окошка стояла. Отошла она до середины порядка и, вижу, оставила ребятишек и возвращается... Решила, что она хочет что-то сказать, и присела на лавку — шерсть сучу, как ни в чём не бывало. Думала, она постучит, да только ничего такого не дождалась... Опять выглянула в окошко: может, она с кем остановилась поговорить, но ни её саму, ни ребятишек уже не увидела... Ну, ладно, ушла, значит, ушла, в конце концов я ей не указчица. Тоже решила в Князево собираться. Уж оделась, Володьку запеленала, а ухо-

дить собралась — дверь не открывается. Я туда-сюда — не открывается и все тут! Что делать? Взялась реветь, догадавшись, что это невестка меня подпёрла. Коридор-то у нас узкий... И в окошко никого не позовёшь сквозь двойные рамы.

— И ты сидела дождалась, — возмутилась Надёжка, — разбила бы стёкла, позвала б людей, услышал бы кто ни то... Посмотрели, что она вытворяет!

— Да это же срам на всю округу, — прихлопнула руками Люба, — потом разговоров не оберёшься.

— А под арестом лучше сидеть?! Она у родственников пироги трескает, а у тебя, небось, воды попить нету... А если бы я не пришла? Так бы и сидела взаперти?

— Не ты, так Вера бы прибежала, — улыбнулась Люба, — разве вы бросите!

— Ах, девка ты девка — ангельская у тебя душа, ну что с тобой поделаешь...

— Жалко маму вовремя не помянула, как положено, — вздохнула Люба, — придётся так к Николаю ехать.

— Ты опять за своё! — нахмурилась Надёжка и, как давеча, почувствовала себя нехорошо.

— Что делать, — отозвалась Люба, — и такая не жизнь.

В это время в люльке зашевелился младенец, требовательно вскрикнул и обиженно-обиженно заплакал... Люба подошла к нему, аккуратно вынула из люльки и, положив на кровать, стала пеленать.

— Ну, я пойду, — напомнила о себе Надёжка, — мне ведь на работу бежать надо.

— Конечно, иди...

— Только не вздумай по-тихому уехать... Мы с Верой проводим.

Почеловав сестру и поддев в коридоре суковатый кол, Надёжка вышла на дорогу, за Городищем зашла в глубь леса, боясь с кем-нибудь случайно встретиться, и несколько минут сидела на высоком пенёчке, распахнув на груди кофту и глубоко вдыхая настоявшийся за ночь воздух... Когда чуток полегчало и перестала кружиться голова, она вышла из леса и быстрее, быстрее в Князево. Зашла к Вере, торопясь рассказать новости, но та уже ушла на работу, и, забежав на минутку домой за ломтем хлеба, помчалась догонять её.

В этот же день, расспросив сестру, Вера отправилась после работы в Городище. После бессонной ночи не хотелось куда идти, и она бы не пошла, если бы не этот случай. «Ведь это надо до чего додумалась, — стыдила Вера невестку, будто уже встретилась с ней. — Всю жизнь овечкой прикидывалась — и не подумаешь никогда. Как только совести хватило измы-

ваться над матерью с младенцем! Что они тебе плохого сделали? — не укладывалось у Веры в голове, не могла она понять, как можно вершить новое горе, когда оно и так кругом обступило. — Нам бы, людям, кучней сбиться, помогать друг другу словом и делом, а она вон что вытворяет!..»

Вошла Вера в комнату Любы, а у той уж чемоданчик фанерный и узел наготове у порога стоят... Сама она кормила сына и, увидев сестру, часто заморгала, слёзы сами собой закапали на ребёнка, и тот пугливо вздрогнул, упустил сосок и обиженно запищал, словно его насильно отлучили от груди.

— Не переживай, — прислонилась Вера к Любе, — ещё, не дай бог, молоко пропадёт... Успокойся, слезьми тут не поможешь... Вижу, уж собралась — вот и молодец. Сейчас же и пойдём!

— С утра бы надо ехать, — непонимающе посмотрела Люба на сестру, — разве сейчас на чём уедешь?

— А до Князева можно и в темноте дойти, мы не будем спешить.

— Как в Князево?! — удивилась Люба. — Я же в Москву собралась, к Николаю!

— Про Москву и думать не моги, и, чтобы ты о ней ни говорила, слушать не хочу. Собирайся!

Не дожидаясь, пока Люба что-то сообразит, Вера вынесла узел и чемодан на крыльцо и не утерпела, постучалась к Нюре. Дверь открыла её старшая дочь — Люся.

— Здравствуйте, тётя Вера! — еле слышно произнесла она и стыдливо опустила взгляд, а Вера даже в едва проникавшем в раскрытую дверь свете моргаски увидела, как её лицо покрылось малиновыми пятнами.

— Мать дома? — спросила Вера.

— Ма, тётя Вера зовёт, — посмотрев в комнату, сказала Люся матери и отошла в сторонку.

Нюра вышла быстро. Она закрыла за собой дверь и сухо спросила:

— Что скажешь?

— Да уж и не знаю, что и сказать-то, ты ведь какая дерзкая стала... Чем же Люба не угодила. Объела, что ли?

— Да, объела!.. Каждый день по горшку молока ей давай, а у меня своих четверо — братец ваш настрогал.

— Брата нашего не тронь. Он тебя из нищеты вытащил!

— Да уж прямо — озолотил. Не знаешь, какую копейку вперёд тратить... На его бы месте другой как туз ходил, а он всю жизнь заплатка на заплатке.

— Зато о нём никто слова плохого не скажет, и краснеть за него не надо! А вот тебе-то придётся перед ним ответить. Он у тебя спросит, когда вернётся, почему ты сестру его выжила, спросит...

Нюра минуту молчала, замерла, почти слилась с темнотой коридора.

— Теперь уж не спросит, никогда не спросит... — донеслись до Веры невесткины слова; сдавленные грудными спазмами, они, как показалось Вере, словно родились в глубине пересохшего колодца. — Третьего дня извещение пришло, — уточняя, добавила Нюра и прислонилась к дверной колоде, а Вера опустила на ступеньку крыльца, медленно повторяя про себя сказанное невесткой... Вера не заметила, как Нюра ушла в дом, она мучительно пыталась понять слово «извещение»... Ведь это же похоронка... Значит, его нет, нету братки в живых! Нету!

Когда, придерживая ребёнка, Люба вышла на крыльцо, Вера повалилась ей в ноги:

— Митю убили...

— Кто тебе сказал-то, кто?

— Невестка... Только что...

До самого Князева они не произнесли ни слова. Через день Вера собрала ещё одни поминки, и после этого в её многолюдном доме редко у кого на лице появлялась улыбка. Жизнь, казалось, остановилась. А тут ещё пронёсся вьюжный зазимок, землю сковало холодом. Через несколько дней, правда, отпустило, но сырая стынь уже не прогревалась даже и в те редкие дни, когда разгоняло облака и осторожно выглядывало блёклое, натужное солнце, светившее, казалось, из последних сил.

С двадцатого октября 1941 года в Москве и прилегающих районах ввели осадное положение. В Пронске появились военные патрули, а на выездах из города поставили контрольно-пропускные пункты. Появление в районе военных напоминало о приближающемся фронте, и всё чаще появлялись вражеские самолёты-разведчики. С контрольных пунктов по ним стреляли из винтовок, но когда пара самолётов расстреляла дощатый домишко и при этом погиб красноармеец, то стрелять по ним перестали, и они, как коршуны, безнаказанно кружили в небе, высматривая что-то для себя важное, а иногда, видно потехи ради, пускали очередь-другую вдоль сельских порядков. Не обошли и Князево.

Григорий в эти дни ходил по дворам — собирал заработанное за сезон; прежде сами несли, а теперь чуть ли не выпрашивал. Давали не сполна, а кое-кто и половины положенного не наскребал. С мужиков бы Григорий всё содрал, а с баб... Иная так расслонявится, что впору не с неё брать, а ей отдать последнее, только бы замолчала. А то как начнёт причи-

тать — всех святых соберёт, хоть сам на порог с ней садись и вой по-волчьи. Дошло до того, что однажды с утра он отправился в правление, чтобы принародно отругать собравшихся на наряд баб, может, тогда им станет друг перед дружкой стыдно... Ругаться-то ругался, да только пользы от того не вышло: заклевали они, еле-еле отбился — хотели снега в штаны насыпать.

«Ну, ничего — весной вы ещё попросите, — мстительно думал Григорий, возвращаясь домой, — вы ещё поклонитесь мне... Только и не подумаю за кнут братья. Хватит, давно отстерёг своё. Пускай теперь Мать-Грунька будет у вас за старшего, он вам стадо-то быстро уполовинит!» Старик прошёл Тюлямин мост, уже подходил к дому, когда от размышлений отвлёк незнакомый, быстро приближавшийся металлический гул. Не успел Григорий что-либо сообразить, как увидел два летящих со стороны Пронска самолёта. Один из них был так низко, что, казалось, вот-вот посрубаёт верхушки вётел. Он хотел помахать ему, но вдруг увидел на крыльях чёрные кресты, и в тот же миг самолёт клюнул острым носом, словно хотел впитаться в землю, немного занёс хвост и полетел на него. Григорий от неожиданности упал на снег, инстинктивно накрыл голову руками и услышал, как рядом пудовым горохом простучала пулемётная очередь... И сразу же Григорий оглох от моторного рёва, накрывшего его и так придавившего к снегу, что он животом почувствовал острый ком мёрзлой земли. Когда гул отдалился, Григорий, приподняв голову, увидел, что самолёт накренился, стал поперёк неба, так, что был виден шлем лётчика... Догадавшись, что тот разворачивает свою машину, чтобы добить, Григорий вскочил на ноги, пригнувшись, метнулся в заросли татарника, камышом желтевшие вдоль ручья, и забился в них, косясь на самолёт. А он — то ли потерял старика из виду, то ли и не думал гнаться — над селом развернулся и пустился догонять напарника.

Когда гул моторов затих, Григорий, как зверь с лёжки, осторожно выбрался из татарника и, пугливо вскидывая задом, затрусил домой. Молчком ввалившись в избу, он прошёл в кухню и долго выбирал из щеки и лба впившиеся колючки, морщась от боли и раздражённо сплёвывая на пол. С необычной тревогой следившая за ним Акуля не знала, что сказать и что делать в эти минуты. Она слышала из избы стрельбу и, глядя на необычное поведение мужа, не могла это всё объяснить... Пока Григорий вертелся перед вмазанным в печку зеркалом, она боялась произнести лишнее слово, а когда он коротко сказал: «Собирайся, старая!» — непонимающе посмотрела:

— Что надумал-то, отец?

— А ты глупая, что ли? Или не слышала, как германец сейчас хотел село разбомбить?! Коль уж он такой наглый стал, то дальше хуже будет — в живых нам здесь не остаться. Надо в лес уходить. Пойдём к леснику Максиму Дронину, упадём ему в ноги, может, пустит, должен пустить, он ведь теперь один в сторожке живёт. Баба-то его, если помнишь, весной померла, так что, думаю, потеснится — троюродный брат всё-таки!

— Да ты что говоришь-то, думаешь хоть?! — изумилась Акуля. — На кого же ребят оставим, Надёжку... Ты прежде думай, чем говорить-то такое!..

— Все уйдём, может, не сразу, а уйдём... Так что собирайся, а я лыжи пока в сарае посмотрю...

Поддавшись воинственному настроению, Григорий вышел из избы, прошёл в сарай и, пока высматривал под слагами лыжи, опять услышал металлический гул моторов. Он выгнулся, чтобы оглядеться, но, даже не увидев самолётов, по звuku догадался, что они сейчас опять полонуют по селу свинцом... Григорий метнулся к погребу, но разбухший притвор не хотел открываться, пока он возился с ним, гул моторов отдалился, а скоро и вовсе пропал.

Возвращение самолётов только усилило в Григории решимость уйти в лес. Вернувшись в избу, он спросил у Акули:

— Надумала или нет? Я и санки приготовил — ребят повезём!

Акуля замаялась, ушла в кухню и оттуда сказала:

— Ты, как хочешь, а я никуда не пойду — будь, что будет.

— Тогда собери сумку! Погибать я тут не собираюсь.

Молча наложив в пастушью сумку пирогов с капустой, Акуля молча же подала её мужу и тяжело вздохнула, а Григорий вышел, даже не попрощавшись, только на пороге моргнул притихшему Сашке. У крыльца Григорий надел лыжи, кое-как перешёл дорожку, но, выйдя в ложину, снял их, привязал бечёвкой к поясу; по малому снегу идти пешком оказалось спорей. Болтавшиеся сзади лыжи быстро надоели, и, дойдя до леса, Григорий спрятал их, воткнув в густой куст орешника. Эта непродуманность ожгла самолюбие Григория, он уж ругал себя: «Чего же я, охотник-воин, раньше-то не подумал о том, что снег-то лишь землю прикрыл?!» Но собственный упрёк скоро забылся, Григорий шагал ходко, он уже представлял, как будет жить на тихом лесном кордоне, вдали от этих выстрелов, самолётов, вдали от всего, а там, глядишь, и войне конец будет... «Вот схожу на разведку, а потом и Акулю привезу, и ребятшек, да и Надёжку надо будет забрать: хватить ей в колхозе хрип гнуть! Лоб-то весь конопущками усеян... Опять, должно быть, ребёнка дожидает-

ся... Надо будет и картошку сразу свезти, пока морозы не жгут, и муку. Ничего — проживём!» — мечтал и успокаивал себя Григорий.

До сторожки он добрался часа за полтора, но на двери висел замок. Это, правда, Григория не смутило, и он решил подождать брата. Пока дождался, умял пироги, и захотелось пить. Спустился в низинку к колодцу, выпил две пригоршни ломящей зубы воды и вернулся к сторожке, зашёл в сенной сарай и, закопавшись в сено, задремал. Сколько проспал, Григорий не знал, только догадался, что недолго, потому что не успел замёрзнуть, но, выйдя из сарая, почувствовал, как от холода по телу пошла крупная дрожь, и чтобы унять её, начал прыгать. В животе сразу захлюпало, и он затих и присел на дровосеке перед крыльцом, прислушиваясь к себе. Подумалось: «Надо было под вечер приходиться, когда он домой возвращается, а сейчас попробуй найди его...»

Как ни хотелось Григорию уходить ни с чем, но пришлось, когда не осталось сил терпеть озноб. Он пошёл по своим же следам, стараясь идти как можно быстрее, чтобы согреться и унять знобкую дрожь. Согрелся, только добравшись до Афанасовой лошины. Выбрался из лошины на бугор и, устроившись на низком суку корявой осины, закурил. Когда сигарка стала обжигать пальцы, увидел вдалеке запряжённую лошадь, вихлявшую санями вдоль извилистой опушки. Чтобы не быть замеченным, Григорий сполз с сука, пригнулся и на коленях забрался в заросли припорошённого снегом терновника. А когда выглянул из него и узнал в санях соседа Тимофея Фокина, присел ещё ниже. Когда же сани поравнялись с терновником, на Григория вдруг накатило необузданное озорство, и он решил припугнуть соседа...

— Попался!.. Хватай его, ребята, окружай! — изменив голос, закричал Григорий и, чтобы наделать побольше шуму, — завизжал, заулюлюкал, словно загонщик, поднимая зверя с днёвки, по-воровски пронзительно свистнул вдогонку понёсшей лошади, взбрыкивавшей под ударами кнута.

Встреча развеселила Григория. Он вышел из терновника и, посмеиваясь, пристально посмотрел вслед удалявшимся саням. «Подожди, я тебе ещё не такое устрою!» — мстительно подумал он, и будто в ответ на его угрозу из саней хрустнул раскатистый выстрел; пуля стреканула рядом, осыпав с терновника молодой снег.. Боясь, что Фокин стрельнёт ещё раз, Григорий повалился на бок. «Вот он, оказывается, с чем в лес ездит, — мелькнуло в голове, — обрезом себя охраняет! Как он меня? Чуть пулю не всадил! Ну, гадёныш, погоди, пушу тебе красного петуха среди зимы, дорого заплатишь за эту пальбу!..»

Возвращался Григорий невеселым: уж жалел, что связался с Фокиным, вздумав его пугать — ехал бы тот своей дорогой и ехал, а теперь от него чего хочешь жди — пакости строить он умеет. Ещё сильнее испортилось настроение, когда Григорий вошёл в избу и Сашка, обрадованно повиснув у него на шее, доложил:

— Деда, а тебя дядя Фокин спрашивал!

— Топорище принёс, — добавила Акуля, — говорит, что ты заказывал.

— Ладно, ладно — разберусь, — отмахнулся Григорий.

Больше никто ни о чём расспрашивать не стал и, похлебав пшённого кулеша, он залез на печь, боясь расспросов. Григорий сразу догадался, что Фокин приходил с проверкой... Должно быть, всё-таки узнал в лесу, а стрельнул от собственного испуга. «Ладно, сосед, я пока тебе ничего не скажу. Потерплю до поры до времени!..» Разморившись после проведённого на холоде дня, Григорий вздремнул, что-то даже увидел во сне, но когда вернулась с работы сноха и стала греметь ведрами, проснулся и уж после, когда все улеглись спать, сон не шёл к нему. Вместо него мысли, мысли... Совсем одолели. «Что-то ты, брат, не то делаешь, — будто кто нашёптывал ему, — суетишься чего-то, мечешься. Хочешь делать одно, а получается другое. Тебе не тридцать. В тридцать-то лет ты ох какой добышной был, всё горело в руках, а сейчас, за что ни возьмёшься, — всё валится... Тебе одуматься бы, а ты начинаешь глупости делать. Вот зачем ныне в лес ходил? Чего добился? А Фокина зачем пугал? А? Молчишь. Вот так всегда: сделаешь, а потом начинаешь перед совестью ловчить и сам же страдаешь. Разве не правду говорю?!» — «Кто ты такой есть-то, чтобы указывать? Кто, я спрашиваю? — свирепел Григорий, понимая, что делать этого не следует, а надо, как не раз слышал от старых людей, повернуться на другой бок и сотворить крестное знамение. Понимать-то понимал, но не получалось. — Может, сатана, это Фокин в твою шкуру влез? Может, это он в моём доме всякую муру нашёптывает?.. Сейчас вымету вас отсюда, на морозе-то не так заговорите!» Не одеваясь, Григорий слез с печи, раскрыл дверь в сенцы, схватил какую-то тряпку и начал махать ею, зло приговаривая:

— Кыш, поганые, кыш! Гадость тут всякая развелась до невозможности... Ишь, весь вечер нашёптывают.

В темноте Григорий опрокинул лавку, и от её грохота проснулась вся семья.

— Сбесился, что ли? — набросилась Акуля на мужа. — Ты что же это холода-то в избу напустил? В могилу свести нас

хочешь, этого добиваешься? — Она захлопнула дверь, зажгла в кухне лампу и, схватив веник, начала хлестать Григория. Сидевший у Надёжки на руках и ничего не понимавший спростонья Сашка испуганно завизжал, вцепился в мать, но, что-то сообразив, соскочил с рук и подбежал к Акуле, ухватил за подол:

— Так его, так, баба... А то ишь какой, моего домовушечку надумал выгонять!

Дед замахнулся на внука, хотел его толкнуть, но подбежавшая Надёжка оттащила Сашку от возившихся деда и бабки, прижала к себе.

— У, курвы, — простонал Григорий и, выскочив из избы, выбежал вдоль порядка.

— Куда же ты босый?! — крикнула вслед Акуля, но Григорий не слышал её.

Он бежал, не чувствуя снега, ему казалось, что ещё немного — и догонит Фокина, даст подножку и за всё сквитается... Если бы не откуда-то набежавшие свирепые псы, хватавшие за пятки, он бы ещё бежал долго, но спасаясь от собак, обогнув полпорядка, неожиданно очутился у своей избы... Он не помнил, кто завёл его в дом, кто напоил чаем и уложил спать. На этот раз он уснул сразу, даже не уснул, а провалился в бездну ангельского сна, время от времени тихо постанывая.

Проснулся вместе с внуками: те затеяли возню, а он не спешил слезать с печи, стыдливо припомнив, как ночью носился по селу. Поэтому, дождавшись, когда сноха отправилась на работу, а жена пошла за водой, слез с печи, оделся, заглянул во двор и, присев к столу, стал дожидаться, когда вернётся Акуля и накормит. А она занесла в избу одно ведро, а за вторым послала Григория и чуть заметно улыбнулась:

— Или уж ходить не можешь? Поди, ноги-то обморозил?

Григорий тяжело поднялся с лавки, сходил на крыльцо за ведром и нехотя ответил:

— Ничего с ними не случилось, только пальцы чуть припухли.

Ни слова больше не сказав, он позавтракал и опять забрался на печь. Сашка было сунулся к нему, но Григорий охладил:

— Ступай, ступай, помоги бабушке...

Сашка недовольно шмыгнув носом, спустился с приступки на пол и больше к деду не лез и младшего Бориску не пускал... А на Григория, как ночью, опустилось полузабытьё, опять какая-то чепуха закралась в голову. Лежал почти до обеда. Разморился на разогревшейся печке — хотел уж сам слезать, да пришедшая с улицы Акуля подняла слезливыми причитаниями.

— Сходи, посмотри, что творится-то на белом свете, — говорила она, утираясь кончиком платка, — за что же наказанное такое Господь людям послал?..

— Чего ты всё гудишь-то, гуда, — проворчал Григорий.

— Раненых везут... — Акуля прислонилась к спинке кровати, словно плохо держалась на ногах. — Целый обоз... Сходил бы, может, нашего Павла увидишь...

Весть ошарашила Григория. Все мысли, переживания сразу забылись, показались ничтожными по сравнению со словами Акули. Григорий торопливо надел валенки, накиннул кожух и шапку снял с гвоздя над дверью... Ещё в сенях услышал скрип полозьев, фыркание лошадей и окрики возниц, а на крыльце и дух захватило: вдоль всего порядка двигалась вереница саней, а в них раненые бойцы рядами... Лица у всех серые, едва видимые из-под распущенных ушанок и поднятых воротников шинелей. Иные были в кургузых армейских телогрейках — спасаясь от холода, накрыли голову руками. У кого шея забинтована, у кого нога, у кого вместо руки — культя в окровавленных бинтах. От дальней дороги, от стужи у них не было сил смотреть по сторонам; казалось, что все они много раз ездили этой дорогой и привыкли к ней. Они и на людей, молча провожавших взглядами, не обращали внимания, словно чувствовали перед ними вину... Дорога мимо дома шла под уклон, и Григорий не успевал рассматривать мелькавшие лица. Он сошёл с крыльца и засеменил вдоль порядка, решив, что за мостом, на подъёме, лучше разглядит их. Вдруг и Павел действительно здесь! Ведь некоторые из раненых и глаз не открывают — без памяти должно быть. Григорий приглядывался, выискивая чернявых, но разве что разберёшь в такой каше!

— Откуда, милоч, обоз-то гоните? — спросил Григорий у красноармейца, сидевшего в передке саней за вожжами.

— Издалека... Из-под Тулы, отец... — пробормотал тот за деревенелыми губами.

— Слышь, — почти крикнул Григорий вслед удалявшимся саням, — у меня сын под Брянском воюет... Нет ли кого с тех краев?

Возница то ли не расслышал Григория, то ли ему надоело отвечать на похожие вопросы, только молча стеганул кнутом запаренную лошадь, бившую струями пара из ноздрей в накатанную дорогу. Когда с Григорием поравнялись следующие сани, он ещё спросил о Павле, а потом и ещё и увидел, как кто-то из отрубовских ребятишек выбежал к самой дороге и, чикиляя рядом с санями, совал красноармейцам — кому в карман, а кому в протянутую руку — варёную кар-

тошку и вновь бежал к ведёрку, пенёчком черневшему в снегу неподалёку. «Вот выдумщик, — удивился Григорий. — Чей же это? Сразу и не узнаешь — шапку-то будто нарочно на глаза натянул!» И вдруг, будто кто-то толкнул Григория: «А я-то что же стою, мать меня в кривую ногу!» Он торопливо вернулся домой, тоже решив покормить раненых. «Ведь Акуля сегодня хлебы пекла, — вспомнил Григорий, — это посытней пустой картошки-то будет!» Но едва он дошёл до моста, как мимо проскрипели последние сани, и Григорию сделалось обидно, будто кто пошутил над ним, не разрешив исполнить задуманное... Вернувшись в избу, он, не раздеваясь, сел на лавку, не зная, что делать, хотя и делать-то ничего не хотелось.

— Павла-то, случаем, не заметил? — спросила Акуля, а стоявший рядом с ней Сашка, услышав об отце, насторожился.

— Нету... Не из тех краёв везут. Говорят, из-под Тулы, а наш-то дальше воюет.

Акуля чуток помолчала и, посчитав разговор забытым, спросила:

— Чего сидишь-то?.. Поросёнка бы заколол. А то он сожрёт нас... И так картошки ныне половину прежнего не собрали.

— С кем его резать-то?.. Он хоть и каржавый, а один всё равно не управлюсь.

— К Фёдору Зубареву сходи. Сказывают, по чистой вернулся. Одноглазым стал, зато руки и ноги целы...

— Чего я у него забыл? Он сына из бригадиров турнул, а я пойду к нему кланяться да печёнкой угощать!

— Он-то при чём? Он, может, и не хотел, а назначили. Поди, не подчинись попробуй, раз партейный... Ну, если не хочешь, тогда Фокина зови...

— Смеёшься?!

Григорий зло посмотрел на жену и, грохнув дверью, выскочил из избы... Зашёл во двор, заглянул в катух к поросёнку. Тот одобрительно хрюкнул, заскулил, завозился в соломе и замер, прислушиваясь... «Счас тебя ножичком пощекотать, — подумал Григорий, — и сразу отхрюкаешься». Он бесцельно послонялся по двору: заглянул в коровий хлев с наметенной кучуркой пыльного снега, без Зорьки казавшийся пустым и огромным; распугал кур, жавшихся одна к другой в холодной отгородке, и снова вернулся к поросёнку... Григорий понимал, что надо его прибирать к рукам, пора, но без скотины и двор не двором будет...

— Ну, что решил-то? — спросила Акуля, когда он вернулся в избу. — Иди — пригласи Зубарева, а то я сама кого-нибудь попрошу... Ещё с лета бутылку берегу для этого дела.

— Вот чем купила! — оживился Григорий. — Хитра, старуха!

— Иди, иди к Зубареву.

— Ладно, пусть будет по-твоему.

На чужом крыльце Григорий долго обметал валенки, потом постучал для приличия и вошёл в избу, а за столом Зубарев с Волочаевым. Оба сигарки смолят и бумаги перекладывают. Григорий не ожидал встретить председателя и замялся у порога.

— Пожалуй, в другой раз приду, — сказал он несмело.

— А что у тебя за дело? — спросил Зубарев.

— Старуха послала за тобой — парасука надо заколотить.

— Не вовремя ты, Григорий Тимофеевич, явился! Видишь, дела у нашего председателя принимаю... На фронт он уходит.

Григорий надел шапку и было повернулся к выходу, но Волочаев остановил:

— погоди, старый, покури пока, — и, взглянув на Зубарева, добавил: — Дел нам осталось на полчаса... Сейчас всё обстряпаем и по рукам.

— Ну, что ж, — согласился Григорий, — пускай будет по-вашему, а я пойду пока солому приготовлю, да и нож поточить надо.

С поросёнком разделались быстро: не выпуская из катуха, закололи, выволокли за двор и, обложив соломой, начали палить. Опалив и поджарив на огне для вертевшегося рядом Сашки поросячье ушко, вымыли, отскоблили поросёнка и достали печенку. Не успели мужики подвесить тушу на переводине в сенцах, как из духовито запахшей избы выглянула Акуля и пригласила к столу. Она, как в прежние мирные времена, радостно суетилась, выставила на стол всё, чем была богата, зато мужики были сдержанны, по-военному молчаливы. И если бы не Сашка, то, наверное, и не разговорились бы.

Когда Григорий разлил водку по лафитничкам и поднял свой, сказав: «Ну, ребята, за победу!» — все выпили и потянулись к печёнке, только Сашка первый кусочек не спешил съесть, а, взглянув на бабушку, спросил:

— Можно ему отнесу?..

— Отнеси, отнеси, — согласилась Акуля, — у него сегодня тоже праздник будет.

— Кота, что ли, балуешь, озорник? — спросил Волочаев у Сашки и потрепал по волосёнкам.

— Домовой у нас второй год живёт, — моргнув Волочаеву, усмехнулась Акуля, а тот, сообразив что к чему, поддержал:

— Что ж, и ему хочется вкусенького, не всё время святым духом питаться!

— Это не ваш ли домовой ночами разгуливает? — цепляя кусок печёнки, спросил Зубарев. — А то, говорят, ныне кто-то в исподнем по вашему порядку бегал. Всех собак распугал.

— Это дед наш чудит! — подал из-за перегородки голосок Сашка и притих, сообразив, что об этом при чужих людях говорить не надо.

Григорий от неожиданности замер, густо покраснел и напустился на Акулю:

— Ты-то чего скалишься?.. Нет бы мальчика приструнить, а она туда же...

— А тебе уж и слова не скажи.

— Чего напраслину возводить?! — продолжал оправдываться Григорий, и Сашке это не понравилось.

— Зачем же тогда меня к тёте Вере за гусиным жиром посылал? — спросил он, не смея выглянуть из-за перегородки, и сам ответил: — Ноги-то обморозил, а теперь отказываешься!

За столом установилась неловкая томительная тишина. Зубарев даже перестал есть и начал катать на столе хлебную крошку, понимая, что из-за него родилась неловкость, и он не знал, как выкрутиться из этого положения... Спасибо, Волочаев выручил.

— От них чего хочешь жди, — сказал он, берясь за ложку, — мой уж на что не чета Сашке — тринадцатый год идёт, а умото они одинаковые. На днях говорит: «Отец, долго будешь прятаться за бабьи спины?» — «О чём это ты, сынок?» — притворился я, будто не понял, о чём он думает. «А всё о том же, — отвечает. — Если через неделю на войну не пойдёшь, то я в школу ходить не буду, и галстук пионерский не надену!» — «Так бронь же у меня, — хотел растолковать ему ситуацию, — колхозом-то надо кому-то руководить! Может, ты за меня останешься?!» А он не сдаётся: «Вон дядя Федя Зубарев вернулся с фронта. Пускай вместо тебя будет...» Короче, на следующий день поехал я в Пронск, дождался Бирюкова, объяснил ситуацию. Он поартачился вроде, а потом согласился. «Хорошо, что Зубарев по чистой пришёл, а то бы и слушать не стал!» — сказал на прощание. Так что, Фёдор, вместо тебя встану. Завтра в военкомате попрошусь, чтобы к землякам направили. Случаем не знаешь — нет ли таких частей, чтобы в них одни вологодцы были? Уж так мне хочется с земляками поговорить, лет двадцать, считай, родного говора не слышал. Иной раз по-вашему чявокать начинаю!

— Специально не подбирают. Всё на формировании решается: кто куда попадёт, там и воюет, — сумрачно ответил Зубарев и поправил чёрную повязку на лбу.

— Бирюков ничего не говорил о немцах? — спросил у Волочаева немного успокоившийся Григорий. — Не дойдут до Пронска? А то вчерась меня с самолёта обстреляли, хотели бомбу кинуть, да я увернулся.

— Райком к эвакуации готов, — Волочаев задумчиво постучал ложкой по столу, — но, может, до этого дело не дойдёт...

Опять над столом установилось молчание. Волочаев поднялся, оправил китель:

— Пойдём, Фёдор, надо тебе ещё кое-что рассказать... Спасибо, хозяйка, за хлеб-соль!

— Да вы и не ели совсем, — всполошилась Акуля, — и выпили мало... — И выставила ещё одну бутылку.

— Хватит, мы своё после Победы наверстаем, — улыбнулся Волочаев и начал одеваться.

Уходил невеселый. Он не знал, как сложится дальнейшая жизнь в Князеве, но в том, что сытнее она не будет, — был уверен. Не могла получиться сытнее, когда на трудодни выходило наполовину меньше, чем в предвоенные годы. Поставки государства возросли, а работников в колхозе, считай, наполовину уменьшилось, и половина-то осталась не самая сильная. Сильные там, на фронте. Почти не стало лошадей, поредело поголовье прочего скота, а фронт, того и гляди, до них докатится. Если случится это, то как жить-то тогда? Как? Да и жизнь ли это будет под вражеским каблуком... И вдруг сейчас, в этот момент, когда расставался на крыльце с хозяевами, Волочаев подумал о том, что как хорошо, что завтра уходит на фронт! Жену, конечно, жалко, ребят, но жалость жалостью, а как он через несколько дней смотрел бы в глаза бабам, ждущим расчёта за год и вдруг не получившим того, что надеялись получить! Как им объяснить, что тот же, сказать, хлеб пошёл их мужьям и братьям, воюющим от Баренцева моря до Чёрного. Он знал, что, коснись это его, он не смог бы объяснить им ситуацию. Не получилось бы... «Теперь пускай Фёдор втолковывает!» — подумал Волочаев и жалостливо посмотрел на Зубарева.

Тот заметил его взгляд.

— Чего это смотришь на меня, как на сироту казанскую? — хмуро спросил Зубарев, и Волочаев хотел рассказать ему обо всём, что мучило в последние дни, но сдержался и ответил вопросом на вопрос:

— Да вот всё думаю: второй-то глаз, случаем, у тебя зрение не потерял?... Чего-то он у тебя прищуркой смотрит, будто какая соринка попала?..

— Он ещё на фронте щуриться привык, когда фрицев выцеливал, — вот и по сей день не отвык. Так что глаз как глаз — хоть с бабами, а мы ещё повоюем!

— А если не так что будешь делать, — заметил стоявший рядом Григорий, — так они быстро наставят на путь истинный, у них не заржавеет.

Григорий сказал это с усмешкой, но на душе щемило. Это неприветливое чувство осталось в нём и тогда, когда, распрощавшись, оба председателя ушли... Григорий вернулся к столу, хотел ещё выпить, но Акуля выпивку успела убрать, а спросить он не решился. Так и сидел, облокотившись о выскобленные дубовые доски, не зная, что делать и чем заняться. Только когда вернулась из риги Надёжка, встал из-за стола, придумав работу.

— Давай, Надёха, затащим парасука в избу, — сказал он снохе, — надо его разделить, пока не захряс. А то потом не справимся.

Сноха согласно кивнула и, пока Григорий отвязывал тушу от переводины, принесла из сарая короткую доску; по ней они протащили тушу через порог в избу, и Григорий взялся за топор. Отрубив зашеину, он положил её в сторонку, сказал сидевшей за столом снохе:

— Когда поешь, Верке мяса отнеси. Пусть побалует свою богадельню... Мы перед сестрой твоей в долгу не останемся!

Надёжка радостно откликнулась:

— Отнесу, папаны, обязательно отнесу. Только перекушу, а то работали сегодня без обеда.

Григорий что-то проворчал и продолжил начатое дело. К нему потихоньку подошёл Сашка и встал за спиной. Сперва Григорий не замечал его, а когда внук подвернулся под руку, то зашипел:

— Тебя кто звал? А? Как над дедом смеяться, так из-за перегородки боялся носа высунуть, а сейчас осмелел?! Вот ремнём-то отхожу, тогда узнаешь, как срамить меня при чужих людях!

Сашка зверьком метнулся к матери, та посадила его на колени, тихо спросила:

— Чего натворил-то?

— Он знает чего, — повысил голос Григорий, — опозорил перед мужиками... Ну-ка дай его — сейчас проучу как следует!

Сашка дёрнулся, отстраняясь от деда, а мать ласково приговаривала, успокаивая сына:

— Разве не видишь — шутит дед наш, шутит..

— Кто, я шучу? А ну-ка! — крикнул он, а Сашка сильнее прижался к матери.

— Вот то-то же, — отступил Григорий, — и не подходи ко мне, а то в живот к парасуку посажу и зашью шпагатом —

будешь томиться в темноте... А я с Бориской теперь дружить буду... Иди ко мне, — позвал Григорий младшего внука, но тот бочком-бочком — и тоже к матери. — Вы что, сговорились? — плюнул Григорий.

Он бы, наверное, продолжил ругаться, но когда в избу вернулась Акуля, ходившая на пруд пороть свиные кишки, умолк, насупился.

Когда разделали поросёнка, то его почти и видно не стало: грудинка, подготовленная для сдачи государству, четыре тонких окорока да на лавке смотрела пяточком в потолок зажмуренная, безухая голова. «Ладно, хоть это имеем, — подумал Григорий, собирая с доски мясные крошки, — а то немец придёт — всё отберёт!» Мясо государству Григорий решил сдать завтра же: не сдашь — долг будет на шее висеть и фининспектор заложет. С этими мыслями и заснул, а наутро отправился в Пронск на попутных санях, шедших из Хрущёва. Сдал в райпотребсоюзе мясо, получил квитанцию, а когда вернулся домой — решил закопать в погребке бочку, чтобы, при случае, всегда можно было спрятать сало, поддержать на всякий жизненный случай, ибо ещё со времён гражданской войны и послереволюционной разрухи Григорий помнил, чего стоил кусок хлеба, не говоря уж о сале, о котором в те годы никто не думал: «Теперь мы учёны — нас голыми руками не возьмёшь!»

Григорий и ранее думал обо всём этом, но чем ближе был фронт, тем больше в старике скапливалось неуверенности, он не знал, как жить дальше, за что браться в первую очередь. Всю осень находился в непонятной тревоге, чего-то ждал, думал, что все эти свалившиеся несчастья — ненадолго, что вот-вот жизнь наладится, но неделя шла за неделей, а на душе становилось всё сумрачней, накатывало безразличие ко всему. Григорий понимал, что, неуживчивый и в мирное-то время, сейчас он и вовсе не может совладать с собой. Вот, спрашивается, зачем вчера Сашку доводил? Зачем? Ну, стыдно было перед мужиками, стыдно, так ведь пацан несмышлёный говорил-то, не кто-нибудь! Ему и вера такая... Э-х!

В конце концов, Григорий решил, что надо жить, как живётся. Если уж до председателей очередь дошла, то несладко на фронте. Может, и Москву сдали, а молчат-помалкивают. И словно в подтверждение его дум, под вечер через Князево прошёл обоз с ранеными, а утром ещё один. У Григория не было сил смотреть на полуобмороженных, беспомощных людей в мятых шинелях. Он уж не надеялся встретить сына, потому что утром узнал от них, что Брянск давно под немцем. Он это и раньше слышал по радио, но в нём жило сомнение: а

вдруг что напутали там! Сказать-то сказали, а как проверишь! От бойцов верней. Так думал Григорий и гадал, где теперь Павел, живой ли, может, ранен и вот так же где-нибудь в санях погибает? Поди угадай!

Вернувшись с улицы, Григорий достал из печи чугунок с кипятком, зачерпнул кружку и, грея о латунь руки, обжигаясь, понемногу отхлебывал, чужаком притулившись на краешке лавки. Сашка и Бориска играли в спальне, Акуля тёрла картошку на крахмал, и от этой гнетущей тишины, в которой даже ребятишки переговаривались вполголоса, Григорию сделалось не по себе.

— Санёк, залезь-ка на лавку, заведи радио! Может, чего скажут — праздник ведь сегодня... Октябрьская! — попросил он внука и подсел поближе к громкоговорителю, чёрным лопухом прилепившемуся к стене.

Хмурился на деда, Сашка неохотно вышел из-за перегородки, забрался на лавку и крутанул винтик.

— Тихо, мать вашу! — крикнул Григорий на всю избу и замер на лавке, не сразу отгадав в тягучем говоре голос Сталина.

Григорий сперва задохнулся от услышанного, но чем внимательнее вслушивался в голос вождя, погрозив пальцем внукам, когда те пытались затеять возню, тем большее овладевало им нетерпение, словно он задумал что-то неотложное... Сталин говорил долго, иногда непонятно, называл много цифр, но всё равно от его слов по душе растекалась радость: если выступает, если передают по радио — значит, жива Москва! А она будет жить — с ней и Россия не пропадёт! И от этой счастливой мысли Григорий сразу придумал окончательный план, по которому выходило, что выступление вождя — самый настоящий повод, чтобы умастить Акулю и выпросить стаканчик.

«...Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! — несло тем временем из репродуктора. — На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощённые народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведёте, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

За полный разгром немецких захватчиков!
Смерть фашистским оккупантам!
Да здравствует наша славная Родина, её свобода, её независимость!

Под знаменем Ленина — вперёд к победе!»

Всё-таки дослушав до конца, Григорий напряжённо ждал, что Сталин скажет ещё, но после небольшой паузы прозвучал голос диктора: «Мы передавали речь товарища Сталина во время парада на Красной площади...»

Последние слова не сразу дошли до сознания Григория, а когда он сообразил, что в Москве идёт парад войск, то не смог усидеть на месте.

— Сашка, Бориска, Акуля, слышали, чего по радио-то объявили? Парад был на Красной, парад! А то брешут, будто Москва под немцем! Куда ему, он только ловкий за стариками на самолётах гоняться, а Москва-то — она века стоит! Попробуй тронь её!.. — Григорий радостно закружился по избе, подхватил Бориску и, не опуская на пол, вспомнив о том, что задумал в самом начале речи Сталина, нетерпеливо заглянул в кухню и на полном основании, которого недоставало десять минут назад, сказал, как приказал:

— Мать, по такому случаю сто пятьдесят полагается! Праздник сегодня... Парад! Доставай!

— У тебя, окаянного, была бы причина... Откуда тебе возьму?!

— Вторая бутылка осталась, когда парасука кололи, помню-помню! Гони на стол!

— И думать не моги. Мало ли ребята захворают — компресс сделать или ещё что случится... И не проси!..

Но где там: уговорил Григорий жену. Налила Акуля стакан самогонки и прослезилась:

— Ты уж за Павла выпей-то, помоги ему Господь. Где-то наш сынок сейчас бедствует?!

— Вот с этого и надо было начинать, — повеселел Григорий, усаживаясь за стол.

Правда, усидел за ним недолго: за окном заскрипел очередной обоз с ранеными, и Григорий, кинув в рот щепотку квашеной капусты, собрался на улицу. Но прежде заглянул в кухню, взял с лавки непечатый хлеб и спросил у Акули:

— Картофель-то не вынимала из печи?

— Попозже кур покормлю — всё равно не несутся, — откликнулась та, не понимая, что затеял муж.

— Сей же час достань, а то обоз пройдёт!

Когда Акуля выкатила из печи чугуны, Григорий сам вылил из него воду, отсыпал в ведро горячих, дымящихся паром кар-

тошек и, подхватив хлеб, выскочил на улицу. Он боялся не успеть, и поэтому не пошёл за мост, на взгорок, а стал ломать хлеб около дома. Опускал в протянутые руки хлеб, картошку и не уставал приговаривать:

— Братки, дорогие, в Москве парад сегодня был! Войска шли... Видимо-невидимо, говорят, никогда столько войска на Руси не собиралось...

Близ одного раненого Григорий задержался, не зная, как дать еду: пустые рукава шинели у раненого были заправлены под ремень, а сам он, стыдливо сдерживал смерзшимися веками выбегавшие слёзы... И Григорий догадался: отколупывая кусочки хлеба, словно птенцу, опускал в синегубый рот, чтобы не отстать, бежал за санями, запыхался и сел рядом с безруким, уместившись у него в ногах... Григорий поделил оставшийся хлеб и картошку меж бойцов, а «своего» кормил сам. Тот жевал молча, по-прежнему не открывая глаз, и только когда еда закончилась, он разлепил веки, долгим взглядом посмотрел на Григория, будто запоминал его, а Григорий, заметив, что он смотрит, слегка потрепал бойца по голове, подбадривая:

— Крепись, сынок! В Москве, на Красной, войска шли! Вместо вас встанут! Крепись!

Боец ничего не ответил, зажмурился, по-бабьи скукожился, и новые слёзы тихо потекли по его небритым щекам... Григорий сказал ещё что-то и больше не мог смотреть на него: почувствовал, как самого душат слёзы, и, чтобы не показать их ни этому бойцу, ни другим, стал прощаться:

— Вот на этом бугре и сойду, чтоб лошадь не рвать, а вам, сынки, дальше дорога ровная, скоро на станции будете.

В ответ кто обещал после войны найти своего «спасителя», кто приглашал в гости, а Григорий, не находя слов, махал вслед удалявшимся саням и смотрел, смотрел на безрукого. Тому махать было нечем, и он стыдливо уткнулся в чью-то спину, через малое время вскинул голову, удивлённо посмотрел на Григория и, не зная как выразить благодарность, кивал и кивал ему, будто молился Спасителю.

Когда обоз слился с чередой придорожных столбов, Григорий повернул домой, но идти почему-то не хватило сил, и он сел обочь дороги на перевёрнутое ведро и сидел, поддавшись непонятному оцепенению, до тех пор, пока его не потревожил откуда-то взявшийся вестовой. Он осадил распаренного коня серой масти, крутнулся, сдерживая его.

— Что, дед, замёрз? — крикнул вестовой, свесившись с седла и озорно сверкнув молодыми глазами.

— А ты не перегрелся? Езжай своей дорогой — тебе никто не велел останавливаться. Желанный какой! — И осмотрев

его и коня под ним, добавил: — Лучше бы о рысаке заботился! Куда подкову-то дел? Тебя бы погонять без обуви по котям!

Вестовой плюнул, поправил заиндевелую шапку с маленькой красной звёздочкой и дал коню шпоры. Не успел Григорий подняться — ни коня, ни вестового. «Лихой парень, — подумал Григорий, — а вот серого-то не бережёт... Хотя по такой дороге и голову потерять немудрено, не только подкову».

Григорий всю жизнь не любил ноябрь, а нынешний — особенно. Да и чего хорошего, когда дни стали с узелок, пасмурно, сыро, а тут ещё изо дня в день раненые, раненые, раненые. Обоз за обозом. Григорий не переставал удивляться их количеству, смутно догадываясь о том, что происходит там, откуда везут их. Сколько же гибнет душ и сколько ещё погибнет, если война не заглохнет. Сколько она будет идти, сколько? Этот вопрос он задавал себе каждое утро, просыпаясь задолго до позднего рассвета. «Я-то вот на печке бока грею, а где Павел-то сейчас, ему-то каково? Хоть бы написал, а то второй месяц ни ответа, ни привета... Может, и в живых-то давно не числится!» Последняя мысль съела Григория, и куда бы он ни шёл, что бы ни делал — она за ним. А тут — одно к одному — в конце ноября пришла весть о том, будто город Михайлов немцу отдали, а до этого Михайлова тридцать километров с небольшим. Жизнь смешалась. Григорий хотел было сходить в Пронск, разузнать, что к чему, но у рта его остановили на контрольном пункте и вернули в Князево.

— Так крупы никакой в доме не осталось! — пытаюсь разжалобить красноармейцев, хитрил Григорий.

— А в городе тебя, отец, манна небесная ждёт? — усмехнулся один из них. — Поворачивай — нечего мешаться!

Пришлось послушаться.

«Ведь действительно мешаюсь!» — думал он, возвращаясь в Князево и уступая дорогу то грузовику, то фуражному обозу, а в одном месте и вовсе запутался в телефонных проводах, кем-то протянутых вдоль большака.

— Попался, старик! — услышал Григорий чей-то знакомый голос, а присмотрелся — Понимаешь ли с саней ощеряется.

— Молодой нашёлся, — проворчал Григорий. — Тебя-то куда несёт?

— За попом к обедне еду...

— Брехать-то не разучился — это я знаю!

— Куда мне ехать, — вздохнул Ксенофонт Михайлович. — Из-за одного мешка вот на станцию послали... Как настоящему курьеру, наган для важности дали... Ну, ты долго так стоять-то будешь? Прыгай в сани — подвезу!

— А правду говорят, будто район наш немцу без боя отдадут? — спросил Григорий, усевшись рядом с приятелем и немало помолчав.

— Как это без боя? Ты что говоришь-то? Ты думай, прежде чем языком-то молоть!.. Хотя кто его знает. Бумаги-то уже вывезли, но это, думается, на всякий случай. Говорят, под Михайловом-то немцу хорошо по сопатке дали. Притих он, выдохся, а наши-то, видишь, сколь всего нагнали. В Пронске у каждого дома пушка стоит — пройти страшно.

— Да уж видал, оттуда иду.

— А чего тогда спрашиваешь... Сын-то как, чего пишет?

— Некогда ему расписывать... Он на важном задании...

— Заливать-то ты мастак.

— Не хочешь — не верь, — отвернулся Григорий, — мне лучше знать!

Ксенофонт Михайлович улыбнулся, но спорить не стал. Только когда подъехали к Князеву, сказал:

— Ты вот, Григорий, старый друг мне, понимаешь ли...

— Ну, говори дальше!

— Ответь, к чему это Дарьюшка всё чаще мнится?.. Не поверишь, выйду иной раз из дому, а она на крыльце стоит... Меня увидит — застесняется, покраснеет и сразу исчезнет, будто и не было её. Только, глядь-поглядь, тот же час уж в другом месте увижу её... Еду на днях из Хрущёва и, не доезжая вашего села, вдруг замечаю: она за деревом хоронится! Мерина остановил, а сам будто и не вижу её, к лесу направляюсь. Ближе подошёл, а она за другое дерево перебежала, вроде как играет со мной, я за ней — она дальше в лес, едва не догнал, да сорока помешала — стрекочет и стрекочет, окаянная, над ухом. Схватил валежину — у, думаю, пустая птица! — и в неё запустил, а хватился: ни Дарьюшки, ни сороки и поклажу оставил на большаке без охраны...

— Это сатана тобою водит, — знающе сказал Григорий, — со мной тоже был похожий случай... Взял я, как сейчас помню, в двадцать седьмом году доброго коня, потихоньку с ним от деревни в ложок спустился, обул в лапти, а как отъехал — так я лапти в мешок и на коня верхом, как положено. Ехал, ехал и вдруг чувствую, что к той же деревне подъезжаю. Ладно, думаю, бывает. Повернул коня от деревни, а он опять к ней вывел... До трёх раз история повторялась! Светать стало, деревня ожила, конь-то подо мной, видно, услышал хо-

зыйский голос — и напрямиком на него. Я губы коню рву, а он в дыбки и к деревне несёт! Насилу успел соскочить, а мешок с лаптями не помню, где потерял, а ты говоришь... Конь тот, как потом догадался, заколдованный был, с сатаной в одной упряжке — вот сатана-то и водил мною. С тех пор, чуть что не получается, бросаю любую затею: чего зря изводиться, если наперёд знаешь, что ничего не выйдет...

— Смотри, смотри! — перебил его Понимаешь ли. — И тут пушки ставят!

Григорий недовольно поморщился, привстал на колени, всматриваясь туда, куда указал кнутовищем Ксенофонт.

— Чего это они делают? — удивленно спросил Григорий, заметив артиллеристов, устанавливающих пушки у крайних, за мостом, изб.

— Рубеж строят!

— Кого же они будут защищать на этом рубеже? Меня с бабкой?

— И тебя — тоже. И внуков твоих!

— Тебе, дед, только с трибуны говорить. Останови, дальше пёхом пойдю.

— Бывай здоров, — равнодушно отозвался Ксенофонт Михайлович, а сам попридержал лошадь, думая, что Григорий передумает. Но нет: тот уж поднимался на бугор к суетившимся артиллеристам.

Григорий шёл к ним ходко, но, подойдя поближе к брустверу, заробел, не зная, что сказать, только пронеслась колючая мысль: «Вот и к нам пришла война!» Он так и не осмелился что-либо спросить у молчаливо работавших красноармейцев, а посмотрел немного, как они бьют железом мёрзлую землю, укрывая пушки, и поплёлся домой. До вечера он не раз выходил из избы: то за дровами, то за водой — и всякий раз присматривался и прислушивался ко всему, что творилось вокруг, и почему-то более всего примечал только гул самолётов, иногда пролетавших над Князевом или чуть в стороне; самолёты шли высоко, и по звуку он не мог определить, чьи они и надо ли в этот момент ломить шапку или хорониться.

Наутро, за час или два до рассвета, Григорий услышал за окнами хруст снега под ногами множества людей и, хотя Акуля в это время гремела в кухне, вздрогнул от неожиданно резкого стука в окно. Пока возился на печи, одеваясь, в избу вошел Фёдор Зубарев. С ним был председатель сельсовета и молодой военный в белом полушубке.

— Принимай, хозяин, гостей на постой, — едва поздоровавшись, поставил в известность Зубарев. — Семья у тебя

небольшая, — мы к тебе взвод определили. Вот командир взвода — с ним будешь иметь дело, а мы дальше пошли.

Григорий не успел ни ответить, ни сказать, как Зубарев с председателем сельсовета вышли из избы, а оставшийся военный — младший сержант — неловко спросил, когда Григорий спустился с приступки и встал перед ним, осматривая с ног до головы:

— Ну, что, папаш, можно бойцам команду давать?

— Погоди, — сердито отозвался Григорий, — у меня девка молодая — ей одеться сперва надо... Ты бы вышел пока, а чуток погода кликну вас.

Сержант отдал честь и развернулся, а Григорий подошёл к Надёжкиной кровати, толкнул сноху в плечо:

— Вставай, Надёха!..

Она слышала весь разговор, хоть и накрылась с головой, когда в избу вошли мужики, и теперь, не дожидаясь от свёкра новой команды, выскочила из-под одеяла, в минуту оделась и села на лавку, не зная, что делать.

— Иди к матери! Не мелькай здесь! — приказал Григорий, и Надёжка, едва успев заправить кровать, скрылась в кухне, где, притихнув, затаилась и Акуля. Сам же в одной рубашке вышел в сенцы и, приоткрыв дверь, позвал:

— Заходи, ребята!

Не ощущая холода, Григорий стоял у раскрытой двери и не мог оторвать взгляда от красноармейцев, один за другим набивавшихся в избу. Когда последним прошёл командир, Григорий вернулся в избу, протолкался к ребячьей кровати и накрыл внуков, спасая их от напущенного холода.

— Располагайтесь, сынки, кто где может... Места у нас, как видите, не густо, но в тесноте, как говорят, не в обиде.

— Нам бы кипяточку, хозяин, уморились бойцы после долгого перехода! — попросил сержант.

— Это мы сейчас...

Григорий заглянул к Акуле и поторопил:

— Слыхала, кипятку давай, чаю! Да поживей.

— Откуда ему, кипятку, взяться-то, когда печь только затопила!

— А ты дров-то не жалеи!

Акуля сказала что-то неуверенно, а когда Григорий сходил за дровами и бросил около печки охапку дров, спросила:

— Узнал бы, глядишь, и Павел среди них?!

— Думай, чего мелешь-то! Неужто он мимо дома родного просвистел бы! — и покосился на сидевшую в уголке сноху: — А ты чего без дела сидишь? Картофь мой!

— Да уж в печке картофь твоя, ещё с вечера чугуна поставила, — заступилась Акуля за Надёжку. — Иди отсюда — сушёшься в наши дела!

— И буду соваться! Второй чугуна заката в печь — чтобы всем красноармейцам досталось!

Григорий было отступил от кухни, но идти некуда: на полу вповалку лежали красноармейцы; иные уж спали, иные, закрыв глаза, молча жевали сухари и все, казалось, стеснялись самих себя в этом незнакомом доме, приютившем их. «Да-а, в такой тесноте долго не проживёшь, — подумал Григорий, — да уж, видно, ничего не поделаешь — придётся терпеть. На мороз-то не выгонишь их!» Эта неопределенность не давала покоя, и он решил пройтись по селу, разузнать, что у других делается. Это, может, по ошибке к нему столько прислали!

Князево в этот час пропало в настоявшейся морозной стылости, и невозможно было различить дальние избы, а ближние едва виднелись, сливаясь с темнотой садов. Но даже и в этом скупом ночном свете Григорий ощутил, какая необыкновенная сила заполнила село. В избах блёкло светились окна, пахло печным дымом, и по всему селу раздавались негромкие команды, приглушённый разговор и всхрапывание лошадей. Постояв около крыльца, Григорий направился в конец Большого порядка, где было особенно шумно, надеясь увидеть Зубарева и узнать у него о своих постояльцах... Когда проходил мимо фокинской избы, то на большаке увидел соседа и нескольких военных в белых полушубках с ним. Рядом и Фёдор Зубарев переминался.

— К нам идите, живите, сколько хотите, — приговаривал Фокин и чуть ли не за рукав тянул за собой высокого военного, видно, старшего. — Изба у нас тёплая, клопов нету и дешишков пока не имеется — никто мешать не будет... Самое место для командира.

Толпясь, все проследовали к избе Фокина и скрылись в ней, а Григорий остался поджидать Зубарева, а когда тот, разместив воинское начальство, вернулся с остальными на улицу, подкатил к нему:

— Фёдор, скажи на милость: долго будет постоять длиться?

Зубарев повернулся к нему, но тут откуда-то взялась Катя Пономарёва и встала перед председателем, оттеснив Григория.

— И не стыдно вам смеяться надо мной?! — визгливо запрочитала она. — Их там, поди, сто человек, и все глазами сжирают. Страшно в избу зайти!

— Дура... Радоваться должна и Фёдора Ивановича благодарить, — встрял Григорий, — а она ещё недовольство выкалывает!..

— Погоди, Григорий Тимофеевич, — остановил его Зубарев и — к Пономарёвой: — А тебя никто не заставляет с ними одним полушубком укрываться. Протопи печь, согрей бойцам воды и ступай на работу. Всё. Уговорив тебя некогда.

— Конечно, — не успокаивалась Пономариха, — к Верке Виноградовой санитарок поместили. Для неё нашли!

— Было бы их, санитарок, полк, то к тебе бы весь полк затолкали! Мне-то какая разница... — Он, не договорив или посчитав, что сказал все, что хотел, пустился догонять армейское начальство, но Григорий напомнил о себе:

— Иваныч, уж ответь...

— А что ответить? Я не Верховный Главнокомандующий, чтобы всё знать! Знаю только, что, как стемнеет, войска дальше пойдут, а откуда они идут и куда... — Зубарев развёл руками, но этого скупого жеста для Григория хватило, чтобы повеселеть. Вот только, пока он возвращался домой и вспомнил Катю Пономарёву, новая забота навалилась, подумалось: «А может, и у меня уж кто-нибудь Надёжку в углу зажимает, пока я по селу шатаюсь?! Не углядишь, а что потом Павлу-то сказать?! Сержант-то какой боевой остановился, что дикий коршун глазами сверкает, такому палец в рот не клади... Сейчас, небось, уж во всю кровать развалился. Командир, мать его в кривую ногу!»

Григорий хотел пройти напрямую через ручей, но глубокий снег заставил идти тропкой, выходявшей к мосту. От моста дом совсем рядом, и, подходя к нему, Григорий представил, как шуганет сейчас сержанта с кровати, но у крыльца дорогу преградил часовой.

— Стой! Ты куда? — негромко, но властно спросил он, взяв винтовку на изготовку, и загородил собой вход.

От такого наглого вопроса у Григория перехватило дыхание, и, не помня себя от ярости, он, как палку, схватил винтовку и толкнул от себя часового. Пока тот барахтался в снегу, Григорий пролетел сенцы, рванул избяную дверь и замер на пороге... В избе стояла тишина — он даже услышал, как стучат на стене ходики, — заглянул в кухню, а там Надёжка с Сашкой и Акуля сидят тесным кружком и — завтракают. Налево посмотрел: одна кровать заправлена и другая, у противоположной стены... Григорий ничего не успел подумать, как увидел на пороге вываленного в снегу носатого часового и чёрный дульный срез винтовки перед глазами. Правда, винтовка быстро опустилась, а часовой, оглядев спящих, взглянув на Григория, в этот момент спокойно раздевавшегося, вышел из избы, не сказав ни слова.

Смешно и обидно стало Григорию в эти минуты: смеялся над собой, а обида копилась неизвестно на кого. «Почему, —

не понимал он, — я должен просить разрешения, чтобы войти в собственный дом? Почему войска ночью движутся, а днём в избах хоронятся? Кого они боятся, ведь по своей земле идут?! Будто с меня, давнишнего, пример берут, когда ночь для меня была, что мать родная! Но бог со мной: я в ту пору на чужое был жаден. Для меня взять коня в одной волости, а продать в соседней — это ж удовольствие какое. Вольготно было. Единоличники кругом. Покупают и продают, никого не спросясь. А потом колхозы всё обрубил: единоличников не стало, а в колхозе воровать — никакого интереса, все ворота нараспашку — заходи и бери. Азарта нет. А без азарта что за воровство?! Да если и уведёшь коня, а где продашь? Кому? Самому у себя покупать, что ли?!» Мысли далеко увели Григория, но о чём бы он ни думал, что бы ни вспоминал, неизменно возвращался к первоначальной: «Что за необходимость бойцов ночью гнать? Неужто людей не жалко?!»

Без аппетита перекусив, Григорий оделся и вышел на крыльцо к часовому.

— Ты уж, сынок, не обижайся, — сказал он, стесняясь взглянуть ему в лицо, — в жизни всяко бывает... Извиняй, старого.

— О чём ты, отец? — услышал Григорий удивлённый вопрос и, присмотревшись к часовому, понял, что это не тот часовой, которого он швырнул в снег. Того, видно, сменили, а этот смотрел приветливыми голубыми глазами и смешливо морщил курносый нос.

— Да вот хотел узнать у тебя, — замылся Григорий, не зная как бы половчей спросить о мучившем. — Что вам за охота ночью-то ноги обивать? Видишь, солнышко взошло — вот и шли бы при нём, радуясь божьему свету.

— Чудный ты старик, — удивлённо посмотрел на Григория часовой, словно на дитя малого, — такой простоты не понимаешь... Помнишь, как Суворов горы переходил? Думаешь, он зря войска повёл тем путем, где не всякая коза пробежит?! Больше тебе ничего не скажу. Сам соображай.

— Да уж куда мне, темноте. Ладно, ты вот что скажи... Хлебца-то вынести? Пожевал бы, пока без дела стоишь!

— На посту не положено, да и не голодный я, — сразу не приветливо ответил красноармеец и ещё больше посмурнел.

— Ну, смотри — как лучше хотел, — вздохнул Григорий и, вспомнив безрукого, подумал: «Это ты сейчас нос-то дерёшь! Вот хлебнёшь лиха — по-другому запоёшь...»

Не заходя в избу, Григорий отправился вдоль порядка, и его удивляла та умелость, с какой спрятали войско. Если бы не часовые, незаметно стоявшие в тенёчке, да покрашенные

белой краской пушки, вторые сутки застывшие наготове у избы Натальи Смирновой и нацелившиеся на темневшие вдалеке вётры Пушкарской слободы, то и не подумаешь, что Князево разместило столько бойцов! И опять на Григория навалилось сомнение: если у нас их тьма, то сколько же солдатни у немцев, будь они неладны. Ведь не имей они столько силы, и нашим бы нечего бояться и часовых втыкать на каждом углу! И только одно радовало Григория в сумятице чувств: что теперь, когда вокруг столько войска, ни одна собака не посмеет к ним сунуться. С этой мыслью он вернулся домой и, кивнув на спящих красноармейцев, шепнул Акуле:

— Картошки им с салом натуши, пока печь не стыла! Как стемнеет, они ведь дальше пойдут, храни их Господь.

Акуля молча кивнула, а Григорий, ничего более не сказав, полез к внучатам на печку. Неожиданно уснул, а проснулся уже под вечер, когда сержант, наклоняясь к каждому бойцу, негромко говорил: «Подъём, подъём!» Сашка и Бориска во все глаза смотрели с печи на красноармейцев, а те, особенно кто постарше, подмаргивали им, строили рожицы — старались рассмешить. Они, наверное, невольно вспоминали своих, оставленных по всей России... Один из красноармейцев, расправив усы и подтянув ремень, подал Бориске стреляную гильзу — тот взял подарок, а когда солдат хотел подхватить его на руки, — испуганно отстранился и спрятался за дедом.

— Не бойся, — успокоил его Григорий, — ну, поиграй, поиграй с дядей!

Но куда там! Бориска забился в дальний угол печи и выглядывал оттуда, боязливо жмуря глазёнки.

— Вот дикой-то какой! — рассмеялся красноармеец и спросил у Сашки: — Ты-то, видать, посмелее будешь?

— Ага, — согласился Сашка.

— Ну, иди ко мне... — и протянул к нему руки, Сашка, заробев, глянул на деда, а тот нахмурился:

— Ты чего это? Только с бабкой смелый воевать!

Красноармеец подхватил Сашку, сел на лавку и, посадив мальчишку на колени, удивлённо сказал:

— Прямо точная копия моего младшего: такой же чернявенький и глазки-пуговики такие же! Наверное, продувной будешь, когда повзрослеешь?

— Не, — покачал Сашка головой, — я баловаться не буду, а то дед уши надерёт. А ещё хуже — отцу расскажет!

— А где отец-то?

— Воюет... Он на важном задании! Ему звезду геройскую дадут!

Проснувшиеся бойцы окружили Сашку, и каждый пытался что-нибудь подарить ему: кто кусочек сахару, кто огрызок карандаша, а когда у Сашки были полные руки подарков, он сказал:

— Хватит мне дарить, деду махры дайте, а то он крапиву курит! — Солдаты заулыбались, а усатый спросил у Сашки, помогая укладывать гостинцы:

— Скучаешь, поди, без отца-то?

— Скучно, когда Бориска спит, но скоро мать ещё одного принесет — тогда веселей будет!

Красноармейцы загоготали, а Сашкин друг серьёзно спросил:

— От кого же ты узнал это?

— Мать тётке Вере говорила, когда никого в избе не было, что в половодье ослобонится... Сказала, что срок подойдёт. Она ещё похвалилась тогда, что... — но Сашка не договорил: из кухни выскочила Акуля и замахнулась на него тряпкой:

— Ты что же это выдумываешь-то, домовой тебя забодай, в кого же такой невозможный-то растёшь, а?

— Хватит, хватит, — остановил Григорий Акулю и стал слезать с печки. — Гостей сперва накорми, а с тряпкой-то после будешь бегать. Ишь разъездила!

Красноармеец посадил Сашку на печку, а сам стал приводить в порядок обмундирование; занялись этим и другие. Пока они ходили туда-сюда, Акуля достала из печи полутораведёрный чугунок с тушёной картошкой, Григорий поставил его на стол, взял большую ложку и скомандовал:

— Подходи, братва, обедать — подставляй котелки!

К Григорию нагнулся сержант, тихо сказал:

— Зачем это вы? У нас каждый боец обеспечен питанием.

— Сухарей-то успеете нагрызться, а такой пахучей картошечки когда попробуете? Не мешайся, сержант, в своей избе — я командир!

Григорий оделил всех бойцов, но двое отказались, молчаливо уединившись в углу.

— А вы чего? — повернулся к ним Григорий. — Особого приглашения ждёте?

— Нам нельзя... — ответил один из них. — Мы свинину не едим.

— Азиаты? — удивился Григорий.

— Из Касимова мы, татары.

— Шамиль, ешь, не думай — твоему бабаю не расскажем, — улыбнулся один из красноармейцев, видно, земляк. — Смотри, какое мясо сочное — пальцы откусишь!

Григорий повторно предложил татарам картошку, но те за-
качали стриженными головами, и он проворчал:

— Ничего другого у меня нет, ребята...

— Дай нам чаю, хозяин, и мы будем за тебя Аллаху мо-
литься... В походный кухня поедим. Спасибо.

— Ну, смотрите, вам виднее...

Когда он роздал еду всем бойцам, то наложил внукам и
Акуле, оставив в чугунах снохе и себе. А тут вскоре и Надёжка
вернулась с работы. Вошла раскрасневшаяся с мороза —
бойцы аж есть перестали. Григорий заметил это и поспешил
отправить её в кухню:

— Проходи, проходи — там с матерью поешь!

После короткого перекура бойцы стали собираться, выхо-
дить на улицу, а усатый, распрощавшись с ребятами,
заглянул в кухню, сказал Надёжке:

— Береги, мать, детишек, особенно старшего — смышлё-
ный парнишка растёт!

— Для меня оба хороши, — не глядя на бойца, ответила она
и неожиданно густо покраснела, и тот чего-то вдруг застес-
нялся:

— Ну, прощевайте, храни вас Господь.

Григорий выбрался на улицу вместе с сержантом, посмот-
рел на строившихся бойцов и вернулся в избу, когда они за-
шагали к выходу из села, где под вёслами у колодца с утра
стояли походные кухни, и откуда теперь прилетал запах под-
горевших пшённых концентратов.

Проводив гостей, в избе начали наводить порядок. Надёж-
ка полынным веником подмела пол, помыла его. Акуля во-
зила в кухне, а внучата играли на печке с подарками. Гри-
горию в этот момент изба показалась огромной-преогром-
ной, пустой, неудобной, словно постояльцы унесли с собой
часть чего-то особенного, что и тесноту делало незаметной.

Перебив днём сон, ночью Григорий спал чутко, но, навер-
ное, и без дневного сна мучился бы бессонницей, ибо по селу
ещё утром пробежал слух, что и в эту ночь придут войска, и
на него навалилась забота: как бы получше их встретить.

Слухи оказались верными: за час до рассвета Князево
вновь заполнили войска, опять стало тесно в избах, но те-
перь теснота была привычной, Григорий и Акуля знали, что
делать, как вести себя, и уж не было прежнего недовольства,
неопределенности, как в первый день. Григорий помогал Аку-
ле мыть и чистить картошку, нарубил свинины, даже в печку
чугун закатил, будто к нему лично прибыли гости, и он не
хотел, чтобы они стесняли жену. А ребят, когда они что-то не
поделили, припугнул, заглянув на печку: «Если хоть одно

громкое слово услышу — все уши пообрываю!» Как наседка, Григорий весь день вертелся у спящих красноармейцев, иногда выходил из избы, заговаривал с часовыми, не зная, чем помочь им, видя, как они мёрзнут на ветру, и возвращался, садился на приступку и долго смотрел на разметавшихся по полу красноармейцев. По очереди глядяваясь в каждого и пытаясь отгадать, откуда он, женат ли, есть ли мать с отцом? Он представлял, что где-нибудь вот так же лежит Павел, как вон тот парнишка, положивший под щёку две сложенные ладошки, или как тот, словно в беспамятстве запрокинувший голову и безвольно раскрывший рот.

Когда бойцы поднялись, повторилась вчерашняя история: Григорий всех накормил, напоил чаем с чабрецом. Опять они начали играть с ребятами. Правда, Сашка больше помалкивал. Зато Бориска осмелел и по очереди сидел на руках то у одного, то у другого бойца и каждому говорил одно слово: «Мнямня!»

— Ты его сегодня не кормила, что ли? — спросил Григорий у жены.

— Ему хоть весь день в рот пихай, всё равно со своей «мямней» не расстанется, — отмахнулась Акуля. — Положи ему ещё картошки — пускай ест, жалко разве!

После перекура красноармейцы распрощались, построились перед избой и пошли, зашагали. Григорий сидел на крыльце и смотрел, как собираются они из разных изб, со всех порядков в единое войско, и в темноте удивлявшее организованностью, хотя кто и как управлял им, Григорий не видел, но знал: без командиров с такой силой не совладать. Оно, подчиняясь чьей-то невидимой воле, волнами захлестывало округу, пульсируя, упрямо подвигалось в намеченном направлении.

Григорий не удивился, когда через день Князево заполнила конница, только обрадовался неожиданному множеству гнедых, каурых, вороных — душа обрадовалась. Никогда в жизни Григорий не видел столько коней: они стояли в пустых ригах, в полупустой колхозной конюшне, во всех дворах. У Григория разместилось семнадцать вороных, словно специально подобранных и по масти, и по стати. Вместе с кавалеристами Григорий устроил им ясли, решив, что овёс-то овсом, да ведь и сенца животинам хочется, тем более что коровы не было и сена не жалко. Семнадцать туго набитых кормовых кошёлков перетаскал Григорий из сарая, и, пока лошади хрустели сеном, не отходил от них: выбирал из душистого разнотравья попадавшие будылья, обирал с лошадиных губ и ноздрей сосульки, за водой сходил несколько раз — напо-

ил всех. Григорий будто власть имел над лошадьми, будто слово знал какое-то — так легко сошёлся с гостями.

— Отец, ты, должно быть, в конюхах всю жизнь служил? — удивился рыжебровый, кривоногий кавалерист, вышедший во двор по нужде.

— Оно самое... Угадал! — усмехнулся Григорий и посоветовал: — Долго-то не расшеперивайся, а то холодает — погрешку отморозишь — воевать нечем будет после войны!

Посмеявшись, рыжебровый нырнул в избу, а Григорий начал подметать двор, неожиданно почувствовав, что эта работа приятна для него, будто эти кони — его собственные, он выходил их, дождался, когда сосунки выросли в сильных, красивых коней и теперь им нельзя друг без друга... Некстати вспомнилось, как когда-то охотился за такими вот сильными и красивыми, был рад, когда охота удавалась, а сейчас только вздохнул: «Эх, жизнь, жизнь...»

Григорий лишь перед сумерками вернулся в избу, решив поторопить Акулю, чтобы та вовремя покормила кавалеристов перед дорогой, но те как будто и не спешили расставаться с теплом. А когда и картошка была съедена, а чуть позже, в сумерках, постояльцы по двое, по трое пошли к походным кухням, Григорий не удержался, спросил у их командира:

— Вы что же, останетесь ныне?

— А ты что, отец, и не рад?

— Да живите — не жалко, только интересней, когда знаешь, что впереди ждёт.

— Не волнуйся: день-другой — и нас не будет.

Возвращаясь от кухни, кавалеристы прятали котелки под полубубки, укрывали их как могли, но всё равно кашу принесли холодной и, после сытной картошки, никто не ел её.

— Не придумать бы нам чаепитие с душицей? — предложил Григорий, когда ходьба из двери в дверь закончилась и кавалеристы собрались в тепло.

— А что, совсем неплохо сальце чаем размягчить, очень даже неплохо, — поддержал Григория рыжебровый и, покосившись на Надёжку, начавшую возиться с чугуном, предложил: — Тебе, хозяйка, помочь?

— Помоги... Вот накое вёдра — водицы принеси, а то сразу-то не догадались!

Рыжебровый мигом оделся, подхватил вёдра. Вернулся быстро, хотел занести воду в кухню, но насупившийся Григорий взял у него вёдра и занёс сам. Сам же и печь растапливал, чтобы в избе теплее было, и недовольно косился на сноху: не по душе оказалось, что она разговаривала с конопатым, улыбалась ему. «Везде нос-то суёт!» — недовольно

подумал о нём Григорий. Он вышел в сарай за душицей на заварку, а вернулся — рыжебровый опять около снохи вертится, говорит ей чего-то, а та аж сияет от удовольствия. «Ну, погоди, — обозлился Григорий, — доегозишься. Кнут-то сегодня об тебя обмочаю!» — и, улучив момент, сказал снохе:

— Вдь-ка в сенцы...

Надёжка непонимающе взглянула на свёкра, но послушаться не посмела, накинув на плечи шаль, вышла.

— Мне что, Павлу написать, как ты тут с кавалерией переглядываешься, или его подождать?! А может, мне самому сейчас тебе волосья-то выдрать? — услышала она голос свёкра, хотя самого его в темноте не видела, но догадывалась, как он сейчас смотрит.

— Да ничего особенного и не сказал кавалерист-то этот, — отозвалась Надёжка, — спросил только насчёт ребят: у него дома тоже Сашка с Бориской остались, только старшенький-то у него Бориска... Только и всего...

— Знаю, знаю — «только и всего»! Чтобы сегодня на печке спала!

— Папань, а ты где?

— Там же... Места хватит.

Надёжка почувствовала, как загорелись щеки от обиды, и, вернувшись в избу, не раздеваясь, она забралась на печь, отказавшись от чая. Поругавшись с Акулей, Григорий тоже вскорее залез на печь, лёг с краю, оставив побольше места снохе.

— Дочка, — заглянув в сучинку, тихо сказала Акуля Надёжке, когда собрались спать, — сторожа-то своего, как заснёт, шибани чем-нибудь, чтобы три дня до пола летел, срамник!

Григорий расслышал Акулины слова, но промолчал, подумал: «Ждите больше — засну! Вовсе спать не буду. Возьму и среди ночи всех по тревоге подниму — кости размять, попляшете у меня!»

От жары у Надёжки разболелась голова и она не могла уснуть. Скинуть бы с себя одежду, да рядом пыхтел Григорий, и когда Надёжка начинала думать о нём, то душу сдавливала обида, а ком горечи не давал дышать. «Погоди, таракан запечный, вот Павлу напишу, как ты картошку направо и налево разбазаривал да ветчину уполовинил! — думала она. — Напишу, что и до сена добрался, — вот тогда попляшешь! Разве такую страсть прокормишь! У кавалерии этой начальство есть, пускай оно думает, чем коней кормить, а сено нам бы и самим сгодилось! Пусть коровы нет, зато всегда продать можно. А он кошёлку за кошёлкой, кошёлку за кошёлкой — и слова не скажи!»

Надёжке вспомнилось, как летом они с Павлом три ночи косили пай: Павел уже служил, на свой страх уходил на несколько часов из военкомата; она к ночи приносила в луга косы, и они косили при багряном свете поздней злой луны. В лугах были не одни: косили после работы бабы, крепкие старики и редкие уж в ту пору мужики, которым не пришёл черёд идти на фронт. Когда начинало светать, они забирались в укромный росистый ложок, она раскладывала на тряпочке захваченный из дома харч, они наспех ели и забывались на плече один у другого. Когда солнышко прорезалось из дальних полей и начинало пригревать, расставались до следующего вечера. Правда, Павел каждый раз оговаривался, чтобы особо не ждала, но всякий раз приходил, и Надёжка радовалась ему, радовалась, что и погода стоит сухая, и скошенная ночью трава к вечеру почти высыхала. Едва Павел уходил на службу, она ворошила рядки. Надо бы, конечно, это днём делать, когда солнышко росу подсушивает, да уж не до хорошего: днем надо на работе быть... Те дни прошли как во сне. Только когда Ксенофонт привёз два воза сена и, подсушив около дома, его через день убрали всей семьёй в сарай, то несказанно радовались, что сено не попало под дождь... Убаюканная воспоминаниями, Надёжка забылась, и ей уж казалось, что нет никакой войны, что Павел где-то рядом — только руку протяни, а запах дёгтя и конского пота да ещё возившийся с боку на бок свёкор — это чья-то занозистая шутка. Под эти мысли Надёжка и заснула, а когда проснулась, Григорий ходил по избе, и она подумала: «Хоть пять минут поваляюсь вольготно!» Задернув занавеску, сняла кофту, шерстяные носки, легла поперёк печи. Пролежала так немного — надо было собираться на работу, — но в своё удовольствие, и сразу на душе повеселело и давешняя обида забылась. Пока собиралась, то, поглядывая на свёкра, еле сдерживала смех: таким он выглядел озабоченным и оттого ещё более смешным и неуклюжим.

Григория же заботило то, что в это утро кавалеристы не собирались никуда ехать: уж светло, а они храпят на всю ивановскую и никакой заботы не знают! Когда сноха ушла на работу, Григорий вышел поить лошадей. Натаскав воды, пошёл за сеном. В сарай сунулся, а там весь угол отобран. «Вчерашняя моя работа!» — подумал Григорий и ему вдруг расхотелось нести сено коням — ведь чужие! — но сам себя подстегнул: «Надо было раньше думать! Меня никто не неволил, а теперь уж всё к одному». Он, как и вчера, отнёс коням семнадцать кошёлок, но набил их не туго, а наложил сено в натруску, более для вида. Когда задавал коням сено, и

те тянулись к нему подвижными губами и посматривали на Григория фиолетовыми глазами, у него от их взглядов замирало сердце, на душе рождалась необъяснимая неловкость, будто они догадывались о проделке хозяина и до поры до времени не подавали виду.

Возвращаясь от коней в избу, Григорий встретился в сенях с рыжебровым, и вся душевная тяжесть, накопившаяся за последние сутки, выплеснулась в коротком предостережении:

— Если, стручок, будешь к снохе приставать — кишки на кулак намотаю, — не сказал — выдохнул Григорий, а кавалерист, сообразив, что хозяин не шутит, всё-таки нашёл силы улыбнуться:

— Слушаемся, ваша благородь!

Зайдя в избу, Григорий попил чаю, залез на печь и задернул занавеску, отгораживаясь от всех. Ему не хотелось говорить, не хотелось никого видеть. Так и пролежал до самого вечера. Только неожиданно услышав голос Понимаешь ли, раздавшийся с порога, приподнял занавеску, спросил:

— Чего, дед, шумишь?

— Со станции вот еду, — обирая с бороды сосульки, сердито доложил Ксенофонт Михайлович. — Зазря проездил, драть их некому!

— Кого «их-то» и за что?

— Райпо, кого же ещё! За мукой послали, сказали, разрядка пришла, а меня из Хрущёва турнули... Ничего не дали. Зато махрой на складе разжился, фунтов десять обломилось. Она, видишь ли, подмокла осенью и на неё акт составили, мол, пропал продукт, а какой там пропал, — складские по себе растащили. А тут я объявился, на делёжку угодил... А теперь вот тебе завёз: на печке махру-то подсушишь — на ползимы хватит. Сичас принесу.

Ксенофонт вышел из избы и вскоре вернулся, держа под мышкой исподнюю рубаху с раздутыми рукавами, позеленевшими от волглрой махорки.

— Тебе какой рукав? — улыбаясь, спросил Понимаешь ли. — Правый или левый? Выбирай!

— С кого рубаху-то снял? — покачивая головой, улыбнулся Григорий.

— С себя. С кого ещё снимешь в такой мороз!

Григорий нашёл на печке какую-то тряпицу, расстелил на кирпичах и высыпал на неё из рукава махорку, разровнял и спросил:

— Может, и свою заодно высушишь? Место есть.

— Мне и самому делать нечего... Теперь жди, когда ещё в Хрущёво пошлют!.. Ну, бывайте здоровы, я дальше поеду, —

сказал Ксенофонт Михайлович и обратился к кавалеристам, будто только заметил их: — Вы, служивые, махрой-то не бедствуете? А то берите, не жалко.

Те нестройно стали благодарить:

— Нам и казённой хватает.

— Спасибо...

— И так все обкурились от безделья!

Понимаешь ли повернулся к выходу, но Григорий, свесившись с печи, задержал его:

— Пообедаешь у нас, чайком погреешься — успеешь, доедешь!

Ксенофонт Михайлович немного помялся, а сам рад-радёшенек горячего похлевать. Когда Акуля позвала в кухню, то он торопливо скинул одежку, поверх пиджака нацепил ремень с кобурой: видно было, что он гордится оружием, но едва Григорий взглянул на его военную справку, Понимаешь ли досадливо хлопнул по кобуре:

— Надоела, анчутка!

Пока Ксенофонт Михайлович угощался, в избе появился посыльный. Он что-то сказал старшему кавалеристов и быстро ушёл. После этого постояльцы собрались на кормёжку, а когда вернулись, то в двух котелках принесли водку. Дорогой они, видно, обо всём договорились, и старший их, подойдя к старикам, спросил:

— Желаете?

— Что там? — кивнул Григорий на закрытый котелок, а сержант поднёс котелок к нему поближе и предложил:

— Нюхни!

Григорий принялся и взглянул на раскрасневшегося Понимаешь ли, приложил палец к губам, глазами указал на спальню, где Акуля сучила пряжу, и взял с полки два стакана, поставил на стол:

— Наливай!

Прежде чем выпить, Григорий спросил у сержанта:

— А сами-то вы чего же? Нам одним неудобно...

— Да чего там на всех делить, когда по сто граммов выдали, — облизнуться! — сказал сержант, приглушив голос, словно и сам тоже боялся, что их услышит хозяйка. — Своему товарищу стакан выделили — кашляет боец, — а это вам, Григорий Тимофеевич, и другу вашему... Вы уж не ругайтесь на нас, если что не так — не по своей воле у вас загостились... Но ничего, завтра, по всему видать, в наступление пошлют!

Сержант сказал всё это стеснительной скороговоркой, из которой, поглядывая на стаканы, Григорий почти ничего не

понял, только последние слова о наступлении всколыхнули его, неожиданным умилением заполнили душу, и он, забыв об Акуле, сказал на всю избу:

— За вас, сынки, мы выпьем, за вас. Дай Бог удачи!

От слов Григория Понимаешь ли прослезился и, не вытирая слёз, осушил стакан. Он минуту или две не дышал, будто прислушивался, как растекается водка по нутру и, не дождаввшись, сокрушённо покачал головой:

— Кабы знать, разве бы стал трескаться! А то басурманам степным уподобился. Это те сначала наедятся, а после всякую гадость пьют. — Ксенофонт Михайлович хорохорился, но водка быстро забирала его: он вспотел, глаза его увлажнились, он обнял Григория, но тот легонько отстранился:

— Погоди, Михалыч, пойдём за большой стол сядем, а то мы как и не в своём доме.

Григорий забрал стаканы, миску квашеной капусты и, усевшись под божницей, позвал Акулю:

— Мать, картофь поставь на стол, нарежь ветчины и огурцов принеси, хватит чепухой заниматься!

Не будь посторонних людей, Акуля наверняка не сдержалась бы, а тут промолчала, покосилась на мужа и, надев телогрейку и накинув шаль, пошла в погреб. Принесла огурцов, грибов и две большие редьки. Скоро на столе было, как в праздник. Сашка с Бориской пробрались поближе к мискам, Надёжка, вернувшаяся к этому часу с работы, хотела прогнать их, но кавалеристы ребяташек не отпустили, подкидывали их на коленях; Сашка раз за разом кричал «ура-а», а Бориска весь слюнями испузырился, показывая на губах как скачут лошадки. Захмелевший Григорий узнал у сержанта, какой кавалерист кашляет, налил простудившемуся стакан водки, и когда тот, переглянувшись с товарищами и словно спрашивая у них разрешения, выпил, то Григорий заботливо похлопал молодого глазастьенького паренька по плечу:

— Сегодня на печи ляжешь! Бабке своей скажу, чтобы тебя спиртом комариным натерла. За одну ночь вылечишься!

Кавалеристик после выпитого окончательно захмелел, слово смотрел на окружавших людей, но ещё соображал и понимал, что нехорошо занимать хозяйскую печь.

— Не, я на полу, вместе со всеми. Нельзя по отдельности, мы тут все земляки. Обида будет...

— Дурачок, слушай, чего говорят, — из угла раздался голос рыжебрового, — рядом с молодой хозяйкой спать будешь!

Все захотали, а Григорий привстал над столом и глянул в угол:

— Договоришься, сатана конопатая, допросишься! — угрозил он рыжебровому, но без давешнего зла и рассмеялся вместе со всеми.

Ксенофонт Михайлович, прислушиваясь, прикладывал ладонь то к одному уху, то к другому. Он счастливо жмурился и помалкивал, не решаясь ввязываться в разговор... Несколько раз вспоминалась Дарьюшка, и в такие моменты он закрывал глаза; ни разговоры, ни смех не могли вывести из мягкой дремоты, незаметно навалившейся на него. Только когда сигарка угасала, он начинал шевелиться, поднимался над столом и, наклонив лампу, долго раскуривал, тычась окурком в край закопчённого пятилинейного стекла. Прикурив в очередной раз, Ксенофонт Михайлович вдруг увидел, как в избу вошла Дарьюшка и встала около двери, не решаясь подойти к столу... Он медленно опустился на лавку, чувствуя, как сигарка жжёт пальцы, и у него не было сил, чтобы избавиться от оцепенения. Резанула мысль: «Почему она в платье? Ведь на улице зима!» В это время кто-то из кавалеристов загородил собою дверь, и старик облегченно вздохнул, словно его избавили от чего-то неприятного. Но когда дверной проём освободился, то он заново разглядел Дарьюшку... Старик отвернулся, незаметно перекрестился и больше не смотрел в ту сторону, но непонятная сила делала с ним что-то необычное, и теперь ему казалось, что Григорий превратился в карлика, а Бориска, вертевшийся на его руках, стал огромным-огромным.

— Зачем держишь-то его? — спросил Ксенофонт Михайлович у Григория. — Грыжу заработать хочешь? Разве можно такого бугая на руках держать, в своём ли уме?!

— Ты чего это, дед? Лишнего хватил? — добродушно усмехнулся Григорий и, окончательно испугав приятеля, начал подбрасывать Бориску.

Ксенофонт Михайлович закрыл голову руками, словно сейчас могло произойти что-то непоправимое. А когда на мгновение оторвал ладони от лица, то замер, увидев, что Сашка успел вырасти до потолка и цепляется за крюк для люльки... Необычные видения заполнили Ксенофонта Михайловича, он хотел что-то сказать приятелю, но вместо слов испустил непонятное мычание.

— Ты чего, Михалыч, может, спать ляжешь? — спросил Григорий. — А то давай — на кровати тебе бабка постелет, только скажи!

Понимаешь ли мотнул головой и невнятно, но громко крикнул, обводя избу шальным взглядом:

— Случай со мной был!.. Лет пять назад. Возвращался в тот день, как и ныне, из Хрущёва пустой. Никакой тебе от-

ветственности, значит. Пока плёлся от села к селу — набрался. Доехал до Князева и всё: не могу дальше — темнота вокруг и в глазах тоже. Привязал мерина к чьему-то плетню, а на полок забраться сил нету — поблизости уткнулся... — Кавалеристы притихли и, поглядывая то на гостя, то на улыбающегося Григория, окружили рассказчика, а тот продолжал: — Дело, помню, весной было — к утру-то совсем застыл, дожидаясь солнышка, а поднялось оно, так я опять заснул, кожушкой укрывшись. Сплю, посапываю потихоньку и чую, что вроде кто-то крадётся ко мне: шипит и по земле чем-то скребёт... Я дышать перестал, жду. А этот, шипучий-то, совсем уж рядом. Мне бы посмотреть, хоть одним глазком взглянуть, а я ещё туже сжался, а то, думаю, какая-нибудь собака-шалава нос оттяпает, и чувствую, как кто-то забирается на меня: одну ногу на голову поставил, вторую и всё чего-то сопит и сопит. Чувствую, чем-то за ворот цепляет... Тогда уж не выдержал — стрельнул глазом... Сразу и не понял: чёрт не чёрт, коза не коза, а шипучий-то в вихры вцепился, вижу, канкой в ноздрю мне целит... Только тогда я сообразил, что это пыр меня топчет! Вот с тех пор всё думаю и гадаю, за кого же тот индюк окаянный принял меня?!

Окружившие Понимаешь ли кавалеристы малое время молчали, а потом, как по команде, захохотали, застонали, заохали, а Григорий, утирая набежавшие слёзы, замотал головой:

— Насмешил тогда село...— и добавил специально для кавалеристов: — Ведь хозяйка-то того индюка жалобу в сельсовет на Ксенофонта представила. Мол, он, такой-сякой, главную домашнюю птицу насиливал...

Хохотали не только кавалеристы, но и Надёжка прыскала от смеха в кухне, и Акуля не удержалась — тоненько подсмеивалась ей, будто камешки во рту перекатывала. А когда смех немного поутих, она вышла из кухни:

— Собрались два старых дьявола... Хватит вам — и так уж животы все надорвали!

— Ты ещё расскажи, Михалыч, как с козлом на Пасху бодался! — подзадоривал Григорий, не обращая внимания на слова Акули, но Ксенофонт Михайлович отмахнулся.

Не понимал он, почему, пытаясь развеселиться, так ни разу и не улыбнулся?! Больше того: сейчас он не видел ничего особенного в своём рассказе и жалел, что заговорил, взбудоражил людей, когда надо было побыстрее лечь спать, забыться во сне, а то, не приведи Господь, опять явится Дарьюшка... Если он всегда обмирал душой, когда её желанный образ появлялся перед глазами, видел её, словно живую, и радовался

этому, то теперь, вспомнив, что она приходила в эту избу, долго смотрела на него и как будто звала с собой, страшился увидеть её повторно. Он понимал, что всего этого не может быть в жизни, что, наверное, он сходит с ума, и поэтому не знал, что делать, чтобы спастись от преследующего видения. Ему казалось: надо лишь побыстрее заснуть, провалиться в сон, забыть всех и вся.

— Григорий, налей ещё, если осталось, и я буду укладываться! — потревожил он хозяина.

— Есть, есть ещё немного, — отозвался тот.

Допив с Григорием остатки, Ксенофонт Михайлович взял полушубок, кинул на пол, лёг и, укрыв голову полой, закрыл глаза, заставляя себя заснуть. К его радости, сон пришёл быстро, но поспал он немного, а проснулся от тревожного внутреннего толчка и, не открывая глаз, прислушивался к тому, что творится в избе. Он слышал, как Надёжка укладывала разбаловавшихся ребятишек, как со свекровью мыла посуду... Потом пришёл сержант с офицером и тот сбивчиво читал кавалеристам приказ о завтрашнем наступлении. Офицер вскоре ушёл, а кавалеристы ещё долго переговаривались. Спать они укладывались нехотя, будто желали наговориться на много дней вперед. Ксенофонт не знал, когда заснул последний говорун, но отметил про себя тот момент, потому что в избе всё стихло и ему показалось, что около него кто-то стоит. Он приоткрыл глаза и увидел Дарьюшку, едва выделяющуюся светлым сарафаном в темноте. Как и вечером, она стояла около двери, только теперь приложила палец к губам, словно боялась, что он скажет что-нибудь не то. А когда уверилась, что он и не думает ничего говорить, позвала, поманив ладошкой. Он хотел что-то спросить, но лишь непонятно замычал и поднялся с пола, хотел обнять свою Дарьюшку, но она, увернувшись, открыла дверь, выбежала в сенцы и оттуда поманила ещё. И он пошёл за ней. Из сеней она вывела на крыльцо, сбежала со ступенек и завернула за угол избы... Увидев старика, часовой окликнул:

— Ты куда, отец?

— Не видишь?! — отмахнулся тот и указал на Дарьюшку.

Он заметил, как она побежала под бугор, к ручью, и простонал: «Что же она делает-то? Ведь замёрзнет, замёрзнет девка!» Сам он мороза не ощущал, только чувствовал, как в бороде и усах застревает иней от дыхания... Сколько бегал вдоль ручья по топкому снегу, боясь отстать от Дарьюшки, тоже не знал, только когда она вывела к жилью, он успокоился, подумал: «Пора тебе, девка, и замёрзнуть — не лето на дворе!» И изрядно удивился, когда узнал в чернеющих постройках избу

Фокина. Вот она, за городьбой... Поднимаясь из низины, вконец запыхался, а окрик часового: «Стой! Кто идёт?» — не расслышал и остановился, приложил ладонь к уху. Вроде тишина... Опять двинулся в ту сторону, где исчезла Дарьюшка, и опять окрик: «Стой! Кто идёт?» Теперь он догадался, что это окликает часовой, и негромко, по-свойски, пристыдил:

— Чего, голубок, шумишь? Меня каждая собачонка на двадцать вёрст вокруг знает, а ты кричать вздумал!

— Стой! Стрелять буду! — раздался новый окрик, и стукнул винтовочный затвор.

— Я тебе стрельну, сопляк! — погрозил старик кулаком в тень около фокинской избы, откуда доносились окрики часового. — У меня тоже стрелялка есть, — и, подбадривая себя, постучал по кобуре.

Ксенофонт Михайлович подвинулся ближе к избе, и в тишине неожиданно громко треснул выстрел. Старик вздрогнул и по оранжевой лохматой вспышке определил, где стоит часовой.

— Стреляешь? В меня стрелять вздумал?! — бормотал Понимаешь ли, расстегивая кобуру. — Я тебе сичас стрельну...

Новый выстрел опрокинул старика навзничь. Он не успел понять, что с ним случилось, почему лежит и не чувствует своего тела. Попытался вытащить из кобуры наган, чтобы защититься, но рука не слушалась и, когда он шевелил ею, — в груди что-то переливалось и булькало. Это продолжалось недолго, булькать скоро перестало, и он почувствовал, что засыпает, и очень обрадовался, что наконец-то к нему пришёл настоящий сон. Во сне он видел каких-то людей около себя, увидел и Григория. Нагнувшись к самому уху, тот спросил:

— Что же ты наделал, Михалыч?!

Старик хотел что-то сказать Григорию, но только шевелил губами, будто остерегался, что его услышат собравшиеся люди. Пока его укладывали на бурку, Григорий опустил рядом на снег; ноги почему-то не держали, со сна и похмелья он ещё не пришёл в себя и не знал, кто стрелял; ему казалось, что старик случайно подстрелил сам себя... Григорий хорошо помнил, как он лёг спать, как улеглись внучата, как затихла сноха и он, бдительный свёкор, притулился около её кровати, решив всю ночь оберегать от рыжебрового. Долго кашлял на печи простуженный кавалеристик, вздыхала за перегородкой Акуля, и ворочался Ксенофонт Михайлович. Среди ночи он поднялся и, не одеваясь, вышел из избы, должно быть, по нужде... Долго не возвращался, и Григорий заснул, дожидаясь его, а проснулся от выстрелов, раз за разом стукнув-

ших где-то за избой. Не зажигая света, только успев накинуть полушубок, Григорий выскочил на улицу. В это время несколько военных пробежали куда-то на зады, он хотел бежать за ними, но часовой, оттолкнул винтовкой, не пустил:

— Нападение на пост! Нельзя туда.

— А старик мой где? — спросил Григорий у часового.

— Какой старик? Я недавно на пост заступил. Никого не видел.

— Так, так, — нерешительно затоптался Григорий на крыльце.

Он вернулся в сенцы, через заднюю дверь тихонько вышел во двор, а оттуда, утопая в снегу, добрался до фокинско-го огорода, где чернела кучка вполголоса говоривших людей. Раздвинув их, Григорий опустился к лежащему Ксенофонту Михайловичу, склонился перед стариком... Вскоре его перенесли в избу, уложили на лавке, но пока несли, никто не заметил, как он умер, и теперь набившийся снег таял в его задранной в потолок бороде, как на живом, и казалось, что усталый человек запотел и отдыхает после долгой и тяжёлой работы.

Выстрелы взбудоражили Князево. В эту ночь сперва не спали только у Фокина, где стоял штаб, да в избе-читальне, где располагался караул. Теперь же полуночные огоньки виднелись во многих избах, слышалось хлопанье дверей, чьи-то окрики. В избе Григория дверь почти не закрывалась: туда-сюда ходили кавалеристы, пришло какое-то военное начальство, и позже всех явился заспанный военврач и попросил тёплой воды. Воды, конечно, не было, и Акуля кинулась растапливать печь, но пока возилась у загнетки, доктор, погрев у рта руки, осмотрел у старика рану на груди, раздвинул и прикрыл веки и накрыл его лицо серой холстиной. После ухода врача, облившего после осмотра руки спиртом, никто не разговаривал: кавалеристы насупленно сидели вдоль стен, иные дремали, а Григорий примостился на приступке и, обхватив голову, смотрел, как с лавки капает кровь и растекается по полу чёрной лужей. Он хотел крикнуть Акуле, чтобы подложила какую-нибудь тряпку, но вслух об этом сказать не было сил, и Григорий продолжал сидеть, боясь сдвинуться с места. Только когда осмелевшая кошка подкралась к луже и, встряхивая головой, стала нюхать её, он не выдержал — сам принёс тряпку, а кошку вышвырнул за дверь.

Оцепенение длилось недолго: кавалеристы седлали лошадей, возвращались, снова выходили, не обращая внимания на покойника. Для них, видно, он уже не существовал, в

мыслях своих они шли в наступление, волновались, но переживания прятали в шутках, взаимных словесных тычках, и Григорий, слушая их, не понимал, как можно зубоскалить сейчас. Неужто самое подходящее время? От этого в душе родилась обида, и когда Акуля подошла к нему и спросила, готовить ли завтрак войску, он буркнул:

— Обойдутся!.. Собак перед охотой не кормят!

Акуля промолчала, пригнулась, словно остерегалась удара, ушла в кухню и всё-таки стала подкидывать в печку дрова. Дров скопилось много, они почти не горели, только стреляли, выбрасывая на загнетку искры; кудлатый дым не успевал выбегать в трубу, растекался по сырой и холодной избе... Она все же успела сварить чугунок картошки до выступления постояльцев, а когда те начали прощаться, совала им в карманы горячую картошку и сквозь слёзы приговаривала:

— Не ко времени вы дело затеяли. Ныне суббота, пожилы бы ещё, а с понедельника и отправились бы с Богом...

Кто шутил, кто отмалчивался, а рыжебровый, воспользовавшись суетой, заглянул в кухню и моргнул Надёжке:

— Прощевай, девахы!

Григорий слышал рыжебрового, но ничего не сказал ему, только усмехнулся в душе: «Что, бес, съел!»

После ухода войска Акуля начала подметать пол, заматывая сор к печи. Григорий сидел за столом, и со стороны можно было подумать, что он дремлет, но когда Акуля, кивнув в сторону покойника, сказала: «Сколько он так лежать будет!» — Григорий приподнялся:

— Замолчи, глупая! Пускай власть решает, что с ним делать!

Словно услышав Григория, на рассвете пришли председатель сельсовета и Зубарев. Олег Никодимович расспросил что да как, составил какую-то бумагу. Потом они с Зубаревым покурили у порога, Олег Никодимович забрал наган Ксенофонта, передал его вскоре прибывшему милиционеру, и, собравшись уходить, сказал хозяину:

— Иди, Григорий Тимофеевич, собирай стариков, надо могилу копать.

— Собрать-то недолго — дело общественное, да только Михалыч, царствие ему небесное, не нашего прихода был. Он ведь с малства — пронский. По закону-то надо бы его на городском кладбище хоронить.

— Ныне другой закон — военный. Так что, собирай стариков — на князевском кладбище похороним, а я пока в Пронск поеду: гроб надо охлопотать.

Старики выходили на мороз нехотя, долго собирались, долго поднимались на холм к Барскому саду. Копать принялись не враз, а досыта налазившись по снегу: никто не хотел, чтобы могила теснила усопших родственников. Наконец сговорились копать недалеко от церкви, чуть сбоку от паперти, на которую уже десятый год не ступала нога верующего. Церковь стояла без креста, ворот не было, а вход загораживал сугроб. Пока расчищали снег, Григорий нет-нет да посматривал в церковную темень: ему чудилось, что кто-то наблюдает за собравшимися стариками, и в такие минуты Григорию делалось не по себе. Казалось, что этот, церковный, радрадёшенек, что так много пришло старых людей в его владения, и теперь присматривался к ним, прикидывая, кого бы из них побыстрее забрать к себе на службу.

Копали тяжело, хотя и не копали, а по капельке отколупывали ломami бунящую землю. Ломы казались неподъемными, земля словно камень, и сил не хватало делать работу как в молодости. Вспотев, они по одному расходились по избам, передохнув, возвращались, но возвращалось людей меньше, и к обеду Григорий остался один. Правда, вскоре появился Мать-Грунька. Он встал неподалеку, а когда Григорий решил перекурить, парнишка взял его лом, но Григорий оставил:

— Возьми-ка топор... Им легче, а ломом-то все жилы вытянешь!

Васёк схватил чей-то топор с треснутым обухом и, согнувшись, начал стучать им. Устал парнишка быстро. Сел на ворох земли, распахнул телогрейку и махнул рукой в сторону большака, по которому с утра двигались войска.

— Солдат бы сюда, они мигом выдолбили.

— Ещё успеют, надолбятся, — отозвался Григорий. — Я, брат, в империалистическую-то, знаешь, сколько земли перекидал... И не вспоминать лучше... Сам-то как живёшь?

— Нормально, бабка только ругается.

— Чего она?

— Денег на табак не дает!

— Ну, это ещё полбеды. Главное, чтобы поесть было чего... А за табаком приходи как-нибудь на днях — у меня есть... Дружок на всю зиму обеспечил... Ну, давай ещё подолбим?

Перед обедом, когда Григорий и Васятка собрались идти по домам, на кладбище прибежал Сашка. Увидев его, Григорий покачал головой:

— Как же это ты, милый, добрался-то? Гляди, сколько на тебя всего бабка навешала, даже шаль свою не пожалела... Ты чего прибёг-то?

— Знамо чего... За тобой баба послала. Тебя в избе командир ждёт. Баба сказала, он на тебя арест наложит!

— Чего мелешь-то? А ну пойдём!

Пока выбирались с кладбища, Григорий нёс внука на руках, а когда вышли на большак, опустил его:

— Теперь сам беги, а то мне уж и дышать нечем.

Сашка неохотно слез с дедовых рук, но побежал резво. Григорий тоже торопился, теряясь в догадках, что это за «командир» объявился? «Какой-нибудь уполномоченный», — решил он, но ошибся. Ждал его офицер из следственного отдела. Он долго расспрашивал, заставил Григория рассказать, когда он познакомился с Ксенофонтом, какие у них были отношения, о чём разговаривали в последний вечер. Задавая вопросы, следовательно всякий раз кивал на лавку с покойником и что-то писал и писал. Закончив писать, попросил Григория прочитать и расписаться, но старик, взглянув на лист бумаги, отказался:

— Разве ж твои каракули разберёшь, мил-человек!

Тогда следователь сам стал читать написанное, но Григорий почти ничего не понимал, только одобрительно кивал, желая побыстрее отделаться. Когда Григорий расписался, следователь сказал ему:

— Это же в ваших интересах помочь следствию, а то по вашему селу кто-то пустил слух, что будто вы, Григорий Тимофеевич, с умыслом напоили потерпевшего и с умыслом послали его для нападения на штаб.

— До конца договаривай, — злобно взглянув из-под бровей на следователя, еле сдерживая себя, сказал Григорий. — Этот «кто-то» — сосед мой, Фокин, больше некому. Его самого бы надо потрясти... — и Григорий хотел рассказать, как Фокин стрелял в него, но в последний момент сдержался, не желая разжигать любопытство следователя.

Тот ещё поспрашивал и, не попрощавшись, ушёл. Григорий собрался на могилу, но тут появился Олег Никодимович: привёз из Пронска тесовый неоструганный гроб, с вылезавшими из тесин гвоздями.

— Сам, что ли, сгондобил? — ехидно спросил Григорий у председателя сельсовета, кивнув на домовину.

— А кого в такое время допросишься?

— Оно и видно... Ты только мастак с трибунки болтать.

Пропустив слова хозяина мимо ушей, посчитав дело сделанным, Олег Никодимович исчез из избы... Вскоре Акуля привела Елизавету Фокину, и вдвоём они обмыли Ксенофонта, одели в чистое, а Григорий со стариками уложил тело в гроб. Заглянувший к Савиным Зубарев, узнав, что могила ещё не выкопана, осердился.

— Мне, что же, баб посылать на могилу?! — спросил он у хозяина, а тот не сдержался, в тон председателю:

— Баб-то легче всего послать, а ты направь на это дело нашего Никодимыча, один хрен ничего не делает, а не то и сам с ним за компанию. А у баб и в колхозе работы много!

— Ты же знаешь — Олег Никодимович не может на тяжёлых работах, — негромко сказал Зубарев, словно извинился.

— Подумаешь — грысь у него! — не успокаивался Григорий. — Мой отец всю жизнь с грыжей: и пахал, и косил, и ребят родил... До семидесяти лет дожил и за бабы спины не прятался.

— Ну, ладно, ладно, Григорий Тимофеевич, — начал Зубарев успокаивать Григория, — этот вопрос мы решим безотлагательно.

— «Безотлагательно!» Ишь каким словам-то научился... Да была бы у меня прежняя сила, думаешь, стал бы я вас, дристунов, просить?! Пропади вы...

Зубарев или не хотел спорить, или не знал, что ответить хозяину, но разговаривать более не стал и, сказав «до завтра», поспешил уйти.

Утром Григорий направился на кладбище, но только приступил к работе, как с наряда пришли четыре бабы; как оказалось, прислал Зубарев. Среди них и Надёжка. Заметив снوخу, Григорий погнал её домой.

— А нам Зубарев по два трудодня обещал записать, — запротивилась сноха, не желая уходить.

— Я ему запишу!.. Чего ж он сам-то? Пришёл бы, поболбил, ан нет: языком легче молоть. Ему наплевать, что ты можешь скинуть! Он не будет перед Павлом оправдываться — мне по шее достанется!

Надёжка подумала, что свёкор шутит, но когда взяла лом, он, подталкивая коленом, выпроводил её с кладбища:

— Чтобы духу твоего здесь не имелось!

До обеда, пробив мерзлоту, бабы выкопали могилу, и Григорий, иногда подменявший их, отправился вместе со всеми по домам. Не заходя в избу, вывез со двора сани, собрав стариков, вынес с ними гроб и, впрягаясь по очереди, повезли гроб на кладбище. Только на бугор сани тянули все вместе... Опускали гроб и засыпали могилу молчком, без обычной суеты, потому что суетиться было некому особо.

После похорон все незаметно разошлись по домам, только Григорий задержался и долго стоял около чернеющего в снегу холмика, облокотившись о чью-то деревянную оградку. Было морозно, тихо, меж крестов и на соседней берёзе суетились синицы — жизнь как жизнь, а на Григория давила оби-

да за друга, с которым всё вышло не по-людски: и к земле не придали, и поминонок не собрали. «Жил человек, и нет его!» — думал Григорий.

Когда возвращался с кладбища, увидел обоз с ранеными. Он тянулся, как и прежде, со стороны Пронска, только теперешние раненые не были похожи на тех, которых везли недели две-три назад.

— Вы что, орёлики, как с именин едете? — то ли спросил, то ли пристыдил их Григорий.

— А чего печалиться, когда сучье племя назад погнали! — понеслось в ответ. — Немчура так бежит, что на рысках за ним не утонишься!

Весть обрадовала Григория, а более — настроение бойцов, и он забыл и хлопоты недавних дней, и похороны, — не было сейчас времени вспоминать всё это: вот радость-то — немцев погнали, скоро войне конец! Григорий стоял обочь накатанной дороги, и, когда мимо проезжали очередные сани, приговаривал: «Спасибо, сынки, храни вас Господь!» Когда поравнялись последние розвальни, с них раздался озорной голос, показавшийся знакомым.

— Привет, хозяин! — кричал с саней кавалерист с культяшкой вместо ноги, замотанной окровавленными бинтами. — Не узнаешь?.. Как сноха-то поживает?

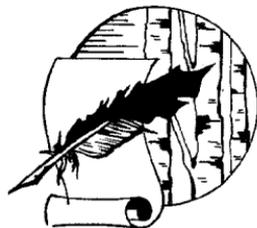
Узнав рыжебрового, Григорий невольно улыбнулся:

— Что, бес, допрыгался! Прыткие — они всегда первыми нарываються.

— Ничего, хозяин, главное — живой остался и, кроме ноги, всё остальное цело! Так что повоюем...

Кавалерист ещё что-то кричал с удалявшихся саней, но Григорий слов не различал и всё махал и махал вслед обозу, почему-то жалея, что не успел толком поговорить с рыжебровым.

Продолжение следует

Дмитрий КОВАЛЁВ

К 100-летию со дня рождения

Дмитрий Михайлович Ковалёв родился 17 июня 1915 года в старообрядческой Ветке Могилевской губернии. Был первым ребёнком в семье сельского кузнеца. Многодетная семья (ещё три сестры и четверо братьев) жила в нужде. Сёстры умерли в раннем возрасте, братья Георгий и Виктор погибли на фронте. После окончания трёх классов начал трудиться, помогая по дому, в кузнице и в поле. Продолжить образование удалось только с девятнадцати лет. Перед войной окончил рабфак, стал преподавать в сельской школе в Романовичах под Гомелем. В 1940 году ушел добровольцем на Северный флот, где прошёл всю войну: сначала стрелком морской пехоты, затем подводником. Работал во флотской печати. Здесь во время войны он сложился как поэт, написал лучшие свои стихи. Первая книга «Далёкие берега» вышла в Минске в 1947 году. В 1957 году после окончания Высших литературных курсов Д.Ковалев был приглашён заведовать редакцией прозы и поэзии в московское книжное издательство «Молодая гвардия». Впоследствии вёл творческий семинар в Литинституте, занимался переводами белорусских авторов. Скончался Д.Ф. Ковалев 5 марта 1977 г.

ОЗНОБОМ УТРЕННИМ СОГРЕТ

ПОКОЛЕНИЕ

Воспитаны,
Испытаны —
При Нём.
Дух не покорности,
А — покоренья.
Ты над враньем,
Как лес прореженный над вороньём,
Высокое, прямое поколенья.

Не знавшее о многом до седин,
Ты верило —

И смерть встречало смело.
Да усомнишься ты хоть на миг один —
Ты Родину спасти бы не сумело...

Нет вечных истин ничего новей
Ни за чертой небытия,
Ни перед.
Будь проклят
Тот из сыновей,
Кто не отцам,
А лжи о них
Поверит.

* * *

... И вот мы всплыли.
Воздух нас пьянит.
Шуршанье пены,
Ветер,
Чаек голоса.
И хмуры небо с морем,
Хмур гранит.
И хмурость режет
Яркостью глаза...
На палубе стоять
Я твердо мог,
А вот сошел —
И поплыла скала.
Качается,
Уходит из-под ног,
И глохнешь.
А в ушах — колокола...
И знаешь, что покой
Коварно лжив.
Что выхода опять
Недолго ждать.
Что только тот,
Кто побеждает, жив.
Что каждый выход
Учит побеждать.

7 НОЯБРЯ 1941 ГОДА

А на душе у всех
Был сущий ад...
У нас ряды заметно поредели.
Измотанные,

На пределе,
Мы ждали,
Состоится ли в Москве парад.
Оглохли жерла у ледовых глыб...
Вдруг онемел утес в снегу по пояс:
Пугающую тишь нарушил хрип —
И вот мы все
Его узнали голос.
Уже одно:
Что это он, что жив...
Не так парадно,
Но равнялись цепи.
Казалось, снова,
Звезды обнажив,
Летели башни в неподвижном небе,
И слышимо по хриплому баску
Как постарел он вдруг..
Шеренги мокли...
Враги, уже готовые к броску,
Могли столицу видеть не в бинокли.
Мы тоже видели Москву перед собой,
Сквозь вьюгу,
Что не смела плакать,
Еще не зная,
Что с парада прямо в бой
Идут полки,
Растаптывая слякоть.
Но чувствовали мы,
Что близок перелом...
Вдруг очередь полярный мрак прошла
Ракеты взмыли на морозе злом...
Теперь и смерть
Уже не так страшила.

* * *

Розовость кожи упругая,
Светит атласно.
И беззащитна растерянность,
Нежность невластна,
В молниях взглядов
Пугливое скрыто желанье.
Губ чуть припухлых
И щек чуть запавших
Пыланье.

Будто на взлете —
Бровей осторожная птица...
Даже, казалось, и жизнью
Не жаль расплатиться...
Помню такую тебя...
А еще — и такую:
В теплой янтарности глаз
Так просторно покою.
В тишине мягкой —
Семейного близость уюта...
Ближе с годами
Такая ты мне почему-то...

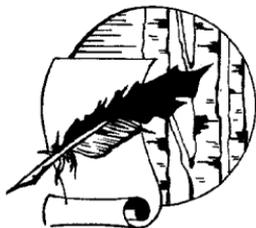
* * *

Зеркально-чёрные и, как в пыли,
Носы жуков у душистой конопли.
Соломенное солнце.
Ясли.
Прясла.
А в озерке синё
И ясно-ясно.
А лягушня —
Смешные лилипуты —
Оранжевые брюшки их
Надуты.
Вся певчая орава не видна.
И только кумканье
В просветах дна.
А гуси —
Величавее балета.
Плывут —
И чуть заметна в струйках дрожь.
Смотри хоть без конца
И без билета!
А уплывут —
Не отбивай ладош...
Пьют,
Как поют
Цыплята-непоседы.
Утенок тянет клювик восковой.
Забавный уголок
В убранстве лета,
Какой улыбчивый,
Какой ты свой!

Как много о невестах нежных строк.
Как мало о замужних вспомнить мог.
О женщинах они — со страстью пылкой.
О женах — с иронической ухмылкой...
Я о тебе мечтою жил в войну.
Перед тобою чувствую вину
За каждую морщинку, что со мною
Ты нажила за годы, став женою.
Ты — мать любимых сыновей двоих —
Что ближе мне еще тревог твоих?..
Иду по утренним равнинным нивам,
Как и до встречи, бережно ревнивым.
Невольно замираю у дверей.
Не избалован ласкою твоей —
И потому она всегда желанней
И в поздний час, и в час рассветно-ранний.
Единомышленница первая моя,
Мой целый мир и лишь моя семья,
Советчица по трудным всем вопросам...
По терниям с тобою — как по розам.

* * *

Живые на земле живут не праздно:
Кто сеет хлеб, а кто — чуму.
Обманут подло
Веривший напрасно.
Опасен, кто не верит ничему.
Мы подозрения к себе носили.
И больше старились не от забот.
Как жить
Без ненависти к злу насилий?
Как без любви к добру идти вперед?..
Должны же и творить мы идеалы.
Их иждивенцы лишь приносят вред.
...Как воды на заре свежи и алы!
Я их ознобом утренним согрет.

Анатолий АВРУТИН

ГДЕ РУССКАЯ КРОВЬ ПРОЛИВАЛАСЬ...

* * *

...Наш примус всё чадил устало,
Скрипели ставни... Сыпал снег.
Мне мама Пушкина читала,
Твердя: «Хороший человек!»
Забившись в уголок дивана,
Я слушал — кроха в два вершка —
Про царство славного Салтана
И Золотого Петушка...
В ногах скрутилось одеяло,
Часы с кукушкой били шесть.
Мне мама Пушкина читала —
Тогда не так хотелось есть.
Забыв, что поздно и беззвездно,
Что сказка — это не всерьез,
Мы знали — папа будет поздно,
Но он нам Пушкина принес.
И унывать нам не пристало
Из-за того, что суп не густ.
Мне мама Пушкина читала —
Я помню новой книжки хруст...
Давно мой папа на погосте,
Я ж повторяю на бегу
Строку из «Каменного гостя»,
Да из «Онегина» строку.
Дряхлеет мама... Знаю, знаю —
Ей слышать годы не велят.
Но я ей Пушкина читаю
И вижу — золотится взгляд...

* * *

Кто там плачет и кто там хохочет,
Кто там просто ушел в облака?
То ли кречет кричит, то ли кочет...

То ли пропасть вдали, то ль река...
И гадаю я, тяжело гадаю,
Не поможет здесь даже Господь:
Где прошли мои предки по краю,
Чем томили суровую плоть?
Зажимаю в ладонях монетку
И бросаю в бездонье пруда —
Робкий знак позабытому предку,
Чтобы молвил — откуда?.. Куда?..
И вибрирует гул непонятный
Под ладонью, прижатой к земле,
И какие-то сизые пятна
Растворяются в сумрачной мгле.
И вдруг чувствую, дрожью объятый,
Посреди перекрестья дорог,
Как ордою идут азиаты
На восток... На восток... На восток...
Но не зрится в прозрениях редких,
Что похожи на детский наив, —
То ль с ордою идут мои предки,
То ль с дружиной, орды супротив?
И пока в непроявленной дали
Растворяются тени теней,
Чую — токи идти перестали,
А вокруг всё — мрачней и темней.
И шатаюсь я вдоль раздорожий,
Там, где чавкает сохлая гать,
И всё Бога пытаю: «Я — божий?..»
А Господь отвечает: «Как знать..»

* * *

Взьерошенный ветер к осине приник...
Одна вековая усталость,
Где русские души, где русский язык,
Где русская кровь проливалась.

На бой не зывают ни горн, ни труба,
Вдали не рыдает гармошка...
Лишь тополь печаль вытирает со лба
Да птицы воркуют сторожко.

Вражина коварен и так многолик!..
Но воинство насмерть сражалось,
Где русские души, где русский язык,
Где русская кровь проливалась.

О, смерд, погибающий в час роковой!
Ему ни креста, ни могилы.
Зарублен, он вновь становился землей,
И голубь взлетал сизокрылый,

Когда он предсмертный выдавливал рык,
И падал... Всё с пеплом мешалось,
Где русские души, где русский язык,
Где русская кровь проливалась.

Заброшено поле... Не скачет гонец.
Давно покосились ворота.
Неужто всё в прошлом?.. Неужто конец?..
Неужто не вышло полета —

Туда, где лебяжий предутренний крик,
Где спеет рассветная алость,
Где русские души, где русский язык,
Где русская кровь проливалась?..

* * *

Как быстро всё это, как скоро!..
Уходит эпоха.
Мальчонка стоял у забора —
Тогда еще кроха.

Гадал про концы и начала,
Вздывалась рубаха.
Над озером птица кричала —
Тогда еще птаха.

Кричала светло и несмело
О вешей минуте.
А дерево солнца хотело —
Тогда еще прутик.

Листочки в зеленых накрапах,
На листиках — жилы.
И были и мама, и папа
Тогда еще живы...

Стоял тот мальчонка, не зная
Путей к пьедесталам.
И туча была грозовая
Лишь облачком малым...

Если вдруг на чужбину
заставит собраться беда,
Запахну в чемодан
к паре галстуков, туфлям и пледу
Томик Блока, Ахматову...
Вспомню у двери: «Ах, да...
Надо ж Библию взять...»
Захвачу и поеду, поеду.

Если скажут в вагоне,
что больно объёмист багаж
И что нужно уменьшить
поклажу нехитрую эту,
Завяжу в узелок
пестрый галстук, простой карандаш,
Томик Блока и Библию —
что еще нужно поэту?

Ну а если и снова
заметят, что лишнего взял:
«Книги лучше оставить...
На этом закончим беседу...»,
Молча выйду из поезда,
молча вернусь на вокзал,
Сяду с Блоком и Библией...
И никуда не поеду.

НОЧНЫЕ СТИХИ

Напрасно... Слова, как «антонов огонь»,
Сжигают души не сгоревшую малость.
Уже из ладони исчезла ладонь,
Что вроде пожизненно мне доставалась...
А следом поношенный плащик исчез,
Что вечно висел на крючке в коридоре.
Ни женских шагов, ни скрипучих завес,
И сами завесы отвалятся вскоре...
Всё стихло... Лишь полночью схвачен этаж
За меркнувшей лампочки узкое горло.
И чувствуешь — всё, что копилось, отдашь,
Чтоб только мгновения память не стерла,
Когда в глубине потрясённых зрачков
Растерянный облик спешит проявиться,
И сам ты в зрачках отразиться готов,
И платье вдоль ждущего тела струится...

Как всё это призрачно... Тени спешат
Впечататься в бледную кожу обоев —
Туда, где впечатан испуганный взгляд,
Один на двоих... И предавший обоих...
При чем здесь трагедия?! Горе уму..
Здесь даже Шекспир разберется не шибко.
И тьма обращается в новую тьму,
И шепками сделалась звучная скрипка.
Её все вертели — опять и опять, —
С осиною талией божую милость,
Её разломали, пытаясь понять,
Откуда же музыка в ней появилась?..
Разломана скрипка... И взгляд овдовел...
И надвое полночь в тиши раскололась.
Всё в жизни предельно... Иду за предел...
На тень от беззвучья... На голос, на голос...

* * *

Постою... Помолчу..
Постелю в головах полотенце,
Полувыхсохшей веткой
вокруг очерчу полукруг..
И услышу далекий, тревожащий голос младенца,
И просыплются крошки
из влажных и вздрогнувших рук.

Как тревожно душе
среди этой тоски голубиной,
Как светло и печально
встают в закат дерева!..
И калина-малина вновь стала калиной-малиной,
И седою травую
вновь стала седая трава.

Этот брезжущий свет..
Эти листья в багровых накрапах,
Эта тихая нежность,
что тайно щекочет гортань...
Этот чахлый птенец на подкрыльях своих косолапых,
Что забился в кустарник
и смотрит: «Попробуй, достань...»

Как пронзительно всё!
Как мучительно всё и напрасно!
И душа вечереет,
и дымка вползает во взгляд...

Но струится над болью
тайнственный свет непогасный
И согбенные птицы
куда-то летят и летят...

* * *

*В годы войны на территории Белоруссии
фашисты создали 14 лагерей, в которых
забирали у детей всю кровь.*

—Я з Крыніц... Жыва пакуль...
Зваць Алеся.
—З Докшыц я... А ты адкуль?
—Я з Палесся...

Кровь возьмут до капли, всю,
Без разбору.
Было б восемь Михасю,
Шесть — Рыгору.

А Алесе скоро семь...
Время мчится.
Было б лучше им совсем
Не родиться.

Горе-горюшко родне...
Крови алость,
Что немецкой солдатне
Доставалась.

В госпитальной чистоте
Бывшей школы
Перелили в вены те
Кровь Микола.

Заживляла след от пуль
Кровь Алеси,
Что шептала:
—Ты адкуль?
Я — з Палесся...

И фашист, набравшись сил,
Встав с кровати,
Нет, не «муттер» говорил,
Плакал: «Маці...»

И не мог никак понять,
Хромоножка,
Почему назвать кровать
Тянет «ложкам»?

Ведь не знал он этих слов...
Как, откуда
У немецких докторов
Вышло чудо?

Не понять ему — бандит—
В мракобесье:
Кровь Миколы говорит,
Кровь Алеси...

* * *

Бредет навстречу дряхленький Мирон,
Еще с войны контуженный, живучий.
Извечный завсегдатай похорон
Других солдат, что в мир уходят лучший...

Он сдал в музей медаль и ордена,
Он потерял жену, а с ней — рассудок.
И встречного: «Закончилась война?..» —
Пытает он в любое время суток.

«Да-да, Мирон, закончилась... Прости,
Что мы тебе об этом не сказали...»
Он расцветает... И звенят в горсти
Монеты на бутылку от печали.

Бутылка так... На первом же углу
Он встречного о том же спросит снова:
«Закончилась?..» Морщинки по челу
От радости бегут не так сурово.

Проклятый век... Шальные времена...
В соседней Украине гибнут дети.
А здесь Мирон: «Закончилась война?..»
И я не знаю, что ему ответить...

Белоруссия, г. Минск

РАЗВЯЗАЛ ВОЙНУ — ПЛАТИ!

После таких бурных событий, как присоединение к России Крыма, боевые действия на юго-востоке Украины, экономические санкции Запада против нас, наша страна стала действовать более решительно. Думается, что сейчас в самый раз начинать работу и по подготовке законопроекта о полном покрытии Германией своих репарационных обязательств перед Российской Федерацией.

Вторая мировая стала самой разрушительной в истории человечества. Для СССР ущербы от нее были астрономическими. Надо сказать, работа по оценке ущербов в нашей стране в годы Второй мировой войны была налажена намного лучше, чем в годы Первой мировой войны. 2 ноября 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была создана Чрезвычайная Государственная комиссия по ущербу — ЧГК — под председательством Н.М. Шверника. В нее входили академики И.Н. Бурденко, Б.Е. Веденев, Т.Д. Лысенко, И.П. Трайнин, Е.В. Тарле, летчица В.С. Гризодубова, государственный партийный деятель А.А. Жданов, митрополит Киевский и Галицкий

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Николай, писатель А. Н. Толстой. Позднее было разработано и утверждено Советом Народных Комиссаров Положение о Комиссии. К ее работе были подключены все без исключения органы государственной власти, в первую очередь на местах, где протоколировались и фиксировались все случаи нанесения ущерба имуществу и дезорганизации хозяйственной жизни. Комиссия не прекращала своей работы ни на один день, вплоть до 9 мая 1945 года, продолжала она свою деятельность и после Дня Победы.

По итогам войны, комиссия опубликовала следующие данные: немецко-фашистские захватчики и их союзники разрушили 1710 городов и более 70 тысяч сел и деревень, лишили крова около 25 миллионов человек, уничтожили около 32 тысяч промышленных предприятий, разграбили 98 тысяч колхозов.

Большие потери понесла транспортная система. Было уничтожено 4 100 железнодорожных станций, разрушено 65 тысяч километров железнодорожных путей, 13 тысяч железнодорожных мостов, повреждено и угнано 15 800 паровозов и мотовозов, 428 тыс. вагонов, 1400 судов морского транспорта. Также уничтожено 36 тысяч предприятий связи, 6 тысяч больниц, 33 тысячи поликлиник, диспансеров и амбулаторий, 82 тысячи начальных и средних школ, 1520 средних специальных учебных заведений, 334 высших учебных заведения, 43 тысячи библиотек, 427 музеев и 167 театров...

Грабежом занимались такие известные фирмы, как «Фридрих Крупп и К°», «Герман Геринг», «Сименс Шукерт», «ИТ Фарбениндустри».

Материальный ущерб составил около 30% национального богатства СССР, а в районах, подвергшихся оккупации, — около 67%. Народному хозяйству нанесен урон на 679 миллиардов рублей в государственных ценах 1941 года.

Отчет ЧГК был представлен на Нюрнбергском процессе в 1946 году.

Военные и косвенные расходы

Приведенные цифры далеко не исчерпывают всего ущерба. С полным основанием в расчет ущербов должны включаться и военные расходы. С началом Великой Отечественной войны потребовались существенная перестройка всей деятельности финансовой системы СССР, значительное увеличение ассигнований по смете наркоматов обороны и военно-морского флота. На оборону за 1941—1945 гг. было направлено 582,4 млрд. руб., что составило 50,8% от общего

государственного бюджета СССР за эти годы. От дезорганизации хозяйственной жизни снизился и национальный доход.

Расходы же Советского государства на войну с Германией и Японией, потери доходов, которые в результате оккупации понесли государственные, кооперативные предприятия и организации, колхозы и население Советского Союза, составили не менее 1890 млрд. рублей. Общая сумма ущерба СССР за годы войны (прямой ущерб, потери продукции, расходы на военные цели) достигла 2569 млрд. рублей.

Только прямой материальный ущерб СССР, по оценкам ЧГК, в валютном эквиваленте составил 128 млрд. долл. (тогдашних долларов — не сегодняшних). А общий ущерб, включая косвенные потери и военные расходы, — 357 млрд. долл. Для сравнения: в 1944 году валовой национальный продукт (ВНП) США, по официальным данным американского министерства торговли, составлял 361,3 млрд. долл.

Общие потери Советского Союза оказались равными годовому валовому продукту Америки!

Ущерб СССР в сравнении с другими участниками войны

Еще до завершения Второй мировой войны было понятно, что именно на СССР легло основное ее экономическое бремя. Уже после войны делались различные расчеты и оценки, которые лишь подтвердили этот очевидный факт. Западногерманский экономист Б.Эндрюкс провел сравнительную оценку бюджетных расходов на военные цели основных воюющих стран за весь период войны. Французский экономист А. Клод сделал сравнительные оценки прямых экономических потерь (разрушение и хищение имущества) основных воюющих стран.

Военные бюджетные расходы и прямые экономические ущербы основных воюющих стран в период Второй мировой войны, по их оценкам, составил 968,3 млрд. долл. (в ценах 1938 г.). В общей сумме бюджетных военных расходов за период Второй мировой войны семи основных воюющих стран на СССР пришлось 30%. В общей сумме прямых экономических ущербов пяти стран на СССР пришлось 57%. Наконец, в общей итоговой сумме общих потерь (сумма военных расходов и прямых экономических ущербов) четырех стран на СССР пришлось ровно 50%. Сталин на Ялтинской конференции попал в точку, когда предложил, чтобы половина всех репараций, которые будут возложены на Германию, была бы перечислена Советскому Союзу.

Ялтинские договоренности по репарациям

В то же время Сталин на Ялтинской конференции в феврале 1945 года проявил невероятную щедрость. Он предложил установить общую сумму репараций для Германии в размере 20 млрд. долл., предусмотрев, что половина этой суммы (10 млрд. долл.) будет выплачиваться Советскому Союзу как стране, внесшей наибольший вклад в Победу и пострадавшей больше всех из антигитлеровской коалиции. С некоторыми оговорками Ф. Рузвельт и У. Черчилль согласились с предложением И. Сталина, о чем свидетельствует стенограмма Ялтинской конференции. 10 млрд. долл. — это примерно сумма помощи США Советскому Союзу по программе ленд-лиза в годы Второй мировой войны. 10 млрд. долл. при тогдашнем золотом содержании валюты США (1 долл. = 1/35 тройской унции) были эквиваленты 10 тысячам тонн золота. А все репарации (20 млрд. долл.) — 20 тысячам тонн золота. Получалось, что СССР соглашался лишь на неполные 8 процентов покрытия своих прямых ущербов с помощью немецких репараций. А по всем ущербам покрытие составляло 2,8%. Итак, предложения по репарациям, озвученные в Ялте, можно действительно назвать щедрым жестом Сталина.

Как цифры Ялтинской конференции контрастируют с теми гигантскими суммами репараций, которые страны Антанты (без России) возложили на Германию на Парижской конференции в 1919 году! По итогам Первой мировой был заключен мирный договор, по которому была определена сумма репараций: 269 миллиардов золотых марок — эквивалент примерно 100 тысячам (!) тонн золота. Разрушенная и ослабленная сначала экономическим кризисом 20-х годов, а затем и Великой депрессией страна была неспособна выплачивать колоссальные репарации и была вынуждена занимать у других государств, чтобы выполнять условия договора. Репарационная комиссия в 1921 году сократила сумму до 132 млрд. долл., т.е. примерно в два раза. Основные квоты в рамках этой суммы имели следующие страны: Франция (52%); Великобритания (22%), Италия (10%). Опуская многие детали истории репараций времен Первой мировой войны, отметим, что Гитлер, придя к власти в 1933 году, полностью прекратил выплаты репараций. Те репарации, которые Франция и Великобритания получали от Германии, направлялись преимущественно на погашение их долгов перед Соединенными Штатами. Напомним, что США в результате Первой мировой войны превратились из должника в крупнейшего кредитора. Главными должниками США были именно Франция и

Великобритания, сумма долга — около 10 млрд. долл. До конца 1932 года эти страны успели выплатить Америке 2,6 млрд. долл., причем 2 млрд. долл. — репарационными деньгами.

Подходы СССР и союзников к решению репарационного вопроса

Уже после Второй мировой и образования в 1949 году Федеративной Республики Германии главы МИД США, Англии и Франции обязали её вернуться к выплате долгов по Версальскому договору. Новые репарационные требования как бы накладывались на репарационные претензии уже далекой Первой мировой войны. Сумма репарационных обязательств Германии на тот момент была определена в 50 млрд. долл., причем США, Великобритания и Франция исходили из того, что погашение обязательств будет осуществляться поровну восточной и западной частями Германии. Такое решение принималось без согласования с СССР.

В 1953 году, согласно Лондонскому договору, потерявшей часть территории Германии было разрешено не платить по процентам вплоть до объединения. Объединение Германии 3 октября 1990 года повлекло за собой «реанимацию» её репарационных обязательств по Версальскому договору. На то, чтобы погасить долги, Германии было отпущено 20 лет, для чего стране пришлось взять двадцатилетний кредит в 239,4 миллиона марок. Германия завершила выплату этих репараций своим ближайшим союзникам лишь в конце 2010 года. Высокие отношения! Как это разительно отличается от политики СССР, который уже через несколько лет после окончания Второй мировой войны отказался от репараций со стороны Румынии, Болгарии и Венгрии, которые вошли в состав социалистического лагеря. Даже Германская Демократическая Республика вскоре после своего образования полностью прекратила репарационные перечисления Советскому Союзу. Это было зафиксировано специальным соглашением между ГДР, с одной стороны, и СССР и Польской Народной Республикой (ПНР) — с другой (полное прекращение репараций с 1 января 1954 г.).

Кстати, по итогам Первой мировой войны у нас никаких требований к Германии не было. Первоначально (по Версальскому мирному договору) в числе получателей репараций была и Россия. Однако в 1922 году в Рапалло (на сепаратной встрече, которая проходила параллельно с международной экономической конференцией в Генуе) мы заключили соглашение с Германией об отказе от репараций в обмен на отказ

от претензий немецкой стороны в связи с национализацией германских активов в России. Согласно некоторым источникам, Советская Россия отказалась от репараций на сумму, эквивалентную 10 млрд. руб.

Возвращаясь к вопросу о сталинской щедрости, следует отметить, что причины ее Сталин не скрывал. Он не хотел повторения того, что произошло в Германии и Европе после подписания Версальского мирного договора. Фактически этот документ загонял Германию в угол и «программировал» движение Европы ко Второй мировой войне.

Участовавший в обсуждении вопросов репараций на Парижской мирной конференции 1919 года известный английский экономист Джон Кейнс (чиновник министерства финансов) заявил, что установленные для Германии репарационные обязательства превышают ее возможности не менее чем в 4 раза.

Выступая на Парижской мирной конференции по поводу мирного договора с Венгрией, тогдашний заместитель министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинский разъяснял суть советской репарационной политики: «Советское правительство последовательно проводит такую линию репарационной политики, которая заключается в том, чтобы исходить из реальных планов, чтобы не удушить Венгрию, чтобы не подрубить корни её экономического восстановления, а, наоборот, облегчить ей возможность её экономического возрождения, облегчить ей возможность стать на ноги, облегчить ей возможность войти в общую семью Объединённых наций и участвовать в деле экономического возрождения Европы».

Щадящий подход Советский Союз применял и в отношении других стран, воевавших на стороне Германии. Так, мирный договор с Италией возлагал на последнюю обязанность выплатить Советскому Союзу репарации на сумму 100 млн. долл., что составляло не больше 4—5% прямого ущерба, причинённого Советскому Союзу.

Принцип щадящего подхода к определению объема репараций дополнялся еще одним важным принципом советской политики. А именно, принципом преимущественного погашения репарационных обязательств продукцией текущего производства.

Второй принцип формулировался с учетом уроков Первой мировой войны. Напомним, что репарационные обязательства, возложенные на Германию после Первой мировой войны, были исключительно денежными, причем в иностранной валюте. В этой ситуации Германии приходилось развивать те производства, которые были ориентированы не на

насыщение внутреннего рынка необходимыми товарами, а на экспорт, с помощью которого можно было получить необходимую валюту. А кроме того, Германия вынуждена была обращаться за кредитами для выплаты очередных траншей репараций, что загоняло ее в долговую кабалу. Повторения этого СССР не хотел. В.М. Молотов на заседании Совета министров иностранных дел 12 декабря 1947 года разъяснял советскую позицию: «Из западных зон не производится никаких текущих репарационных поставок, но промышленность в англо-американской объединённой зоне достигает всего 35 процентов от уровня 1938 г. Из советской зоны в Германии производятся текущие репарационные поставки, и промышленность здесь уже достигла 52 процентов от уровня 1938 г. Таким образом промышленный индекс советской зоны, хотя здесь более сложные условия для восстановления промышленности, в полтора раза выше, чем промышленный индекс англо-американской зоны. Из этого видно, что репарационные поставки не только не мешают восстановлению промышленности, но, наоборот, содействуют этому восстановлению». Предусматривалось, что Советскому Союзу из западных оккупационных зон будет передано 25% оборудования, пригодного к использованию. При этом 15% будет передаваться в обмен на поставки товаров, а еще 10% — безвозмездно. Как отмечает Михаил Семиряга, из 300 предприятий в западных оккупационных зонах, запланированных к демонтажу в пользу СССР, к весне 1948 года было фактически демонтировано лишь 30.

Репарационный вопрос в условиях «холодной войны»

Напомним, что на Ялтинской конференции принцип немонетарного характера репараций был согласован руководителями СССР, США и Великобритании. На Потсдамской конференции наши союзники еще раз его подтвердили. А вот позднее, начиная с 1946 года, они начали его активно торпедировать. Впрочем, они торпедировали и другие договоренности, относящиеся к репарациям. Так, еще на Потсдамской конференции союзники СССР согласились, что покрытие репарационных обязательств Германии будет частично осуществляться за счет поставок продукции и демонтажа оборудования в западных оккупационных зонах. Однако союзники чинили нам препятствия в получении товаров и оборудования из западных оккупационных зон (было получено всего несколько процентов от запланированного объема). Союзники также препятствовали нам в получении

доступа к германским активам на территории Австрии.

Объявление Западом «холодной войны» против СССР в 1946 году привело к тому, что единого союзнического механизма взимания репараций и их учета создано не было. А с созданием в 1949 году Федеративной Республики Германии (на базе западных оккупационных зон) возможность получения Советским Союзом репарационных возмещений из западной части Германии окончательно исчезла.

Сколько же репараций получил СССР?

Конкретная общая цифра репараций, возложенных на Германию по итогам Второй мировой войны, после Ялтинской конференции больше не фигурировала, в том числе в документах Потсдамской конференции. Поэтому вопрос о репарациях до сих пор остается достаточно «мутным». После Второй мировой войны — по крайней мере, для Федеративной Республики Германии — не было репарационных положений, схожих с Версальским договором. Не было зафиксированных документально общих репарационных обязательств Германии. Не удалось создать эффективного централизованного механизма взимания репараций и учета выполнения репарационных обязательств Германией. Страны-победители удовлетворяли свои репарационные претензии за счет Германии в одностороннем порядке.

Сама Германия, если судить по заявлениям некоторых ее официальных лиц, не знает точно, сколько она выплатила репараций. Советский Союз предпочитал получать репарации не в денежной, а в натуральной форме.

По данным нашего историка Михаила Семиряги, с марта 1945-го в течение одного года высшие органы власти СССР приняли почти тысячу решений, относящихся к демонтажу 4389 предприятий из Германии, Австрии, Венгрии и других европейских стран. Плюс еще примерно тысяча заводов была перевезена в Союз из Маньчжурии и даже Кореи. Цифры внушительные. Но всё оценивается в сравнении. По данным ЧГК, только количество промышленных предприятий, подвергнувшихся разрушению в СССР немецко-фашистскими захватчиками, составило 32 тысячи. Количество демонтированных Советским Союзом предприятий в Германии, Австрии и Венгрии составило менее 14%. Кстати, по данным тогдашнего председателя Госплана СССР Николая Вознесенского, за счет поставок трофейного оборудования из Германии было покрыто лишь 0,6% прямого ущерба Советскому Союзу.

Кое-какие данные содержатся в документах Германии.

Так, по сведениям министерства финансов ФРГ и федерального министерства внутригерманских отношений, на 31.12.1997 изъятия из советской оккупационной зоны и ГДР до 1953 года составило 66,4 млрд. марок, или 15,8 млрд. долл., что эквивалентно 400 млрд. современных долларов. Изъятия совершались как в натуральной форме, так и в денежной.

Основными позициями репарационных перемещений из Германии в СССР были поставки продукции текущего производства германских предприятий и денежные выплаты в различных валютах, включая оккупационные марки.

Репарационные изъятия из советской оккупационной зоны в Германии и ГДР (до конца 1953 года) составили 66,4 млрд. герм. марок (15,8 млрд. долл. при курсе 1 долл. США = 4,2 м.).

В 1945 — 1946 гг. достаточно широко использовалась такая форма репараций, как демонтаж оборудования германских предприятий и его отправка в СССР.

Этой форме репараций посвящена достаточно обширная литература, а изъятия оборудования детально документированы. В марте 1945-го в Москве создали Особый комитет (ОК) Государственного комитета обороны СССР под председательством Г.М. Маленкова. В ОК входили представители Госплана, Наркомата обороны, наркоматов иностранных дел, обороны и тяжёлой промышленности. Координировал всю деятельность комитет по демонтажу военно-промышленных предприятий в советской зоне оккупации Германии. С марта 1945-го по март 1946-го приняли 986 решений о демонтаже более 4000 промышленных предприятий: 2885 из Германии, 1137 — немецких предприятий Польши, 206 — Австрии, 11 — Венгрии, 54 — Чехословакии. Демонтаж основного оборудования осуществлён на 3474 объектах, изъято 1 118 000 единиц оборудования: металлорежущих станков 339 000 штук, прессов и молотов — 44 000 штук и электромоторов — 202 000 штук. Из чисто военных заводов в советской зоне демонтировали 67, уничтожили — 170, переоборудовали для выпуска мирной продукции — 8.

Однако роль такой формы репараций, как изъятие оборудования была не очень значительной. Дело в том, что демонтаж оборудования вел к прекращению производств в восточной части Германии и росту безработицы. С начала 1947 года эта форма репараций была быстро свернута. Вместо этого на базе 119 крупных предприятий восточного сектора оккупации было создано 31 акционерное общество с советским участием (советское акционерное общество — САО). На САО в 1950 г. приходилось 22% промышленного производства ГДР.

В 1954 году САО были безвозмездно переданы Германской Демократической Республике.

Есть смысл провести учёт полученных репараций

Оценки репарационных перемещений в пользу СССР после Второй мировой войны содержатся также в работах ряда западных экономистов. Как правило, цифры не сильно отличаются от тех, которые предоставило правительство ФРГ. Так, американский экономист Питер Либерман констатирует, что подавляющая часть репараций в пользу СССР странами Восточной Европы осуществлялась в виде поставок продукции текущего производства (около 86% по всем странам). Примечательно, что некоторые страны Восточной Европы осуществляли репарационные трансферты в пользу СССР и при этом были получателями советской помощи. По отношению к общему объему репараций всех шести стран советская помощь составила около 6%. На Германскую Демократическую Республику пришлось 85% всех репарационных перемещений из Восточной Европы в СССР.

А как выглядели репарационные трансферты Советскому Союзу на фоне репараций западным странам? Статистика репараций Западу крайне размытая. В первые годы после войны США, Великобритания и Франция делали упор на вывоз из своих зон оккупации угля и кокса. Также очень активно вырубались леса и вывозилась древесина (как обработанная, так и необработанная). Примечательно, что большая часть поставок леса и угля не засчитывалась в качестве репараций. Из западных зон было демонтировано и вывезено оборудования на сумму 3 млрд. марок (около 1,2 млрд. долл.). Также США, Великобритания и Франция захватили золото общим объемом 277 тонн (эквивалентно почти 300 млн. долл.), морские и речные суда общей стоимостью 200 млн. долл. Под контроль союзников по антигитлеровской коалиции перешло зарубежных авуаров Германии на сумму 8—10 млрд. марок (3,2—4,0 млрд. долл.). Изъятие германских патентов и технической документации Соединенными Штатами и Великобританией оценивается еще примерно в 5 млрд. долл. Оценивать объем репараций западными странами трудно, поскольку многие изъятия (особенно патентов и технической документации) осуществлялись без официальных регистраций и учетов и в статистику репараций не входили. В советской печати встречались оценки общих сумм репарационных перемещений из Гер-

мании в пользу западных стран, намного превышающих 10 млрд. долл.

Думается, что существующая на сегодняшний день «невнятность» вопроса того, насколько Германия исполнила свои обязательства перед СССР, недопустима. Нам есть смысл провести учет полученных репараций.

Для начала надо провести работу по выявлению необходимых документов в архивах наших российских ведомств. Прежде всего в архиве МИДа и Минфина.

Тезис о том, что Германия, мол, сполна заплатила России за ущербы в годы Второй мировой войны, мягко говоря, сомнителен. Конечно, если сравнивать с той цифрой репараций в пользу Советского Союза, которую озвучил Сталин на Ялтинской конференции (10 млрд. долл.), то Германия даже перевыполнила план. А общий объем репараций стран Восточной Европы в пользу СССР, как мы видим, оказался в два раза больше, чем Сталин просил в начале 1945 года. Но если сопоставлять фактические репарации с оценками ущерба, сделанными ЧГК, то картина выглядит совсем по-другому. Если брать за основу данные министерства финансов ФРГ, то выплаченные Германией репарации составили 12,3% величины прямых ущербов и 4,4% объема всех ущербов, понесенных Советским Союзом от Германии и ее союзников в годы Второй мировой войны.

Напомним, что озвученная на Ялтинской конференции цифра репараций в 10 млрд. долл. не стала официальной. Конкретные условия выплат репараций Германией и ее союзниками по Второй мировой войне обсуждались достаточно долго в рамках постоянно действующего Совета министров иностранных дел главных стран-победительниц (он функционировал до конца 1940-х гг.). Общие суммы репараций для Германии, как мы отметили выше, не были установлены.

Что касается ее союзниц во Второй мировой войне, то тут картина более внятная. В 1946 году в Париже была проведена конференция стран-победительниц, на которой были определены условия мирных договоров этих стран с пятью государствами — союзниками фашистской Германии (Италией, Венгрией, Болгарией, Румынией, Финляндией). Было подписано большое количество двусторонних мирных договоров государств-победителей с пятью вышеперечисленными государствами. Они получили название Парижских мирных договоров, которые вступили в силу одновременно — 15 сентября 1947 г. Каждый двусторонний договор содержал статьи

(раздел) о репарациях. Например, двусторонний договор СССР — Финляндия предусматривал, что последняя обязалась возместить убытки, нанесённые Советскому Союзу (300 млн. долларов), и вернуть ценности, вывезенные с советской территории. Советско-итальянский договор предусматривал репарационные платежи Италией в пользу СССР в размере 100 млн. долл.

Опуская многие любопытные детали реального выполнения условий соглашений, которые подписывались со странами-участницами фашистского блока, отметим, что лишь Финляндия в полном объеме выполнила все свои репарационные обязательства перед странами-победительницами. Италия репарации полностью не выплатила. Таково мнение экспертов.

Что касается Венгрии, Румынии и Болгарии, то указанные страны после войны встали на путь социалистического строительства, а в 1949 году стали членами Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Москва великодушно пошла навстречу этим странам и отказалась от своих требований по репарациям.

После 1975 года, когда был подписан Хельсинкский акт, к теме репараций времен Второй мировой войны уже не возвращались. Считалось, что этот документ «обнулял» все возможные требования и обязательства государств по репарациям.

Итак, Германия не выполнила свои обязательства по репарациям Второй мировой войны перед СССР в полном объеме. Конечно, можно сказать, что, мол, после драки руками не машут. Дескать, получили от Германии репараций на сумму 16 млрд. тогдашних долларов, и на том спасибо. А возвращаться к теме репараций глупо и неприлично. Неприлично по той причине, что и так были достигнуты многочисленные договоренности по послевоенному устройству мира и Европы. С этим тезисом можно было бы согласиться в 70-е или даже 80-е годы прошлого века. Но не в XXI веке, когда Запад вероломно нарушил все договоренности, которые были достигнуты на конференциях в Ялте и в Потсдаме в 1945 году. А также грубо был погран Хельсинкский заключительный акт (1975 год), закрепивший политические и территориальные итоги Второй мировой войны и принципы взаимоотношений между государствами-участниками, в том числе принцип нерушимости границ, территориальной целостности государств, невмешательства во внутренние дела иностранных государств.

Несмотря на решения Совета министров иностранных дел, Хельсинкский акт и другие высокие многосторонние договоренности, некоторые вопросы репарационных требований и обязательств решались и продолжают решаться на двусторонней основе, в кулуарах, без лишнего шума. Речь, прежде всего, идет об Израиле, который без особой огласки «доил» потомков третьего рейха на протяжении многих лет. Соглашение между Германией (ФРГ) и Израилем о репарациях было подписано 10 сентября 1952 г. и вступило в силу 27 марта 1953 г. (так называемое Люксембургское соглашение). Мол, немецкие «арии» должны искупать репарациями свой грех Холокоста. Кстати, это, наверное, единственный случай в истории человечества, когда соглашение предусматривает выплаты репараций государству, которого не существовало во время войны, породившей репарации. Некоторые даже полагают, что созданием своей экономики Израиль в большей степени обязан немецким репарациям, а не помощи Вашингтона. В период действия Люксембургского соглашения, с 1953 по 1965 год, пунктуально выполненного ФРГ, поставки в счет немецких репараций составляли от 12 до 20% ежегодного импорта в Израиль. К 2008 году Германия выплатила Израилю в порядке компенсации ущерба жертвам Холокоста репарации на сумму свыше 60 млрд. евро. Между прочим, по нашим оценкам (с учетом изменений покупательной способности валюты), сумма репараций, полученных Израилем от Германии за период 1953—2008 гг. приближается к 50% общего объема репараций, полученных Советским Союзом от Германии (1945—1953 гг.).

Вопрос о репарациях начинает оживать

Накануне семидесятилетия окончания Второй мировой войны тема репараций всплывала то в одной, то в другой европейской стране. В качестве примера можно привести Польшу, которая в начале нынешнего века заявила, что недополучила германских репараций. История достаточно запутанная. Как известно, после Второй мировой войны довольно значительный кусок третьего рейха отошел к Польше. Миллионы немцев в 1945 году были выселены с территории, которая стала ей принадлежать. Перемещенные немцы и их потомки стали подавать в суды Германии иски с требованием вернуть им ответственность (прежде всего недвижимость), оставшуюся на их родине (на юридическом языке это называется правом реституции — восстановлением прав собственности). Следует так-

же обратить внимание на то, что немецкие суды выносили решения в пользу истцов. Для представления интересов таких немцев было создано даже «Прусское общество за возврат собственности». К началу нынешнего века совокупные суммы исковых заявлений и судебных решений по ним уже измерялись миллиардами долларов. Бывшие немецкие собственники оставленного в Польше имущества были особенно воодушевлены тем, что Польша в 1990-е годы одна из первых в Восточной Европе приняла законы о реституции собственности для поляков. Реституция осуществлялась и осуществляется как традиционным способом (возвращение имущества в натуре), так и финансовым. Второй способ предусматривает предоставление государством бывшим собственникам специальных ценных бумаг, которые могут использоваться для приобретения различных активов или превращаться в деньги. На реституцию из казны уже потрачено более 12,5 млрд. долл. И еще планируется потратить десятки миллиардов, поскольку число заявок уже превысило 170 тысяч.

Важно подчеркнуть, что право реституции распространяется лишь на поляков. Немцы никаких прав не получили, они продолжают добиваться своих притязаний через суды. Специалисты утверждают, что именно это обстоятельство и подвигло Сейм Польши поднять в сентябре 2004 года вопрос о германских репарациях, которые якобы не были получены страной в полном объеме. Считается, что это была попытка Польши защититься от германских притязаний. Парламентом страны был подготовлен документ (резолуция), в котором говорится: «Сейм заявляет, что Польша до сих пор не получила достаточных репараций и компенсаций за огромные разрушения, материальные и нематериальные потери, которые были вызваны немецкой агрессией, оккупацией и геноцидом». Депутаты рекомендовали правительству Польши определить, какую сумму должна Германия доплатить за военные преступления вермахта на территории страны, а также передать эту информацию немецким властям.

Согласно общепризнанным данным, Польша за годы войны потеряла шесть миллионов человек. С 1939 по 1944 год польская промышленность была практически уничтожена. Варшава и многие другие города Польши также были полностью разрушены. Действительно, суммы полученных Польшей репараций не могли покрыть всех ее ущербов. Возникает лишь вопрос: насколько, с точки зрения международного права, оправданны попытки пересмотреть условия репарационных выплат Германии по истечении семидесяти лет? Вот что думает по этому поводу один из польских юрис-

тов, опубликовавших статью по вопросу германских репараций в периодическом издании «Речь Посполитая»: «Репарации, например, охватывают, по сути, не все требования, а только вытекающие из «нормальных» военных действий, не из систематического разрушения городов, а такая судьба досталась Варшаве». Кстати, автор этой публикации вообще подводит читателя к выводу: если уж требовать дополнительных возмещений, то не от Германии, а от... России. Поскольку после войны Польша напрямую репарации от Германии не получала. СССР получал репарации с подконтрольных ему территорий, и часть их перечислял Польше.

Впрочем, насколько далеко Польша готова идти в этих своих претензиях, трудно сказать. Не исключено, что заявление Сейма было сделано лишь для того, чтобы умерить реституционный пыл перемещенных немцев и их потомков.

Удивляет лишь то, что вопрос о недоплаченных репарациях «всплыл» после того, как между Польшей и Германией в 1990—1991 гг. был заключен ряд соглашений, которые, как тогда казалось, «закрыли» все встречные претензии двух государств. Уже почти десять лет Польша вопрос репараций не поднимает.

Отчасти это можно объяснить тем, что канцлер Германии А. Меркель в 2006 году публично заявила премьер-министру Польши Я. Качиньскому, что федеральное правительство «не поддерживает частные притязания немцев на возврат их собственности в Польше». После этого усилилась критика А. Меркель внутри Германии, ее обвинили в том, что правительство попирает права человека в стране и вмешивается в те вопросы, которые являются прерогативой судов. Впрочем, нет гарантий того, что в какой-то момент времени Варшава опять не вернется к теме репараций. И на этот раз со своими претензиями она может обратиться уже не к Германии, а к России.

Польша в своих репарационных притязаниях не одинока. В 2008 г. Италия направила иск в Международный суд в Гааге с требованием взыскать с Германии репарации времен Второй мировой войны (удивительно, что иск подала страна, которая воевала на стороне Германии). Этот иск остался без удовлетворения, Гаагский суд встал на защиту Германии, заявив, что требование Италии «нарушает суверенитет Германии».

«Греческий прецедент» как сигнал России

Последней страной, реанимировавшей тему репараций Второй мировой войны, стала Греция. Всем хорошо известно, что эта южноевропейская страна находится в тяжелейшем финансовом положении. Несмотря на недавно (в 2012

году) проведенную беспрецедентную реструктуризацию ее внешнего долга, Греция продолжает оставаться в группе лидеров по относительному уровню суверенного долга. На конец III квартала 2013 года суверенный (государственный) долг всех стран Европейского союза (28 государств) по отношению к их совокупному валовому внутреннему продукту (ВВП) равнялся 86,8%. В Еврозоне (17 государств) этот показатель был равен 92,7%. А в Греции он составил 171,8%, т.е. почти в два раза превышал средний уровень в ЕС. Ситуация для Греции совершенно отчаянная. Дело дошло до того, что рейтинговые агентства и международные организации перевели недавно Грецию из разряда «экономически развитых» в категорию «развивающихся» стран. Первым это сделало агентство MSCI в июне 2013 года. Напомним, что Греция вступила в Европейский союз в 1981 году, тогда страна переживала «экономическое чудо». Греция — наглядное пособие того, что дает членство в «Единой Европе» вновь присоединяющимся странам.

Но речь сейчас не о катастрофическом положении Греции, а о том, что в поисках путей выхода из своих тупиков правительство страны подготовило требование к Германии о выплате ей репараций по итогам Второй мировой войны.

К требованию приложено развернутое обоснование. Греция не отрицает, что получила от Германии в свое время определенные суммы репараций. Первый «транш» репараций был получен в конце 40-х — начале 50-х гг. прошлого века. Основная часть репарации того времени — поставки промышленной продукции. В первую очередь, станков и оборудования. Их было поставлено на общую сумму 105 млн. марок (примерно 25 млн. долл.). В современных ценах это эквивалентно 2 млрд. евро.

Второй «транш» репараций пришелся на 60-е гг. прошлого века. 18 марта 1960 года Греция и федеральное правительство заключили договор, согласно которому 115 миллионов марок направлялись греческим жертвам режима нацистов. Эти выплаты были привязаны к отказу греков от дополнительных требований индивидуальных компенсаций. Однако сегодня Греция полагает, что двух «траншей» репараций оказалось недостаточно для покрытия всех ущербов, нанесенных Греции фашистской Германией. Исковое требование по третьему «траншу» было подано Грецией по инициативе тогдашнего премьер-министра страны Йоргоса Папандреу в Международный суд в Гааге в январе 2011 года. На какое-то время про исковое заявление Греции постарались забыть. Тем более, что Греция получила в 2012 году такой щедрый «пода-

рок», как реструктуризация ее внешнего государственного долга.

Но идея взыскания репараций в Греции не умерла. В марте 2014 года президент страны Каролос Папульяс вновь потребовал от Германии репараций за ущерб, нанесенный стране в годы войны. Греческая сторона претендует на 108 млрд. евро в качестве компенсации за разрушения и 54 млрд. евро за выданные Банком Греции займы нацистской Германии, которые, конечно же, возвращены не были. Общая сумма репарационных требований Греции составляет 162 млрд. евро. Сумма иска примерно в три раза меньше той оценки ущерба, которую озвучил в начале 2013 года Национальный совет по немецким военным репарациям, возглавляемый ветераном войны, политиком и активистом Манолисом Глезосом (Manolis Glezos). Национальный совет назвал сумму в половину триллиона евро. 162 млрд. евро — тоже «не слабо». Чтобы это было нагляднее, представим эту денежную сумму в виде золотого эквивалента. При нынешнем уровне цен на «желтый металл» получится эквивалент 5—6 тысяч тонн золота. А Сталин, напомним, в Ялте озвучивал сумму репараций Советскому Союзу, эквивалентную 10 тысячам тонн этого металла.

Следует отметить, что греческая инициатива не прошла незамеченной в других странах Европы. Все внимательно следят за развитием событий. Например, вот что пишет Дмитрий Верховуров в статье «Греческий прецедент» в «Столетии» о возможном «демонстрационном эффекте» греческой претензии: «Требования репараций Германии вправе выдвинуть, скажем, Кипр, в годы войны оккупированный немцами, или — Италия, которая после падения режима Муссолини также была оккупирована немцами, и на ее территории развернулись бои. Если у Франции дела тоже пойдут не очень хорошо, то и у нее будет возможность истребовать у Германии платежей за оккупацию и разрушения. А Бельгия, Голландия, Люксембург, Норвегия, Дания? И Великобритания может потребовать оплатить последствия жестоких бомбардировок. Вот Испании трудно будет обосновать свои претензии к Германии, но что-нибудь можно придумать, например, «повесить» на немцев ущерб от гражданской войны (1936—1939). Если развитие событий пойдет по «греческому варианту», то за считанные годы от Евросоюза могут остаться одни воспоминания».

Некоторые депутаты Государственной Думы РФ предложили провести ревизию полученных Советским Союзом германских репараций. Однако в техническом отношении задача крайне сложная, да и требующая немалых бюджетных затрат.

Поэтому пока до законопроекта дело не дошло. В связи с

«греческим прецедентом» появились интересные публикации в российских СМИ, в которых авторы пытаются самостоятельно оценить, насколько германские репарации помогли нам восстановить разрушенную войной экономику. Павел Пряников в статье «Греция требует с Германии репарации» (Newsland) пишет: *«Греческое дело против Германии очень важно для России, которая за ужасы Второй мировой получила от немцев сущие копейки. В общей сложности немецкие репарации в СССР вылились в цифру в 4,3 млрд. долларов в ценах 1938 года, или 86 млрд. рублей того времени. Для сравнения: капитальные вложения в промышленность в 4-ю пятилетку составили 136 млрд. руб. В СССР было передано 2/3 немецкой авиационной и электротехнической промышленности, примерно 50% ракетно- и автомобилестроения, станкостроительные, военные и др. заводы. Как утверждает американский профессор Саттон, репарации позволили примерно на 40% компенсировать утраченный Советским Союзом в войне с Германией промышленный потенциал. При этом вычисления американцев («Бюро стратегических служб» США, от августа 1944 года) о возможных репарациях Советского Союза после победы над Германией показывали цифру в 105,2 млрд. долларов того времени — в 25 раз больше, чем в итоге СССР получил от немцев. В нынешних долларах те 105,2 млрд. долларов — примерно 2 трлн. долларов. За эти деньги, да ещё и руками и головой немецких специалистов можно было бы обустроить и весь СССР и тем более нынешнюю Россию. Понятно, что законных способов взыскать эти деньги с немцев нет. Но постоянное напоминание им о невыплаченном долге могло бы стать хорошим инструментом во внешней политике, позволяя добиваться от Германии уступок по важным вопросам. Другое дело, что Россия в нынешнем состоянии неспособна и на такую игру. Но будем тогда «болеть» за Грецию — вдруг она покажет пример половине Европы, пострадавшей от немцев во время Второй мировой, как надо бороться за свои интересы и даже получать от такой борьбы материальные дивиденды».* Между прочим, процитированная статья писалась в мае 2013 года.

Заключение

Не исключаю, что после попрания Хельсинкского акта и перечеркивания всех иных договоренностей по послевоенному международному порядку в Европе может начаться вакханалия взаимных требований репарационного характера. Не для этого ли сегодня так активно переделывается история

Второй мировой войны?

Сегодня мир пытаются убедить в том, что решающий вклад в победу над Германией и странами фашистской «оси» внес не СССР, а страны Запада. Следующий шаг в ревизии истории — зачисление Советского Союза в главные инициаторы Второй мировой войны.

А после этого можно и начать предъявлять Российской Федерации, как правопреемнице СССР, репарационные претензии. Мол, СССР не освобождал Европу, а захватывал, поработал и разрушал. Резюмируя все вышеизложенное по теме репараций времен Второй мировой войны, следует признать, что эта тема до сих пор не является «закрытой». Нам следует поднять все документы Чрезвычайной Государственной комиссии по ущербам, материалы Ялтинской и Потсдамской конференции 1945 года, документы Совета министров иностранных дел стран-победительниц, наши двусторонние соглашения Парижского мирного договора 1947 года. А также изучить опыт европейских и иных стран по предъявлению репарационных требований к Германии через многие годы после окончания войны.

ОСВЕНЦИМ — ДОРОГА НАЗАД

Польша — гиена Европы.
У. Черчилль

Рассказывают, что фельдмаршал Кейтель, подписывая 8 мая 1945 года акт о капитуляции нацистской Германии и увидев среди победителей французских военных, с негодованием и презрением произнес сакраментальную фразу: «Как?! И эти тоже нас победили?» Примерно такую же ситуацию мы наблюдали и на прошедших торжествах в Освенциме. Узники Освенцима, не видя перед собой представителей союзных держав, победивших нацизм, — Путина, Обаму и Кэмерона — и наблюдая в VIP-ложе только представителей бывшей нацистской Германии, бывшей петэновской Франции, бандеровской Украины и других бывших сателлитов третьего рейха, могли повторить кейтелевские слова: «Как?! И эти тоже нас освобождали?»

Прошедшие торжества по случаю освобождения Освенцима показали, что западный мир снова стоит на грани очередной приступу безумия, которое выльется в очередную мировую войну, по итогам которой границы многих государств будут пересмотрены, а некоторые страны Европейского континента будут и вовсе ликвидированы за ненадобностью сверхчеловекам За-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

пада. Кто-то очень хочет переписать историю Второй мировой войны в пользу нарождающегося четвертого рейха, но уже более глобального.

Конечно, Ялта и Потсдам, где Сталин взял все, что нужно было взять России и за Первую, и за Вторую мировые войны, стали костью в горле англосаксонскому миру. Эту англосаксонскую озабоченность хорошо выразил верный слуга англосаксов белый генерал Антон Деникин: «Советам очень много дали». И вот это «много дали» не дает спокойно спать англосаксам вот уже семьдесят лет. Неприезд глав союзнических держав в Освенцим невольно сделал хозяйкой торжеств Германию. Хотя здесь некоторые циники могут сказать: но ведь без Германии не было бы Освенцима, не было бы что праздновать. Я лично не понимаю, как Германия могла отважиться приехать в Освенцим, когда там не было серьезного представительства ни одной из союзнических держав, победивших нацизм? Что это — глупость или заявка на реванш?

Освенцим показал, что высказывания Яценюка о советской агрессии во время Второй мировой войны не случайны и не спонтанны, а являются политической диверсией, вписанной в нынешнюю западную позицию. К примеру, на сайте Deutsche Welle некий Иван Преображенский опубликовал статью, в которой утверждает, что Россия потеряла моральное право представлять освободителя Освенцима. Но если Россия, по словам немецкой газеты, потеряла это право, то получается, что Германия у кого-то и за что-то приобрела право быть в строю освободителей Освенцима. И, наверное, в будущем, судя по тому, что история быстро переписывается (это видно на примере трагедии в Одессе — многие на Западе убеждены, что в одесской Хатыни люди сами себя сжигали), будет господствовать откровенно циничная ложь и полное перевертывание истории. Весьма вероятно, что через несколько лет мы услышим, что Освенцим на территории третьего рейха создали евреи и советские военнопленные, чтобы самим себя убивать, поскольку они очень боялись советского коммунизма. А немецкие солдаты с оружием в руках не давали этим евреям и советским военнопленным себя уничтожить. Но силы были не равны и немцы ничего не могли поделать с массовыми самоубийствами, пока туда не подоспели, по версии Яценюка и Схетыны, доблестные украинские войска, которые совместно с немцами освободили третий рейх и польское генерал-губернаторство от Советов. Вот такой компот по-европейски.

Почему-то тот же Схетына молчит, что украинцы из УПА вырезали поляков в польском генерал-губернаторстве целыми селами. И если бы не русские (советские) солдаты, Банде-

ра выполнил бы свой план, сформулированный им одним предложением: «Каждый поляк в возрасте от 16 до 60 лет должен быть убит». Немцы, которые покровительствовали генерал-губернаторству, деликатно не замечали резни поляков украинцами, как не замечает этого Схетына. И Польша приглашает на торжества пана Порошенко, который на государственном уровне отменил празднование Дня Советской армии и издал приказ о праздновании дня УПА как дня защитников родины. Если так дальше пойдет, я не удивлюсь, если через десять лет какой-нибудь польский политик заявит, что «хенералы» из УПА командовали Украинскими фронтами и что великая Германия, благодаря украинцам, подарила польскому генерал-губернаторству Силезию, Померанию и часть Восточной Пруссии. Вот вам и глобус Украины! У укров и поляков большое будущее в «министерстве правды» Европы.

Почему это происходит? В чем причина синдрома Схетыны, который не то что украинцев, прославляющих УПА, готов признать освободителями Польши, но, думаю, если бы завтра на политической сцене появились Геббельс и Геринг, такие, как Схетына, немедленно присягнули бы им на верность. Ибо дело в том, что окрепшая Германия требует у Польши назад свою большую «Кемскую волость» в виде Силезии, Померании и части Восточной Пруссии. И здесь оказался прав Черчилль, который в 1945 году сказал Сталину, чтобы тот не отдавал Польше столько немецких земель, ибо Германия, когда окрепнет, попросит Польшу вернуть сталинский подарок.

В этой проблеме кроется разгадка скандального разговора бывшего министра иностранных дел Сикорского, который обозначил союз Америки и Польши как сексуальный союз двух извращенцев, в котором Польша — пассивный партнер. Если перевести это на нормальный язык, то понятно, что Америка не будет гарантом территориальной целостности Польши, как в свое время СССР. Польша, делая ставку на Америку, не учла геополитические реалии, в частности то, что появился новый мировой игрок — Китай, который приглашает массу усилий, чтобы заключить крепкий союз с Германией, у которой имеются современные технологии, так нужные богатому, но технологически отсталому Китаю. Это не могло понравиться Америке, которая боится усиления Китая за счет Германии. Отсюда идея трансатлантического союза США и Германии, где США — посредник между Китаем и Германией. Поэтому США, чтобы удержать Германию в сфере влияния, скорее всего, уже давно пообещали немцам часть Польши. О чем и намекал Сикорский. А новый

польский министр Схетына не только обеспечил присутствие Германии в Освенциме как главного участника торжеств, но и своими высказываниями по истории Освенцима показал, что теперь у Польши большой брат — Германия, у которой поляки, наверняка, будут выпрашивать в качестве компенсации за исторические германские провинции что-нибудь достойное из украинских земель.

Отсюда и появление украинцев-освободителей, с которыми поляки должны так крепко дружить, чтобы объединиться в одно государство, как это было при Ягайле, когда Польша объединилась с Великим княжеством Литовским.

Но на этот раз поляки не учли, что на востоке у Польши не удельное Московское княжество, а ядерная сверхдержава Россия. А России, как и США, Польша тоже не нужна в виде посредника в диалоге с Германией и Китаем, ведь ассоциация Украины с Европой, за которую так ратовала Польша, вывела бы войска НАТО на харьковское стратегическое направление, которое является трамплином на Казахстан, как зону интересов Китая. Задача России стать регулирующим центром между Германией и Китаем. Это будет невозможно, если из-за польской алчности мы потеряем Украину, а за ней Кавказ, как русскую стену, размежевывающую Азию с Европой. Потому для сохранения русского Кавказа от Еревана до Москвы мы должны усиливать Турцию как подпорную стену русского Кавказа, куда может прийти ИГИЛ. И потому нам нужна либо независимая Украина, т.е. нейтральная страна, либо там должен быть вечный Карабах. И то и другое закрывает проблему целостности Северного Кавказа. И только войска НАТО в Харькове, Луганске, Донецке могут частично отдалить от нас Китай, который на сегодняшний день пока что видит в Путине и России старшего брата, который в трудную минуту защитит Китай.

Наши ближайшие задачи — выстраивать между Германией и Китаем транспортные коридоры, которые дадут всем странам гарантии длительного сотрудничества, а Россию сделают становой хребтом экономики Евразии. Отрадно, что мы строим железнодорожные пути между Пекином и Москвой, тем самым вырывая Китай от морской зависимости англосаксов.

Отсутствие в Освенциме лидеров России, США и Англии показало, что Польша вслед за Украиной превращается в объект мировой политики. Когда Германия предъявит Польше территориальные претензии, нам нужно не забыть, что в составе Польши находятся не только подаренные Сталиным германские земли, но и русские Подлясье и Холмщина. Этих земель хватит, чтобы создать санитарный кордон от Калининграда до Перемышля между русским и германским мирами.

Стоит также отметить, что торжества в Освенциме во главе с Германией, Францией и Польшей и пристегнутой к ним Украиной сильно ударили по идее Холокоста, ибо именно из этих стран больше отправляли евреев в Освенцим. Например, отец украинца Ющенко сидел в Освенциме, где пристрастился к хорошему кофе. Еврейские активисты пытались выяснить, за что давали кофе отцу Ющенко в Освенциме, но тему, как говорится, замяли. Сегодня дети и внуки тех, кто пил кофе в Освенциме, дружно стали в ряды освободителей Освенцима и еврейского народа. Если так пойдет дальше, то я не удивлюсь, если евреев заставят благодарить за свое освобождение не только украинцев-фашистов, но и потомков немцев-нацистов.

Схетына и Яценюк своими заявлениями наносят удар по сути еврейской государственности — по идее Холокоста. Кто-то из сильных мира сего решил зачистить сионистское движение евреев как фундамент государственности Израиля. Особенно четко это выдает заявление Яценюка, что Украина вместе с Германией пострадали от СССР, которым, по версии Гитлера, заправляли евреи и коммунисты, то есть Яценюк перепел старую геббельсовскую агитку о вине евреев и коммунистов перед прогрессивным человечеством.

Удивляет, что евреи молчали, хотя ясно, что Яценюк был готов примерить на себя мундир Эйхмана. Почему молчало мировое еврейство? Ведь переписывание итогов Второй мировой войны грозит евреям потерей своего государства. Освенцим показал, что, скорее всего, будут **зачищать** наследие сталинской внешней политики, в том числе государство Израиль. Потому и наносится удар по сионизму, а идеи сионизма базируются на трагедии Освенцима. И если в Освенцим не станут приезжать лидеры России, США и Англии, то он превратится в тихие торжества немецких бюргеров и польской шляхты, которых будут благодарить освобожденные евреи. И проблема Освенцима, а затем и Холокоста станет проблемой региональной, т.е. проблемой германского мира, который будет решать ее по своему усмотрению.

Два десятилетия в нашей стране стреляли в свое прошлое из пистолета, пытались уравнивать Гитлера и Сталина. И вот теперь уже настоящее и будущее — стреляет в нас из гаубиц. Это не аллегория, а жуткая реальность.

И слава богу, что сегодня благодаря нашим геополитическим противникам морок антисоветизма России проходит. Мы снова начинаем правильно — по-пасхальному — понимать радость нашей Великой Победы.

РАСКАЗЫ

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ...

Под немислимым солнцепёком простояла в пробке на выезде из города. Минут тридцать со скоростью виноградной улитки ползла по загруженной трассе и, наконец, вырвавшись на простор, помчалась по раскалённому асфальту в степную станицу Малый Кут. Спрашивается... а зачем прусь я в такую даль? Оно мне надо? Ехать никто не обязывал, сама назвалась. Посылку можно переслать почтой. Пожалуй, поверну назад... А как же быть с тётей Галей? Ведь я пообещала приехать.

Накатило самоедство. Вечно я...

На разрешающей разделительной полосе назад не повернула, прибавила скорость, засекала километраж и время. Везла-то я всего ничего — небольшую передачку, не своей тётке, а тётке моей подруги Оксаны. Провожая меня на вокзале в Киве, она напутствовала:

— Тётка у меня одинокая, но бойкая и дюже хозяйственная, у неё там... рай! Поезжай, сама увидишь! Не пожалеешь. Отдых тебе гарантирован стопроцентный! Тишина, сон

ПРОЗА

на сеновале, козье молоко, фрукты, овощи с грядки, что ещё надо? Погости у тёти Гали, тебе понравится!

Вот в этот обещанный станичный рай я и приехала. Быстренько нашла нужную узкую улочку. У самой белой белёной хаты, опершись на плетёную изгородь, стояла рослая, сухая, но крепкая казачка в белой косынке. Поверх цветастого ситцевого платья передник с оттопыренными кармашками, на ногах поношенные чувяки.

— Здравствуйте! Вы, наверное, меня заждались? — приветливо спросила я, выбираясь из машины. В ответ услышала:

— Много чести ждать тебя, девка, сама приехала... — и, прикрывая ладонью от солнца глаза, что-то высматривая, завертела головой.

«Оп-ля! Вот это встреча! Чтобы такое услышать, я проехала столько километров? Вот дура! — думала я, неловко переминаясь с ноги на ногу. — А ведь тётя Галя права, она меня что, приглашала? Чего обижаться?» — Улыбнувшись, решила, пусть будет, как в сказках... Прежде чем попасть в обещанный подругой рай, мне уготовано пройти испытания. Ход «мудрых» мыслей прервал возмущённый голос тёти Гали.

— О!.. Бежить подлюка! Догулялась, курва, опять молоко из цычек по улице течёт, у-у-у... Ну я тебя! — Тётя Галя, крепко матюкнулась, сломала с куста гибкий прутик, оборвала листья и взмахнула в воздухе: жах, жах... и грозно двинулась к резво бегущей навстречу белой козочке, с позвякивающим колокольчиком на длинной шее. — Ну, шо, Верка, нагулялась? Все плетни ободрала, со всеми свиделась?

Верка подняла остренькую мордочку с розовыми нежными ноздрями и тоненько заблеяла. Я засмеялась, а тётя Галя строго зыркнув на меня, погладила подбежавшую козу, тыкающуюся мордой в подол передника. Пошарив в кармашке, тётя Галя вытащила кусочек сахара, протянула козочке.

— Ну ладно, Верка, так и быть... сегодня не буду тебя лупцевать, перед гостьей позорить, пошли доиться... — И вдруг как-то беззащитно пожаловалась: — Ну, такая же у меня Верка гулящая, ну, такая... — и беспомощно развела руками. — Вот знаешь, как бабы есть, точно такие, пока всех не оббежит, все новости не поузнает, языком вдоволь не натрясётся, не набодается... А ты шо столбом стоишь? — спохватилась тётя Галя. — Ну-ка, открывай ворота, ставь свою машину вон туды, под грушеньку, и заходи до хаты, располагайся, а я покудова Верку сдою, а тоди и парного молочка попьём.

Я зашла в чисто белёные, пахнувшие травами сенцы... Переступила порог просторной комнаты, большую часть кото-

рой занимал стол. Прикрытая белым полотенцем, стояла посуда, поодаль в миске нарезанный крупными ломтями домашний хлеб.

В красном углу висела старая икона, поверх покрытая вышитым рушником. Концы свисали на застеленный промерженной скатёркой небольшой столик, уставленный маленькими пожухлыми от времени иконками. В самодельной рамке позаимствованная из журнала цветная иллюстрация — церквушка с голубыми куполами на зелёном холмистом берегу озера.

Шаркая чувяками, с небольшим ведёрком в комнату вошла тётя Галя. По коричневым глиняным кружкам разлила тёплое Веркино молоко, и мы вприкуску с домашним ноздреватым хлебом начали полдничать.

Неторопливо хозяйка расспрашивала о племяннице, о том, как живут на Украине. Слушала внимательно, задавала вопросы о ценах на продукты.

— Хйба сам лысый чёрт и тот не поймёт тех хохлов! Вот гляжу у телевизор, а у них усё митинги, революции, так и хочется крикнуть на весь мир: очухайтесь, людыни, пока ще не вмэрла ваша ридна Украина! Шож вы робыте?! А вот правителей ихних я б у поле на бураки та помидоры вывезла, хай роблют на благо народа... А шо, не то говорю? — Тётя Галя вопросительно глянула на меня.

Уминая домашний хлеб с тёплым Веркиным молоком, я согласно кивала головой, а тётя Галя продолжала возмущаться:

— У советские времена я запросто навещала украинских родственников, а теперь шо? Граница у них... — тётя Галя безнадёжно махнула рукой, — таможенники морду утюгом и ну по бабьим узелкам шариться! А потом выпучат пьяные бельма и орут: наркотики, оружие маете? И деньги вымогают. Какие надо средства иметь, шоб повидаться мне с роднёй, а? Нэма у меня таких грошей! — И покрасневшая от волнения тётя Галя перешла от политики к будням. — Ну а племяша моя, как? Усё одинёшенька, чи мужик е? — Она махнула рукой. — Бачу, шо нэма! Сорок лет — ума нет, значит, и не будя!

— Тётъ Галя, да ваша Оксана в университете кафедрой заведует, вот-вот защитит докторскую диссертацию...

— Плевать на это! — перебила меня тётя Галя. — Жить надо, а не заведовать! Имела бы мужа, вот им и заведовала и детками... А то шо получается? Ну, защитит Оксанка свою писанину, успокоится, а дальше, дальше шо? Тебя спрашиваю? Молчишь... — Она выразительно посмотрела на меня. — Небось, вертается Оксана с работы у свою хату с цацками, а

там — пусто! Вот и будэ сидеть и выть на луну, як мой Маяк. Так я к своему кобелю с понятием отношусь, отвязу, гада, хай до сучек побегёт, возвернётся утром, голодный и благодарный, нажрётся и больше не воет. Это ж природа! Она шо до людей, шо для животных, одна. Ведь был у Оксанки туточки гармонист, Гришка... с детства дружили, так, видите ли, нэ то... Он из простых, а ей прынца трэба! А Гришка, знаешь, як теперь живэ? У-у-у... Ужо троих хлопцев сварнякал, да какие славные хлопцы и всё Гришкина копия! Как, подлец, срисовал, надо же!?

— Тётя Галя, вы же знаете, как сегодня трудно женщине, особенно если она ещё и самодостаточная, устроить личную жизнь?

— Оно это мне понятно... Завсегда всякой жинке труднее, чем мужику в жизни, хто другое говорит? А тильки усё одно — в доме должен быть чоловік, пушай хошь поганенький! Ибо, я тоби кажу вот шо — какой ни хвист у козы, а всё попе затишок! Согласна? Да шо я тут с тобой время трачу! У меня тес-точко подошло, пирожки пора печь, сегодня праздник, Успение. А ты бежи до речки, купайся. Дорогу найдёшь, нет, спросишь, язык, он без костей, до Киева доведёт...

После купания в проточной реке Понуре я за обе щёки уплетала божественные с огромную ладонь пирожки с картофелем, шавелем и сливой, запивая остывшим Веркиным молоком. Было уже размечталась о сеновале, как сейчас в душистой траве залягу с книгой, да не тут-то было! Рано раскатала я свои городские губоньки...

— Чичас к бабке Авдотье пойдёшь, пирожков понесёшь. Авдотьюшка особливо любит с картоплею, вот сейчас я ей тут соберу... — не требующим никакого возражения голосом, объявила тётя Галя. — А иди будешь аж у конец станицы, по той стороне, хатка её у землю присела. Сама увидишь... нет, так спросишь! На, хусточку одень, а то ишь как палит ярило! — Она протянула нарядную белую косынку, обшитую по краям тоненьким кружевом.

И побрела я, палимая нещадным кубанским солнцем... корила себя за потраченное непонятно на что время, очередной раз делала выводы... Повиливая вздёрнутым мохнатым хвостом в репьях, рядом бежал Маяк. На полпути пёс встретил дружков — одностаничников, отстал, выясняя деликатные собачьи отношения. Да и провожал-то он меня скорее из-за любопытства. Ещё хотел и себя показать, дескать, вот веду городскую гостью к бабке Авдотье.

Наконец я доплелась до убогой хибары Авдотьи, которую сразу признала. Хатка была ветхая, с неприглядной серой,

выцветшей соломенной крышей и маленькими резными, покривившимися, давно не крашенными оконцами. Калитки не было.

Миновал заросший дворик с щедро валявшимися в пажухлой от солнца траве яблоками, грушами, алычѳей, остановилась на щелястом порожке и постучала в облезлую когда-то синюю дверь. Постучала ещѳ... Потоптавшись, открыла дверь, зашла в сенцы, увидела неухоженную комнату. В углу под иконкой на железной кровати лежала укрытая старой клетчатой шалью старушка. Мне показалось, она не дышит и... не жива. Я испугалась и через силу выдавила:

— К вам можно?

— Заходите, заходите, кто там? — услышала я слабый с хрипотцой старческий голос.

— Я вам пирожков принесла от тѳти Гали, я из города к ней в гости приехала.

— Иди ближе, детка, сидай, сидай... Я чичас встану.

— Не надо, лежите, я вам пирожки вот сюда, на стол, положу. — Я пыталась освободить место на грязном, заставленном посудой, пузырьками, коробками и всякой дребеденью столе и поскорее удрать.

Пока раскладывала пирожки, Авдотья копошилась в кровати и, наконец, уселась. Коричневые ноги в чѳрных шерстяных носках, с набухшими сиреневыми венами, не доставали до пола.

— Пока мочь есть, не могу встречать городскую гостью лёжа, — по-доброму, но с иронией негромко произнесла она. — А пирожки с картоплею?

Пока мы разговаривали, я рассматривала Авдотью. Красный, словно ошпаренный лоб, под глазами фиолетовые пятна, щѳки в коричневых, твѳрдых, как старые шрамы, морщинках, у стянутых в узелок тѳмных губ белые пяточки... Видно, немало постаралась жизнь, чтобы так изукрасить это лицо, печально пронеслось в моей голове. В глазах старухи светилась извечная бабья доброта, которая меня и придержала.

Слушая Авдотью, с охотцей рассказывающую о станичных новостях и делах, я обвела взглядом комнату. Да... очень убого! Но... что это?..

В простенке, прикрытый, как водой, толстым зеленоватым стеклом, висел портрет. Рисунок сделан углѳм. И в нѳм что-то такое... даже не пойму! Я глядела на не отпускавший меня портрет, испытывая, непонятно почему, чувство жалости к этому словно живому, глядящему на меня с простенка, большеглазому парню.

— Кто это? — как в недобром предчувствии тревоги, спросила я и подошла к портрету.

— Это сынок мой, Паша... Пашунчик... Сама нарисовала.

— Вы-ы-ы?! — Моему удивлению не было предела. — Да как это? Когда?.. Он словно живой, вы прямо-таки... — Я не знала, как и что сказать дальше.

— А хочешь, я тебе расскажу про своего Пашу?

Я кивнула и увидела, как потеплел взгляд Авдотьи, сколько в нём было ещё чудом сохранившегося жизнелюбия.

Испив чашечку козьего молочка, Авдотья, причмокивая, обтёрла тыльной стороной руки губы, поудобнее уюстилась среди подушек и стала рассказывать:

— Родился мой Пашенька здоровуший, на загляденье всем. Три подбородка, и плакать не может. Всё басом тянул. — Авдотья улыбнулась, обнажила пару верхних зубов и один нижний и посмотрела на меня с гордостью. — Окрестили мы его в церкви. Идём домой. Тогда я с маманей жила. Ни отца, ни братьев у меня не было. Померли. Кто от чего. Потому и заступиться-то было некому. А навстречу вот и он сам, Пашенькин отец, идёт. Маманя потянула меня за руку, а ему и говорит:

«Остановись, Петро Кузьмич, твоё ведь дитя... погляди».

А он так нехорошо мамане ответил и, засмеявшись, пошёл своей дорогой.

«Ой, и накажет тебя, Петька, Бог за это, ох и накажет...» — сказала ему вслед, качая головой, маманя.

— А он лихой такой был... — с горечью не заросшей давней обиды и с не погасшим сквозь долгие годы восхищением перед тем, кого когда-то крепко любила, сказала Авдотья и глубоко выдохнула. Сложив на коленях руки, сидела молча, вроде как забылась.

— Так что, Петро всё же признал сына? — спросила я и поняла, что Авдотья сейчас находилась в том прошлом времени, на том месте, где они тогда свиделись с отцом Паши.

Старушка пошевелилась и бесшумно пожевала губами.

— Нет... не признал Петро своо сына, не признал и обходил нас стороной. На войну уходил, не простился, так без вести и пропал. Паше уже годика два было, умерла маманя. Остались мы с Пашуней вдвоём. Он да я... Я да он... Так и жили... У других дети як дети, а у меня шо ни день — беда! Уж сколько он переболел, мой Пашенька, одно моё сердце знает! И кровавый понос, и ветрянка, и глотошная. И чего с ним только не было! Врач лишь руками разводил. Бежала к баб-

ке... Жила у нас такая, баба Мотя, травами лечила все болезни. Даст травок, расскажет, как заваривать, как пить, вот так и лечила я свою сыночка. Ночами не сплю, вся в огне от страха. А ему и дышать нечем, и уже губушки пеплом подёрнулись. Упаду перед иконой: — Господи, спаси, не оставь! Не допусти, Господи!..

Выжил. Бегаёт. А лето жаркое. Скотина и та под куст прячется. Ребятёнки днями на речке пропадают. Рядом тут. И вдруг бежит соседский Ванюшка:

— Тётка Авдотья, твой Пашка утонул!

Омуток там был. Сразу с берега глыбь. Он и оступился. Кинулась, в чём была. А сама-то плаваю, как топор... Нет, уж верно сказано, если на роду не написано утонуть, не утонешь. Достала его. За руку ухватила — будто он сам мне её протянул. Откачали.

— Смертынька ты моя, — говорю ему, — да разве так можно? Ты ж у мамки один.

— А я, — говорит, — рака ловил...

Перебирая заскоружлыми пальцами, Авдотья замолчала, печально и мягко улыбнулась.

— Всякое с ним было, с моим Пашенькой, будто в наказание мне за его безотцовщину. А он весь капля в каплю в Петра. Грудь высокая и голову держал как на отлёте. И всюду и везде лез первым. Лихой был, тоже в Петра Кузьмича. Никто, а он на самую макушку за грачиными яйцами залезал. Как-то глянула, и сердце обмерло. Почудилось — сорвался. Закричала не своим голосом, назем грохнулась.

Иной раз, усажу рядом и говорю:

— Паша, ты гляди, как другие... — Где там меня слушать, такой был прыткий. Боялась я за него. Так ведь сказать — свет в моём окошке. Школу кончил. Ладный парень, вытянулся, весь в батьку. Захотел на тракториста учиться. Выучился. Да только предписание пришло идти в армию. Я в голос... Тут же засобиралась в военкомат рассказать там, что, мол, я мать, одна, пусть оставят кормильца, а Паша ни в какую, не пустил меня и всё тут!

— Мамка, не мешай, пойми, я, может, всё время об армии мечтал!

Ходил, рад-радёшенек... Не стал дожидаться, чтоб ему волосы остригли, — сам снял. Была у механизатора такая машинка. К нему сбегал...

Не провожала я Пашу. Силы не было, столько перестрадала. Так на полу и осталась лежать.

Я потупилась, чтобы не видеть мелких Авдотьиных слёз, привычно покотившихся по желобкам морщин.

— Пришло письмо от него, одно-единственное, вот оно... Попросила, как умру, то чтоб Пашино письмо мне в гроб под изголовья положили... — Авдотья засуетилась, вытащила из-под подушки затёртый листок, положила на колени, неуклюже разглаживая старческими тёмными руками истёртую временем бумагу.

— На границе он служил... пограничником. Погиб на этом треклятом острове Даманском. Где-то возле Китая. Когда получила похоронную, то, как пустая сидела сутками, не верила. А там написано: «При исполнении военного долга...» Да не может этого быть, думала я, да как же это, чтобы моего Пашеньки не было в живых? Неправда это...

Очнувшись, кричала на голоса, всё звала Пашеньку, рыдала, каталась по полу и уж не знаю, что со мной и было тогда. Помню только, что всё кричала:

— Хоть бы на тебя взглянуть разочек, милый ты мой... — И всё силилась вспомнить, каким он был, когда при мне жил. И не могла. Ну, словно смыло из памяти. Будто никогда и не видала я свою Пашеньку. И страшно мне стало. Ой, как страшно!..

Раскачиваясь из стороны в сторону, Авдотья схватилась за голову.

— Ночь настала, а его всё нет в моих глазах... Да как же, думаю, Пашенька, сыночек мой, да как же, думаю, родной ты мой, как же мне повидать-то тебя? Явись ты хоть на минуточку, посмотри на меня своими ясными глазыньками, пожалей ты меня, никому не нужную... Кричу, мечусь по углам, и уже не помню себя. И не сказать, как тяжело мне было... Теперь-то уж поотошло чуток, ведь много лет пробежало, очень много, а тогда, не приведи Господь никому такое перенести... И не знаю, услышал ли Пашенька меня или уж так сердце у меня опалилось, но только вдруг встал он передо мной. Вот так... вот там, посреди кухоньки, глядит на меня и улыбается...

И сколько так времени прошло, не знаю, но только нашла я себя за столом, уголь откуда-то в руке, вожу им по бумаге. А с бумаги на меня смотрит Пашенька. А я плачу... Всю-то бумагу слезами залила... Пришла наутро соседка. Как глянула на портрет, так и завопила:

— Как живой... наш Пашка-то!

Смеркалось, когда уставшая, под впечатлением от знакомства с Авдотьей, а более от рассказа о сыночке Пашеньке, я возвращалась пыльной станичной улицей к тётке Гале. Было грустно и стыдно за себя и всех кто вырос в относительном

благополучии. Стыдно, что мы совершенно не задумываемся об одиноких и старых, о тех, кто плохо и трудно живёт рядом с нами.

Невеселые мысли басовитым лаем прервал выскочивший из зарослей смородины Маяк. А поодаль у калитки стояла тётя Галя. «Наверное, меня дожидается...» — пронеслось в голове. Заторопилась.

Но хозяйка, не обращая на меня внимания, теребила в руке прутик и по сторонам выглядывала опять где-то загулявшую Верку.

— Ну, паразитка! Это же надо, уже уси козочки у дворах. Это какой поганый характер надо иметь? — Тётя Галя выругалась и тут же опять по-дозорному приставила ладонь ко лбу, высматривая в проходящем стаде коров свою Верку. — Ну, подожди, паскуда, завтра я тебя привяжу на ентом столбу и никаких гуляк! Сиди на солнце! А ты... шо стоишь? Хошь спать на сеновале? Иди, стелись, я там тебе всё приготовила. Как вернётся Верка, вечерить будем. И где носит эту шоболду? А-а-а... явилась, красотка, не запылилась! — услышала я радостный возглас тётя Гали и, оглянувшись из сенцев, увидела, как с завидной для своих лет прытью она побежала навстречу Верке-шоболде.

Вечерили молча. На столе толчёная картошка, попахивающая укропчиком и чесночком, солёные помидорчики, хрустящие огурчики, холодный компот. Хозяйка молча взяла мою тарелку, вычищенную хлебной корочкой, положила добавки. Остывшие, а от этого ещё вкуснее пирожки со сливами и кружка тёплого молока завершили нашу трапезу.

— Ты шо така сумна? Тебя Авдотьюшка плохо встретила? — ехидно спросила тётя Галя, не сводя с меня пытливых глаз.

— Что вы, что вы... наоборот, я вот только о ней и думаю...

— А то?! Я тебя специально к ней послала... пирожки могла отнести и соседская Нюрка. А мне захотелось, шобы ты усё увидела своими глазами.

— Увидела...

— Ну и шо?..

— Нехорошо, как-то...

— Вот и поди куды следует, напиши, Расскажи...

— А вы ходили?

— Мы-то ходили, только всё без толку! Може, мы не так говорили, потому шо станичные власти зовсим как ничего не слышат! Как не люди... без сердца и души. Ведь Авдотьюшка усю войну робыла, знашь, как робыла? У-у-у... без сна и отдыха робыла... вам такое и не снилось, а пенсия? — Тётя Галя свернула увесистый кукиш. — А сын, Пашка, ведь па-

цан сам пошёл границы Родины защищать, а мог бы сидеть дома, мамкой прикрыться, так нет, пошёл, и шо? Я тоби пытаю, шо?.. А сынок председателя спрятался за батькину широую спину и жировал. Як кабан в хлеву жировал. Где же помощь страны, наших местных начальников? Ты вот скажи мене, разве так можно?

— Значит, им можно. — Я вздохнула, тяжесть с сердца не уходила. — Тётя Галя, вот вы обращаетесь ко мне, вы думаете, меня услышат? Не таких, как я, в бараний рог ломали и ломают... Вы правильно сказали, у чиновников душа пустая, а если кто среди них и найдётся совестливый и понятливый, то его быстренько вытурят от своих кормушек. Конечно, обидно и очень горько... его назначили людям служить, а он себе мощну набивает и позволяет...

Я махнула рукой. Зачем толочь воду в ступе? Сославшись на усталость, побрела на сеновал.

Низкие звёзды на тёмно-синем небосводе казались неживыми и безучастными. Пахло скошенной травой и навозом. Среди ветвей орали цикады, где-то мычали коровы и деловито по-свойски перегавкивались собаки. Из своей будки Маяк с угрожающим рычанием вступил в собачий хор. А шоболда Верка сладко спала в своём загончике на душистом сене.

Но что это? Прислушалась... занудно — тонкие, пискливые звуки приближались. Комары! И вдруг вся комарилья враз обрушилась на меня! Атаковали дружно, я не успевала отбиваться. Укрывшись простынёй с головой, задыхалась от духоты, а комары продолжали оголтело зудеть и кусать через тонкую ткань. Хлоп-хлоп, хлоп-хлоп!.. О-о-о... больше не могу! Что делать? Я крутилась с боку на бок, брыкалась, отбивалась и, вконец намаявшись, собрала вещи и побрела к хате.

— Тётя Галя, вы спите? — тихонько спросила я.

— Ну, шо, поспала на сеновале? — беззлобно усмехнулась она. — Лягай вот тут, у комнате, я уси окна марлёвкой завесила, лягай... Спи с Богом, небось, тоже за день устала.

Я постелила на лежанке, свернулась калачиком, но сон не шёл.

— Тётъ Галь, вы спите?

— Ни.

— Почему?

— Верку жалко, крепко отлупцевала её, курву, а теперь жалею.

— Тётъ Галь, а можно спросить?

— Чего же... спрашивай...

— А у вас детей не было?

— Ни, ныколы... Замуж вышла, как семилетку закончила, мой Вовка мене ждал, берёт. Тики свадьбу отыграли, его и забрали на фронт воевать с немчурами... а потом через год и похоронка приишла.

— А больше замуж не выходили?

— Ни. Женихи были, но тятка не велел, казав, шо замуж выходят один раз. А ты думаешь, я така одна була? Таких много... мы так и прожили одиночками, зато верными своим мужикам. За работой забывалось усё. В войну робыли, как лошади, потом тоже...

Моих подруг, акромья Авдотьюшки, усих уже схоронила. А бывало, вспомню прошлое время, и так хочется плюнуть в ваш телевизор, та я его и не включаю! Тики, шо побачить новости... И это же надо такое показывать? Бога на них нэма, о-хо-хо... С жиру бесятся, задницы показывают, икрой обжираются, тухли ни тухли, машины... ишь какая роскошь ключом бьёт! А рядом мы, бедные, неухоженные, старые, больные, полуголодные... На лекарства денег нэма, и до ветра бегаем у конец сада...

Нас-то сколько осталось? А ведь, у своё время, как на страну робыли? О-ё-ёй... за победу отдавали уси силы, здорovie... Шли робыты и старики и диты и зовсим хворые... разве хто чичас так робыт? Эх, вы!.. И не стыдно? Показывают по телевизору один разврат, а бабы сказались, ни сраму, ни чести... А вот мы, солдатки... Помню... А хошь, послухай, коли сон не ласкается...

Когда началась война, в колхозе остались бабы да дети. Что ни хата, то без мужика. Галина проводила мужа на фронт, и пошла работать звеньевой. Девчата раньше всех убрали картошку, звено на время разбрелось. Кто помогал возить солому или сушил махорку, а Галине вдруг захотелось собрать всех, вкусно накормить. Закатав рукава, краснолицая, порывистая, хлопотала у открытой плиты, а в глазах и сердце — Володька! Как он там воюет?

От реки Понуры веяло прохладным, живительным ветерком, но Гале не было холодно. Разогревшись, сбросила ватник, осталась в тонкой белой кофточке, которая при закатном солнце стала багровой. Подцепив на шест стёганный ватник, водрузила возле сарая. Под хлётким ветром ватник покачивался — это был сигнал третьей бригаде: мол, бабоньки, время вечерить.

Прогнав от кучи перезрелых помидоров наглых галок и воробьёв, сложила ладони рупором и прокричала:

— Бабоньки, быстрее, всё стынет! — И не без зависти бросила взгляд на подоспевшую белявую молодку, тихо спросила: — У тебя, Груня, шумели бабы, опять письмецо?

И, пока третья бригада собиралась на ужин, Галя прошла за сарай. Обветренные губы шептали: «Володя... Володечка, сокол ты мой ясененький, единственный и ненаглядненький, совсем мало полюбились мы с тобой из-за этой проклятушей немчуры! Чего, родимый, весточки не шлешь, а? Почему?.. Обмолвись, хоть словечком... главное, жив ли? Хочу, как Грушка, тоже счастливой быть... Почтальона бегаю встречать аж на околицу, к обожжённой молнией развесистой ветле, помнишь, где мы впервой поцеловались, а брехливый дед Васильку тогда выскочил на нас из камышей и напугал, как сыч в тёмном лесу, не забыл?»

А женщины, подходя к сараю, спрашивали у белобрысой радостной Груни о том же: «Правда, Груня, тебе письмецо?»

После тяжкой работы руки, едва отмытые от влажной земли, зябли, женщины прижимали ладони к щекам, кто к тёплой корке каравая.

В сарае пахло свежим хлебом, дынями, мятой, вялыми листьями махорки, рассольником, но никто не ел, все поглядывали на белобрысую Груню. Какая счастливая! У Груни сегодня опять письмо.

В тот октябрьский вечер Галина приготовила ужин на славу. Лишения войны ещё не докатились до богатого колхоза. Звеньевая сварила знатный станичный рассольник, нажарила петухов. Пшеничный духовитый, пышный, совсем ещё мирного замеса хлеб, а не отрубной нормированный, каким станет потом, разметала по выскобленным доскам столов.

Хотелось всё сделать по-доброму, по-домашнему. Ведь бабоньки за световой день, заменяя в поле мужиков, измотались, оголодали. Уложив натруженные руки на столешницу, женщины сидели молча, никто не прикасался к еде, все выжидательно смотрели на Груню.

Галина загляделась на жаркий багровый закат. Раскалённая тарелка солнца будто застряла над лесополосой. Посмотрела на притихшую речку, где плескались непуганые бойкие чирки, осмелевшие дикие утки, приплывшие на ночь в заводь. Птицы набирались сил на дальний перелёт. Этой осенью дичи просто навалом, хоть палкой бей! Такого ещё не помнили старики. На дичь охотиться некому, мужиков-то всех загребли на войну..

Солдатки сидели молча, вздыхали, каждая о своём. А урожай в этом году выдался на славу, много всего народилось на колхозных полях: пшеничка богатая выдалась, бахчи раз-

метнулись тучные, корма душистые заготовили впрок для бурёнок. Всё убрали честь по чести, сами убрали, без мужиков. Всё, что нужно, пока есть у каждой в доме. Всё. Кроме мужиков.

Нет и писем. Только вот Груше повезло. Пришёл заветный солдатский треугольничек с фронта, и каждая хочет подержать его в руках, это заветное письмецо, первое письмо в станицу с войны. И каждая думает, может, и мой скоро пришлёт долгожданную весточку.

На речке с беспокойным криком взлетели, всполошились утки, чирки... Покружив над заводью, шумно поплюхались за щетину тростника на водную гладь.

Одна из молодых кивнула на поросший камышом пологий берег.

— Ишь, чирок какой нынче нахальный! Вон их сколько...

— Стрелять-то, Лиза, некому...

— А мой, — вдруг отозвалась Груша, та, что с письмом, — мой Егор, бывало, вернётся с ружьишком домой, несёт, гляди, десятка два уток, куда девать?..

— А ты, Груня, помню, не жадничала, бывало, чирками делилась, и мне, как соседке, перепадало... Чего и говорить? Э-хэ-хэ... Был твой Егор хоть куда... охотник! — вспоминая соседа-охотника, разругивалась Лиза, ставшая во время оккупации связной в партизанском отряде.

— А мой-то, бабоньки, мой, пел-то как? Мой Витька... помните? — всполошилась Дуся. На её глазах немцы, когда займут станицу, расстреляют детей и престарелую мать.

— Да-а, пел Витька сурьёзно... — подтвердила Нина. Она из мужниного ружья застрелит гестаповца, за что фрицы, нагло посмеиваясь, принародно повесят её на станичной площади.

Словно прислушиваясь к отголоскам Витькиных песен, которые помнили берега реки Понуры, все замолчали. Тихо теперь в станице. Некому петь! И все бабоньки сейчас слушали то, чего уже нет... Ни сном, ни духом не ведали, что им уготовано впереди...

— А мой Санёк... — отозвалась сидящая с краю Евдокия, крепкая, жилистая, мать большого семейства. Голос у неё дрожал, как у девчонки. — Возьмёт, бывало, мой Санёк ножик и чурбашку-деревяшку, раз, два, раз, два... и ложка готова! Раз, два... и ещё ложка... Вот эту, погляди... — она ткнула в лицо рябой Тоське деревянную ложку, — это он, Санёк мой, делал... А писем от него, моего кормильца, всё нет и нет!

И уже совсем не за горами тот роковой час, когда Евдокия и Тоська, по заданию партизан работая на фрицев, подорвут

склад с немецкими боеприпасами. Тоська останется чудом жива. После войны она вырастит и воспитает пятерых детей-сирот Евдокии, муж которой до сих пор числится без вести пропавшим.

Да... нет писем. Нет песни. Нет новенькой ложки. Нет в доме крепкой руки. И все солдатки что-то вспоминают и вспоминают... Каждая — про самого любимого, про самого хорошего, про своего. И у каждой при себе приветное, ласковое словцо о нём, самом желанном на свете. Да, у каждой...

Статная, дюжая и яркая Любка, доселе молча слушавшая подруг, вдруг вся скукожилась, зажмурилась, уронила голову на руки и тоскливо протянула:

— А мой... мой!!!

И заревела в голос.

Заплакали, захлюпали, засопели, заворочались за столом бабоньки. Как же быть на белом свете, ведь без хозяина и дом сирота?!

Тётя Галя рассказывала, а я находилась в октябре того самого сорок первого года, сидела рядом за бригадным столом, у речки Понура с тётей Галей, со всеми дорогими теперь моему сердцу станичницами-солдатками, оставшимися один на один с войной. Тогда они ещё слабо надеялись, что беда обойдёт сторонешкой их Малый Кут.

Словно наяву виделось мерцание глаз солдаток, кипение слёз. Вслушивалась в берущий за сердце кубанский говорок и... совестилась, что в суеде будней и праздников мы забываем жертвенный подвиг наших матерей, бабушек, прабабушек, всех безымянных женщин страшной войны. Не по-человечески это. Ведь пропадём в своём беспамятстве...

Домой возвращалась с полным багажником ядрёных яблок, груш, слив, собранных и сноровисто уложенных тётей Галей. Тут же, на крепкой длинной верёвке, прихваченной к двери вросшей в землю сараюшки, крутилась посматривающая на сборы, мемекающая проказница Верка.

— Ну, с Богом, в добрый путь, дочка! — сказала, как поставила в прощании точку тётя Галя. — Надумаешь — приезжай погостевать, пока меня земля носит. Гладкий путь тебе... — Она хотела ещё что-то сказать, но вдруг озоботилась: — Ой, мне ещё к бабе Авдотье надо! Подсобить обещала по хозяйству. Ну, Бог с тобой... — Она размашисто перекрестила меня.

Троекратно расцеловались. Тётя Галя поправила белую косынку, прикрикнула на гавкучего весело помахивающего кудлатым хвостом Маяка. Я пробормотала, дескать, всё бу-

дет хорошо, и юркнула в машину. На прощание посигналила и медленно отъехала от белёной хатки с грушевым садиком. Маяк бросился сопровождать, бежал впереди. Заливисто лая, извещал улицу о моём отъезде.

Тётя Галя продолжала стоять у калитки около шербатого пенька, оставшегося от яблоньки, когда-то посаженной перед самой войной мужем, и смотрела мне вслед.

Я сворачивала со станичной улицы на шоссе...

МАЭСТРО

В последнее время меня всё чаще навешают воспоминания детства. Бывает достаточно случайно услышанного слова... Пойманный на слух звук тут же заставляет работать память, воскрешает чей-то давно забытый образ.

О прошлом напоминают запахи, схожесть людей с теми, которых уже нет. А ещё музыка...

...Тогда я училась в первом классе. Папа уехал в длительную командировку в Ленинград. К маме тут же прискакала подружка тётя Зоя, жена военного, которую не весьма жаловал в нашем доме папа.

По тем временам, тётя Зоя слыла большой модницей. Я с восхищением рассматривала чёрную котиковую шубку, шапочку со свисающими сзади кокетливыми котиковыми хвостиками. Мечтала, когда вырасту, то у меня обязательно будет такая шубка и шапочка!

На высоченных каблуках, в капроновых серых чулках с ровным швом, подчёркивающим стройность ног, тётя Зоя парила по комнате, благоухая рижскими духами «Ландыш серебристый», и энергично агитировала маму взять на квартиру семью «выдающегося музыканта».

— У тебя огромный дом! Дочери занимаются музыкой... девочкам пора распахнуть окно в большой мир искусства! Да, да... Они должны знать, что помимо гамм и сольфеджио... — Тётя Зоя нервно застучала длинными костлявыми пальцами по столу, пытаясь изобразить игру на рояле.

— Ведь он, — мечтательно проговорила она, — он... Николай Петрович, он... Да как ты не понимаешь, он гений! — с возмущением увещевала она маму. — О нём скоро заговорят как о непревзойдённом музыканте и композиторе и даже одно общение с таким человеком, беседы о великих музыкантах, музыке... — К высокому потолку тётя Зоя картинно вскинула руки и, как мне показалось, воспарила к облакам. С облаков вернулась удивлённая, что вместе с ней там не побывала

мама. Нервно поправляя замысловатую причёску, скривила губы.

— Не пойму... — она пожала плечами, — ты на самом деле не понимаешь, что я тебе предлагаю?!

— Зоя, но это же семья... где они будут жить, и потом... — совсем растерялась от такого напора зеленоокая мама.

— Сдай им любую комнату! Что за проблемы? Лови миг удачи сейчас! Ведь этого музыканта я могу поселить где угодно и, заметь, Николая Петровича примут повсюду, с распротёртыми объятиями! — Тётя Зоя, словно чётки, принялась перебирать на груди нитку янтарных бус. — Так я ж нет! Прибежала к тебе, потому понимаю, как твоим девочкам необходимо общение с таким музыкантом! Чтоб ты знала, он... он... — захлёбывалась от переполнявших её чувств тётя Зоя, и аж взвизгнула! — Он, если хочешь знать, — ходячая консерватория! Вот кто он! Его нельзя упустить! Ты мне веришь?!

Тётя Зоя шумно поднялась со стула. Не удостоив никого взглядом, гордо направилась к двери, оставляя следы-вмятинки на недавно натёртом паркете.

Уже потом я поняла, что именно магическое слово — «консерватория» подействовало на маму.

В цокольном помещении нашего дома была большая хорошо отапливаемая комната с двумя окнами. Вот туда, с многочисленными извинениями перед музыкантом и решительным отказом от квартплаты, мама решила в отсутствии папы поселить великого музыканта с семьёй. Всему этому ярой супротивницей стала моя нянька Ксения Никифоровна.

— Ещё нам этого балагана не хватало! Из приличного дома ночлежку решили устроить! И всё эта Зойка-шельмовка, нечистая её к нам так и носит, так и носит... — Нянька крестилась, возмущалась и грозилась обо всём донести хозяину, то есть папе.

А я с нетерпением ждала квартирантов...

Открылась калитка, я прильнула к окошку. Жадно впились глазами в небольшого роста, ничем не привлекательно толстячка. Правда, шествовал он величаво, вызываясь высоко нёс голову в чёрном берете, а в правой руке скрипичный футляр.

За левую руку держался маленький мальчик лет трёх и робко оглядывался по сторонам. Сзади, под грузом двух больших ободранных чемоданов, каких-то узелков и сумок, мелко перебирая ногами, за мужем спешила невысокого роста курносая женщина, одетая не по сезону в яркие одежды. Изпод розовой шапочки «минигитки» (были такие в моде), выбивалась прядь рыжих волос.

Долго находиться в своей комнате я не могла и выбежала навстречу квартирантам.

— Здравствуйте, барышня, здравствуйте... как вас величать? — Музыкант степенно с осторожностью поставил на пол инструмент и представился: — Зови меня дядя Коля... можешь называть и просто маэстро, я тебе разрешаю и приглашаю на свой концерт.

... Ни жива, ни мертва, с потными от волнения ладошками, я сидела в первом ряду концертного зала, ожидая выхода нашего квартиранта. И вот, наконец, сутулый, лохматый, в манишке, прикрытой изрядно поношенным фраком, на сцену вышел дядя Коля и подошёл к рампе. Значительно и даже высокомерно, пока не наступила тишина, смотрел поверх зрительного зала.

Неторопливо из нагрудного кармашка достал белый платок, положил на подбородник скрипки и закрыл глаза. В таком состоянии пребывал не менее минуты. Зал замер, не было слышно даже дыхания. Дядя Коля плавно поднял руку со смычком, и в воздухе пронёсся тихий, печальный звук. Постепенно звук нарастал, достиг пронзительного свиста, начал стихать и почти угас.

Это было вступление к «Южной рапсодии» — единственное произведение, с которым всегда выступал дядя Коля в концертах.

Я не понимала, какую картину должна создавать в воображении слушателя «Южная рапсодия». Но маэстро объяснил мне, «зелёной», что, слушая его музыку, люди должны представлять необъятное море, заходящее пурпурно-огненное солнце, горы, покрытые цветущими деревьями и палящий зной наступающего вечера, сулящий радости прохладной ночи.

Когда дядя Коля говорил о «радостях прохладной ночи», он подмигивал. Я хотела научиться так же, но у меня не получалось. А «радости прохладной ночи» понимала по-своему. Для меня это был отдых после жаркого дня и чтение на ночь любимых сказок.

Неоднократно слушая «Южную рапсодию», пыталась представить картину, описанную маэстро. Крепко зажмурила глаза, но в моём воображении ничего рассказанного дядей Колей не вырисовывалось. Видимо, ничего не вырисовывалось не только у меня...

Чем дальше играл дядя Коля свою рапсодию, тем явственнее слышалось перешёптыванье, скрипели стулья, раздавался кашель, и я поняла, что слушателям неинтересно и скучно. Но дядя Коля, казалось, ничего этого не замечал. Он про-

должал водить смычком, исторгая из скрипки протяжные, дрожашие звуки. С каждой минутой мне становилось всё больше и больше жаль дядю Колю.

До того, как я познакомилась с дядей Колей, жизнь артистов представлялась мне сказочной. Думалось, живут они в прекрасном волшебном саду, всегда нарядно одеты и по уши сыты. Когда узнала поближе наших квартирантов, поняла, жизнь не ко всем артистам бывает одинаково добра, есть у неё свои любимчики, есть и пасынки.

Судя по тому, как жил наш квартирант, было понятно — он не принадлежал к числу любимчиков. Но, несмотря ни на что, с каждым выходом на сцену всё величественнее становилась поступь дяди Коли, холоднее и надменнее взгляд. Почему он так вёл себя, я тогда не знала и не понимала, но, наверное, у него были на то свои причины. И дома он был так же высокомерен, особенно в те дни, когда нужда хозяйкой поселялась в его семье.

Как многие люди искусства, дядя Коля верил в приметы. Так... нельзя было класть скрипку на стол — не будет денег, а их никогда и не было. Детскую шапочку или шляпку-«минингитку» жены, свой берет — тоже ни в коем случае не разрешалось класть на стол, и не потому что это неприлично, как учила нас с сестрой мама, а опять-таки — не будет денег.

Были и ещё приметы, которые он соблюдал свято, но деньги, как правило, в семье не появлялись. И когда по дому распространился щекочущий нос запах жареных котлет, дядя Коля поднимался в столовую и высокомерно спрашивал няньку:

— Чем это пахнет, милейшая?

— Котлетами, чем же ещё... — недовольно отбуркивалась Ксения Никифоровна. Она твёрдо держалась своего мнения о квартирантах, о чём при каждом удобном случае выговаривала маме.

Дядя Коля медленно подходил к плите, приподнимал крышку чугунной сковороды-кудесницы, в которой томились в собственном аромате котлеты, и, наклонившись, вдыхал манящий запах.

— Ты ещё у кошки под хвостом поди, понюхай! — отбирала у него крышку недовольная нянька, и оттирала от плиты локтём.

Однако дядя Коля заходил с другой стороны. Он как бы не слышал обидных слов и продолжал ворковать.

— А вы, однако, прекрасно умеете готовить, мадам! Прямо-таки скажу, вы в этом деле великая мастерица! М-да... — И он пытливо заглядывал через нянькино плечо в блестящую кастрюлю с кипящим бульоном.

— Было б из чего, а сготовит каждый! — не очень любезно отвечала Ксения Никифоровна. В понимании моей няньки, мужчина должен быть работник и добытчик. Она терпеть не могла дядю Колю за безделье.

По утрам, когда мама уходила на работу, а мы с сестрой убежали в школу, в цокольной комнате квартирантов стояла тишь и благодать, как говорила нянька — «сонное царство». Работал дядя Коля по вечерам и то не всегда. Вот этого никак не хотела воспринимать крестьянская нянькина натура.

— А не ответите ли, любезнейшая, — продолжал разными путями добиваться своего маэстро, — неужели можно что-то дельное приготовить из кошкиного хвоста, как вы сейчас изволили выразиться? — опереточно обхаживал няньку голодный квартирант.

— Можно! — зло гаркала Ксения Никифоровна и нарочито громко гремела кухонной посудой. — В блокадном Ленинграде и не то люди жрали!

— О-о-о... Конечно, конечно... да, да... Это подвиг людей, это я вам скажу..

— На!.. — Ксенька шлёпала на тарелку бронзовую от жира котлету, — только изыди от меня, работать мешаешь! — И она деловито опускала в кастрюлю нарезанную кубиками картошку.

Дядя Коля аккуратно, словно смычок, брал вилку, пронзал хрустящую корочку котлеты и жадно ел. Облизывая губы, величественно удалялся из кухни.

— Фанфарон чёртов! — возмущалась нянька. — Нет, чтобы дитю снести, сам сожрал! Разве это мужик? О-хо-хо... — Нянька долго и печально качала головой и вздыхала.

На блюдечко клала котлету, хлеб, и велела мне нести еду Ромео, так звали сына дяди Коли.

— А вот это, дорогуша, совершенно напрасно... — осуждающе говорил дядя Коля, возвращая пустое блюдце Ксении Никифоровне, — или вы полагаете, у нас есть нечего?

Но у наших квартирантов бывали и весёлые дни, это когда дядя Коля приходил нагруженный множеством пакетов, и уже через полчаса стол ломился от яств. Вокругении фруктов по центру высилась бутылка шампанского, на тарелках пирожные, ветчина, красная рыба и в комнате квартирантов начинался пир. Слышались весёлые голоса, громкий самоуверенный смех маэстро, звонкий — жены Нины Иосифовны, приятной, но удивительно неряшливой женщины, тоненькое ликование Ромео.

Случалось, на такие пиршества дядя Коля приглашал и меня. Делал он это, чтобы я увидела, как они хорошо живут, и рассказала об этом домашним.

— Дайте девочке пирожное и яблоко... — раскатистым басом велел он жене. Нина Иосифовна послушно угощала меня пирожным и яблоком, после чего обо мне забывали.

Помню, дядя Коля часто говорил, что рано или поздно он добьётся заслуженной славы, ибо нашёл единственно правильный ход, как достичь успеха и что для этого «надо бить в одну точку».

— Ничего, ничего... «Южную рапсодию» я отработаю так, что ни один скрипач в мире не сможет сыграть лучше, чем я, её автор! — говорил с пафосом дядя Коля, отпивая по маленькому глоточку из рюмки, — и тогда... тогда признание само найдёт меня! Что мы тогда будем делать?.. — Он удивлённо круглил глаза и весело глядел на жену и сына.

— Мы поедem в Сочи! На Чёрное море! — весело кричали Нина Иосифовна и Ромео.

— Правильно! Поедем... Но этого, чёрт возьми, мало! — Словно кастаньетами, дядя Коля звонко щёлкал пальцами. — Мы поедem в Италию, на родину гениального Паганини! Кстати, я обнаружил с ним некоторое сходство, и не только в имени, но и во внешности. Не так ли? — Нина Иосифовна, Ромео и я в знак согласия кивали головами.

Из потёртого чемодана торжественно извлекался довольно большой в овальной раме портрет Никколо Паганини.

— Ну!.. Смотрите!!

— Да, да! — восторженно отвечала Нина Иосифовна. — Вы очень похожи!

— Конечно, папочка!.. — вторил матери счастливый Ромео и дёргал давно не стриженной головкой.

Я тоже вступала в игру, благодаря чему познакомилась с великим и загадочным итальянским скрипачом Никколо Паганини.

С трепетом брала в руки замусоленную репродукцию и внимательно рассматривала. К огромному сожалению, совсем не находила никакого сходства итальянца с дядей Колей. Маэстро же в запале нахлынувших мыслей обратился к жене:

— Ты знаешь, дорогая, что я придумал? О! Это гениально! Ко мне будет совсем другое отношение публики, когда на сцене появится... эта девочка! — Он ткнул в меня пальцем и бесцеремонно отобрал портрет Паганини. — Понимаешь, Нина, это будет со-лид-но... — рассуждал он. — Представь, она несёт скрипку, — он опять ткнул в меня пальцем, встал и показывал, как я буду нести скрипку, — я же, — он ткнул в грудь себя, — достойно шествую за ней... Это, Ниночка, скажу тебе, весьма и весьма эффектно... да, да... эф-фект-ный Моцартовский пассаж! Это будет здорово работать на пуб-

лику! — Он щипнул Ромео за нос. Мальчик, приоткрыв рот, чёрными блестящими глазками-маслинками внимательно наблюдал за отцом. — Дайте, в конце концов, ещё яблоко моей девочке, которая, как агнец, будет нести мою скрипку!

Обо мне вспоминали, давали яблоко, я ела и искренне радовалась тому случаю, что привёл меня впервые на сцену вместе с маэстро. А случилось это так...

Однажды днём дядя Коля остановил меня на ступеньках высокого крыльца, внимательно оглядел.

— Значит, так... — Он задумчиво покрутил головой. — Сегодня я возьму тебя в концерт и не просто так... Ты будешь участницей моего выступления на сцене. Одень самое красивое платье... а с твоей мамой я сейчас поговорю.

— Видите ли... — убедительно говорил он маме, — прежде чем когда-то ваша дочь выйдет на сцену... сцену надо знать... знать с самого детства... осязать, любить, как любили и знали сцену Моцарт, Паганини... — Маэстро сделал выразительную паузу. — А то что же получается? Посудите сами... — Дядя Коля театрально развёл руками. — Человек, видите ли, занимается по семь часов в сутки, годами готовится к концерту, а выходит на сцену и от волнения так теряется, что и половину желаемого не доносит до слушателя! И что в результате? Фиаско, мадам, фи-ас-ко... Обидно? Да! Если хотите знать, скажу откровенно, это... трагедия! — Мама согласно кивала головой. — А я хочу помочь вашей девочке с младых ноготочков знать сцену, регулярно видеть полный зал восторженных лиц и относиться к этому не с испугом, а с творческим трепетом. Вот так! Вы благодарить меня должны...

— Да что ж ты, мать родная-то, позволяешь с дитя лакейку каку делать, а? — не выдерживала и влетала в комнату подслушивающая за дверью нянька. — Вот погодите, погодите... — грозилась она, — приедет хозяин, всё расскажу! Всё, всё... чем вы тут без него занимались! Это ж надо додуматься, а? — Нянька в ужасе хваталась за голову, покрытую по-деревенски платочком, крестилась, — дитё с благородного дому за этим фигляром хутляр его тягать будет! Ещё чего не хватало! Тьфу!.. — Она в сердцах сплёвывала в сторону, тьфукала, — позор, да и только! Срамотища...

— Ксеничка! Род-нень-кая... — бросалась я на шею няньке, — это надо для моего будущего, ты же хочешь, чтобы я была знаменитой пианисткой? Хочешь? Ну, скажи, ведь хочешь?.. — заглядывала я в светлые глаза няньки. — А для этого я должна привыкать к сцене, зрителям, понимаешь?

— Нет! Не понимаю я эти фигли-мигли! Приедет отец, он тебе покажет, как по сценам бродить, ишь ты... чи ни артистка с пого-

релого тьянтера! Ты что, нищая какая? От людей стыдно. Всё про тебя расскажу отцу, как хотите, расскажу! Ничего не утаю...

Но пришедшая вечером тётя Зоя окончательно решила мою судьбу.

— Что ты слушаешь эту старую деревенскую каргу, она своё давно отжила! А ты — женщина современная, у тебя растут дети, и если хочешь, чтобы они были в искусстве, слушайся Николая Петровича! Только его! — эмоционально, громко, на уровне срыва, говорила тётя Зоя.

— Ведь твоя прекрасная дочечка, которую я люблю и хочу ей только добра, она, как ангелок, вся в бантиках, выпорхнет со скрипкой будущего великого маэстро на сцену, а за ней будет шествовать сам он, Николай Петрович! А потом она, твоя дочь, кланяясь во все стороны (мне совсем не понравилось, как тётя Зоя, словно коза, бодаясь, начинала кланяться), изящно подаёт Николаю Петровичу инструмент, о-о-о-о! Это будет восхитительно!..

Голос тёти Зои дрожал, глаза наполнялись влагой.

— Это же, моя дорогая, так почётно! Скажу по секрету, сама об этом мечтала, да и сейчас посчитала бы за великое счастье, но, увы... увы, возраст, дорогая, возраст... А тут нужна чистая, словно с небес, девочка! Уверяю, когда твоя дочь вырастет — о ней напишут, что она с детства была в дружбе с гением! А Николай Петрович гений... гений, без сомнения... — Тётя Зоя достала надушенный платочек, аккуратно промокнула вспотевшее от волнения лицо, а в комнате не по сезону запахло рижскими ландышами.

Одеться во всё лучшее мне было в большую охотку и радость. В шёлковом голубом платье, белых чулочках и ещё ни разу не одетых белых лаковых туфельках, которые слегка жали, долго крутилась перед зеркалом. В косы мама вплела огромные банты, и тётя Зоя щедро взбрызнула духами. В таком виде я и предстала на строгий суд маэстро.

— Ну что ж, для первого раза сойдёт... — в раздумье сказал он, придиричиво оглядывая меня, — но когда-нибудь я одену тебя как принцессу!

Обижаться было некогда, надо репетировать выход на сцену, отработать поклон зрительному залу и, самое главное, — подношение скрипки маэстро. Как хотел дядя Коля, у меня не получалось, он нервничал.

— Запомни... — Дядя Коля поднимал вверх указательный палец. Словно гипнотизируя, смотрел в мои перепуганные глаза и, внушая, медленно произносил каждое слово: — Именно от того, как ты подашь инструмент, будет зависеть мой успех! Тебе понятно?..

Господи! От такой ответственности голова шла кругом! Это же надо?! От меня будет зависеть успех дяди Коли! Все мысли были только о том, чтобы не ударить в грязь лицом перед маэстро. «Только бы не споткнуться... правильно поклониться... уходя со сцены, держать ровно спину до кулис...» — эти и другие советы и замечания моего учителя я отлично помню до сих пор.

Несмотря на то, что денег у дяди Коли частенько не бывало, но в концерт и из концерта он возвращался на такси. Никогда не спрашивал водителя о цене, садился и называл адрес. Подъехав, интересовался:

— Сколько?

Платил ровно половину названной суммы. Из машины выходил величественно, даже если таксист вслед честил последними словами.

— О!.. Если бы этот козёл знал, кого вёз! — с искренним сожалением произносил дядя Коля. — Как мне его жаль!

— Маэстро не может ходить пешком на свои концерты! — веско воскликнул дядя Коля в тот памятный для меня вечер, когда состоялся наш первый совместный концерт.

Что происходило в тот вечер, было подобно чуду! Я сидела на стульчике за сценой и отлично видела всё, что делалось и на сцене и вокруг меня. Певицы в сверкающих декольтированных длинных платьях казались волшебными феями. Я была уверена, более красивых нет во всём мире!

А как же я ахала и охала, когда смотрела на жонглёров! Они запускали вверх сразу несколько тарелок, ловко и цепко ловили. Прикрывая рот руками, визжала от изумления, когда фокусник всё доставал и доставал из пустого чёрного цилиндра множество самых разнообразных цветных лент, а в конце вдруг выпустил пару белых голубей!

Но особенно понравилась маленькая балерина. Легко, почти не касаясь пола, она пробежала через всю сцену и, всплёскивая руками, долго кружилась и вдруг превратилась в белоснежного лебедя. Я понимала — лебедь страдал... отчаянно боролся, не хотел умирать, но смолкла музыка... и под лучом прожектора на середине сцены лежала большая смятая птица. От восторга и неведомой красоты я закрыла лицо ладошками и заплакала, а все стали громко хлопать.

Захлопала и я, как учил меня одноклассник Юрка Мезенцев, не прямыми ладошками, а чтобы было звонче, складывала руки лодочкой. Кто-то закричал «бис!», и я в порыве чувств тоже подхватила этот призыв. А балерина с сияющими огромными глазами подбежала к самому краю сцены, сделала реверанс и, потряхивая позади себя руками, как крылышками, скрылась.

После балерины объявили наш номер. Это был первый мой выход на сцену. Я не забыла ничего, чему обучал маэстро. Не спеша, но смело направилась к рампе. Тщательно выдрессированная дядей Колей походка была на уровне манекенщиц! «Выше, выше голову, вот так! но не так высоко, чтобы не видеть впереди себя сценическое пространство... его надо видеть! чтобы не упасть...» — твердила я слова дяди Коли.

А спина? Спина?... Как можно забыть о спине? Перед глазами маячил портрет Иды Рубинштейн Серова. На «репетициях», для наглядности, репродукцию этой худорбы дядя Коля вешал на стену. Казалось, в тот вечер я соперничала с несравненной Идой! А чего стоил реверанс для маэстро, когда, присев в книксене, я подавала ему скрипку? А поклонные публике? О-о-о... Как же я старалась!!!

Дядя Коля много раз предупреждал, чтобы я ни в коем случае от усердия не высунула язык, ибо, как говорил он — всему будет «хана». Тогда я ещё не знала значения этого слова, но смысл поняла.

А где улыбка, улыбка? Вот она... моя улыбка! Я улыбалась, как перед маминым трюмо, возле которого, как велел маэстро, повертелась не один час! И вдруг... а может, показалось? Да нет... я услышала аплодисменты. Вначале редкие, а потом мне заплодировал весь зал. «Кланяйся!», — сквозь зубы, не разжимая губ, прошептал дядя Коля. Грациозно придерживая двумя пальчиками с оттопыренными мизинчиками подол голубого платица, точно так, как это делали на многочисленных портретах дамы в альбомах русского и зарубежного искусства, я поклонилась.

Со сцены уходила под аплодисменты, продолжая улыбаться, как на «репетициях» учил дядя Коля. Улыбаться, даже если находишься уже спиной к залу, — всё равно улыбайся... улыбайся, пока не зайдёшь за кулисы, и я улыбалась... а спину держала, как звезда балета! Полагаю, я прошла хорошую школу сценического мастерства, которая, кстати, мне пригодилась.

Пунцовая от успеха, из-за кулис смотрела на дядю Колю. В новом фраке он стоял у рампы и холодно смотрел в зал. Маэстро ждал той минуты, когда наступила тишина, медленно вытащил из кармана платок, положил на край скрипки и прикрыл веки. В зале было так тихо, что я слышала, как звенело у меня в ушах. Смычок еле уловимо дрогнул, коснулся струны, и в воздухе пронёсся тихий, печальный звук. Постепенно звук нарастал до пронзительного свиста, затем начал стихать и угас...

Скрипка замолчала, а потом исторгла такой же пронзительный звук, затем тише, и уже совсем тихо умолкла. Звуки

были то резкие, то печальные, но удивительно однообразные и даже порой неприятные, как если бы тряпкой сильно водить по мокрому стеклу. И, пожалуй, дядя Коля ещё не доиграл и до половины своей «Южной рапсодии», как в зале начался шум, сморканье, кашель. Я поняла, музыка моего маэстро публике не нравится.

Возвращались молча и, конечно, на такси. Дядя Коля сидел рядом с водителем, как памятник — прямо и неподвижно.

— Ну, что ж ты молчишь? — неожиданно повернувшись ко мне, спросил он.

— А я не знаю, что надо говорить... — И это была искренняя правда ребёнка, придавленного впечатлениями от первого выхода на сцену и аплодисментов.

— Как тебе понравилось моё выступление?

Я вспомнила, как много и дружно хлопали балерине, певицам, другим артистам и почти совсем не хлопали дяде Коле. Промолчала.

— Я знаю, тебя смутили слабые аплодисменты. Но это ведь говорит только о том, что культурный уровень у нашего зрителя низок. Зритель ещё не дорос до настоящего понимания искусства. Ты меня поняла?

Я кивнула головой и продолжала молчать.

— Ты ещё маленькая и зелёная, — сказал дядя Коля, — ты ничего не понимаешь в музыке. — Мне стало обидно, на глаза выступили слёзы. Он это заметил и удивлённо произнёс: — Может, я ошибаюсь? Тогда, возможно, ты объяснишь мне разницу между балладой и ариозо или арпеджио и бельканто? Объясняй, объясняй! Я слушаю... — Это был тон профессора консерватории.

— Я не знаю...

— Бедная девочка! — сочувственно воскликнул дядя Коля, — ничего, это не беда. Я научу тебя понимать настоящую музыку! Скрипичному искусству больше тысячи лет, и знаешь ли ты, сколько за это время было скрипичных мастеров? Вот, видишь, не знаешь... А если разобраться, то не так уж и много их было, но они были: Корелли, Бенда, Гавинье! А непревзойдённый Паганини! Хочешь, я назову тебе и наших русских маэстро, пожалуйста, — Хандошкин, Рачинский, Афанасьев, Пушилов... И, вполне возможно, моё имя станет в ряду этих имён. И я знаю, что я должен для этого сделать... и непременно сделаю... Мне надо как можно виртуознее отработать «Южную рапсодию», только её, только рапсодию... и не разбрасываться на другие произведения, и я прославлюсь! Да, да... я буду очень знаменит, запомни это! Ты ещё

будешь с гордостью рассказывать всем, что именно у меня постигала азы искусства, а может ещё, моя девочка, напишешь об этом в своих мэ-му-арах?! — Подмигнув, он дружелюбно похлопал меня по плечу.

Поначалу мы с дядей Колей участвовали в концертах довольно часто, потом приглашать стали реже. Иногда по вечерам встречала дядю Колю деловито-мрачного, он куда-то спешил без скрипки.

Нередко в гости к няньке забредала Нина Иосифовна, не причёсанная, в старом цветном бухарском халате, просила денег на папиросы и скучно жаловалась:

— Николая не понимают... что делать? — разводила она руками в дешёвых браслетах. — Высокое искусство недоступно толпе! Мужу приходится терпеть чуть ли не унижения! — со слезой в голосе выговаривалась обиженная жена маэстро.

Няня молча поила Нину Иосифовну и Ромео чаем, кормила рулетом с изюмом и, когда они уходили, совала кусочек колбасы или сыру и приказывала:

— Слышь, Нинка, это дитёнку на утро! Шоб Ромка съел, а не твой трутень, проверю...

Приходила с работы мама, из школы прибежала сестра, мы садились ужинать. Нянька сетовала:

— Сердце кровью обливается, как они ребящёнка малого мучают, целными днями голодным шастает, истощал весь и такой тихохонький, не жалуется, а только песенки поёт, да такие печальные... аж душа заходится, глядя на этого Ромку! И что его дальше ждёт? Эх, беда, беда... — дожёвывая сдобный рулет, качала головой нянька.

— Ксения Никифоровна, не надо так говорить о Николае Петровиче, — мягко упрекала мама, явно жалея меня. — Искусство — это очень сложная и трудная профессия, в которой не всем удаётся должным образом устроиться, а Николай Петрович человек незаурядный!

— Ты что мне говоришь? Я жизнь прожила и на многое в ней нагляделась! Этому фанфаронишке работать надо настоящему, как всем мужикам, семью кормить, а не заниматься чёрт знает чем! Здоровый мужик, а пиликает на своей скрипюньке, словно собака на луну воёт, а в доме куска хлеба нет! Вон... помнишь, — обратилась она ко мне, — как в цирке заяц ловко на барабане играл?

Я молчала. Было жаль дядю Колю, но заступиться за него не могла.

Последний раз выступать дядю Колю пригласили в канун Нового года в Дом культуры. Вечер был костюмированный, многие были в масках. Мне было весело шнырять в празд-

ничной толпе, стоять за кулисами и смотреть, как ловко работают на сцене акробаты, как удивляет всех фокусник, как поют известные всему городу певцы. Когда концерт окончился, и уже все стали расходиться, поняла, что о нас забыли...

Подбежал взволнованный дядя Коля, велел ждать его у широкой колонны вестибюля и куда-то отлучился. Вернувшись, взял за руку и повёл в буфет.

— Садись, ешь... — сурово сказал он.

На столе лежали пирожные, яблоки, мандарины, конфеты. Я нерешительно потянулась за пирожным.

— Бери побольше, да ешь поскорее! Вот тебе футляр, жди меня на улице...

Я вышла. У выхода стоял администратор и внимательно посмотрел на меня. Я сказала:

— До свидания! — и поклонилась. Администратор ответил:

— До свидания, девочка!

На улице было пустынно, лишь у ворот стояла милиция, вдоль тротуара медленно проезжали машины. Из здания поспешно вышел дядя Коля со скрипкой под мышкой и тут же притормозил такси.

— Садись! — коротко скомандовал он и открыл дверцу.

Я вскочила на заднее сидение; колыхнув машину, сел дядя Коля, назвал адрес.

— Почему вы не положили скрипку в футляр? — спросила я, увидев лежащую на коленях дяди Коли завернутую в бумагу скрипку.

Он не ответил. Молча доехали до дома. Верный своей манере расплачиваться с таксистами вполтину цены, дядя Коля и тут поступил так же. Таксист стал браниться, но маэстро, не обращая внимания, с достоинством зашагал к калитке. Втянув голову в плечи, я бежала за дядей Колей.

Днём была оттепель, а к вечеру подморозило, выпал небольшой снежок, я поскользнулась и упала. От удара замки на футляре отскочили, и, как из рога изобилия, посыпались на тротуар мельхиоровые вилки, ложки, ножи, солонки, несколько яблок, мандарины и конфеты.

— У-у-у... — зарычал дядя Коля. Он хотел выругаться, но сдержался, — каракатица... — сквозь зубы прошипел он и зло глянул на меня, беспомощно лежащую на мостовой. Дядя Коля нагнул, не обращая на меня внимания, стал поспешно подбирать и складывать столовые приборы в футляр и внятно произнёс:

— Запомни... надеюсь, ты человек порядочный и никому об этом не скажешь ни слова... тем более, что это подарок...

понимаешь? По-да-рок! Мне это подарили! Да, да... подарили... Подарил директор, да...

Я глядела на оцарапанные ладошки и огромные кроваво-чёрные дыры на колёнках белоснежных чулочков и молча побрела к калитке.

Несколько дней дядя Коля настороженно наблюдал за мной, не проболталась ли я. Когда понял, я этого не сделаю, успокоился.

Потом как-то незаметно дядя Коля с семьёй съехал с квартиры, а на следующей неделе приехал папа.

На самом деле, о просьбе дяди Коли я никогда и никому не рассказывала. Вспоминать дядю Колю, конечно, вспоминала, а как же? Особенно, когда училась в консерватории. При выходе на сцену несла высоко голову, спину держала прямо и широко улыбалась, и, как когда-то велел дядя Коля, улыбку сохраняла до кулис, даже если концерт проходил неудачно.

Моя встреча с дядей Колей произошла, как в кино, совершенно неожиданно-негаданно, через много лет.

Отдыхая в Сочи, проходила мимо парка «Ривьера» и вдруг на шумном Курортном проспекте до моего слуха донеслись до боли знакомые далёкие звуки детства. Пошла на звуки и увидела сидящего на панели слепого скрипача.

Это был он, дядя Коля! Состарившийся, сутулый, плохо одетый. Он играл свою «Южную рапсодию».

— Дядя Коля! — взволнованно взглядываясь в пожилого мужчину, воскликнула я.

— Кто это? — Мужчина поднял голову, шаря по моему лицу незрячими глазами.

— Это я... помните, вы жили у нас на квартире и брали меня с собой на концерты и там... там я подносила вам скрипку... неужели не помните?

— Ах, это ты, моя девочка? — Слепые глаза уставились на меня. — Неужели это ты, моя красавица? Как же не помнить? И очень даже хорошо помню...

— Да, да, это я...

Вокруг толпился народ. Привычным движением дядя Коля положил скрипку в знакомый мне с детства футляр, теперь уже совсем обтрепавшийся, в заплатках и нелепых рекламных наклейках, который я когда-то так неловко уронила.

Шаркая подошвами растоптанных ботинок, дядя Коля шёл рядом, а я, бережно поддерживая его под руку, была до глубины души потрясена такой неожиданной встречей и нахлынувшими воспоминаниями... Воспоминаниями о той да-

лёкой жизни, когда мы жили в большом щедром доме, когда были живы мама, папа, сестра, рядом была моя замечательная нянька, Ксения Никифоровна, когда ещё было счастливое детство, одним из ярких листочков которого были и наши концерты с дядей Колей.

В ностальгическом порыве, желая хоть чем-нибудь помочь несчастному старику, достала из сумочки деньги и, боясь обидеть, сунула в карман обшарпанного пиджака.

— Спасибо, мой друг, спасибо... — поспешно ответил он и опустил руку в карман грязного пиджака.

Мы остановились у края мостовой. По проспекту шныряли машины, маршрутки, огромные двухъярусные туристские автобусы.

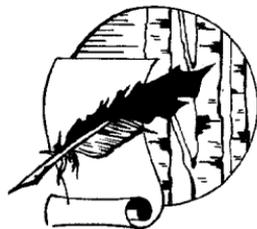
— Вам куда? — спросила я и почувствовала, дядя Коля торопится и не хочет дальнейшего общения.

— Мне на ту сторону... я живу на Бытхе.

— Давайте, помогу вам перейти дорогу, — я с готовностью протянула руку.

— Зачем? — быстро спросил дядя Коля, и на меня неожиданно уставились несмешливые выцветшие глаза. — Зачем, мой друг? Это лишнее... Я прекрасно всё вижу! Но, запомни, детка, слепому-то подают больше!

Сжимая под мышкой футляр, маэстро уверенно пошёл наперерез автомобильному потоку и вскоре затерялся среди пешеходов на другой стороне шумного проспекта.

Евгений ЮШИН

К 60-летию поэта

Конец XX и начало XXI века для меня знаменательны тем, что в этот период по каким-то таинственным законам выросла целая плеяда замечательных поэтов моего поколения. Это Николай Зиновьев из Кореновска Краснодарского края, Евгений Семичев и Диана Кан из Новокуйбышевска Самарской области, Владимир Шемшученко из Санкт-Петербурга, Юрий Перминов из Омска. Каждый из перечисленных поэтов поразил по-своему. Всех их объединяет незаурядный талант, называемый в народе «искрой Божьей», и самобытность.

В этом ряду творчество Евгения Юшина для меня лично стоит особняком. Как начал я однажды читать книгу «За околицей рая», так и окунулся в дорогую моему сердцу стихию русской жизни, по большей части — в провинциальную. Всё в его стихах напоминало и мою малую родину, и мои переживания за неё, и мои мечты о ней.

Одной из особенностей поэзии Евгения Юшина является такая густая образность, а образы настолько ярки и зримы, что осмелюсь утверждать: такое редко встретишь ещё у кого-либо из поэтов. Приведу для примера две строфы стихотворения, в котором что ни строка, то зримый образ:

...Стали травы кудлаты и путаны, словно овчины.
И упруги, как юные груди, холмы облаков.
И набухли соски засидевшейся в девках рябины,
И хмелеют ветра от настоя лесных кабаков.

И тяжелые, чёрные грузди настырно, угрюмо
Прорывают покров под тяжёлым напором земли.
И в пыли тополиной негромкая древняя Тума
В бортовые машины сыпает тугие кули...

Зримо представляется приехавший после долгой разлуки с малой родиной поэт, замерший посреди деревенского велико-

лепия поры «бабьего лета» и увидевший внутренним зрением всё: от брусничников до настырно лезущих из земли груздей, от мешков с собранным картофелем до неподвижно стоящих в речном полумраке щук. И услышал поэт не только колокольные звоны, но и звоны берёз. Значит, душа его не оглохла от городской суеты и шума, от столичного многолюдья и многоголосья. Даже избитые многотысячным употреблением в стихах других поэтов образы покидающих родные пределы перелётных птиц и образы проплывающих под их крылом селений не оставляют впечатления вторичности. Дорого мне это стихотворение ещё и потому, что для меня нет лучше времени года, чем ранняя осень с её задумчивым спокойствием и разноцветьем, с её свежестью и последним, почти летним, теплом, с её переполненными кладовыми лесов и болот, с витающим в воздухе ожиданием скорой зимы. Если бы мне было знакомо лишь одно это стихотворение Е.Юшина, то и тогда я считал бы его большим русским поэтом.

В стихах Е.Юшина много воздуха, воли и чего-то ещё такого, без чего русский человек начинает хиреть. Если внимательно прочитать его сборник «Избяная заповедь», то невольно начинаешь не просто понимать, а почти физически ощущать, что это «что-то» есть гармония человека и природы. Веками ведь русский человек селился, как правило, возле рек и находился в окружении лесов и болот. И занимался он не только земледелием и скотоводством, но и ловил рыбу, собирал лесную и болотную ягоду, заготавливал на зиму грибы, выкраивая для этих долгожданных и приятных занятий время в качестве передышки от тяжёлого крестьянского труда. Природа кормила человека, благодарно отзываясь на его заботу о ней. И природные ритмы совпадали с внутренними ритмами человека. Поэтому, оторвавшись на годы от родной природы, сбившись в городской суете с ритмов, дарованных природой, но, сохранив кровную связь с родной землей, поэт и в песнях своих тоскует о гармонии, которую хранит его душа на генном уровне:

...Ох, как хочется плыть в корабле этом не кругосветном.
Мимо птичьих восторгов, холмов и понурых овец,
И уткнуться в стожок за деревней, за домом последним,
И услышать, как небо плывёт возле наших сердец!

И когда «от банки дымок посочитя, как вечер по саду, И на синем окошке вишнёвый затеплится сок», поэт почувствует душой и услышит, как «сады соберутся для тихой вечерней молитвы, И листва пролепечет свои золотые слова».

Стихам Е. Юшина свойственна и особая мелодичность, они просятся стать песнями. Неоднократно ловил себя на мысли, что, читая его книги, начинаю напевать про себя стихи на давно знакомые мелодии.

Примечательно его стихотворение «Разговор», оснащённое такой густой образной вязью, что кажется: между двумя образами и иголку не просунуть. Чего стоят только две строки: «Закат поёт. Он петухами вышит На ситцевых рубахах облаков!» Чего греха таить, многие привыкли относиться к деревенскому мужику как к простачку, к недалёкому человеку, да и сам деревенский быт привыкли считать примитивным. И разного рода «смехачи» для этого немало сделали, особенно в последние десятилетия. Им бы почитать книгу Василия Белова «Лад», но она, видимо, для них неинтересна или опасна уж тем, что опровергает сложившееся в их головах раз и навсегда мнение о деревенском быте и людях, создававших веками свою деревенскую культуру, свой русский мир. Евгений Юшин словами героя стихотворения опровергает снобизм «творцов» нынешней «культуры»:

— У нас не просто всё, не всё снаружи.
В любом селе — свой ветер, свой мороз.
И потому мне согревает душу
Вот этот хилый выводок берёз.

И далее:

— А только здесь-то и жива природа,
Жива душа для правды и обид.
Не всю любовь отняли у народа.
Живу я здесь, — Евгений говорит.

И в продолжение диалога с земляком, после его очередного утверждения: «Не всё так просто», поэт искренне заявляет: «Но как желанно».

Вот так просто, казалось бы, двое русских мужиков, живущих совершенно разной жизнью, разными заботами, находят общее и дорогое в деревенском быте и окружающей природе, понимая и принимая их всем сердцем.

И уже в другом стихотворении, анализируя свой жизненный путь, поэт утверждает: «Я не похож на неудачника, Хоть не нажил золотых камней. Мне гладит щёку мать-и-мачеха Ладонью нежною своей». А потом и признаётся: «Я знаю рай...» И я верю поэту, и понимаю, что раем он воспринимает, скорей, природу, позволяющую обрести на какое-то время внутреннюю гармо-

нию. Открываю в очередной раз книгу «Избяная заповедь» и сразу же нахожу полное подтверждение моих догадок: «Исцели меня, родное поле. До слезы мне ветер душу жмёт — Словно я чужою ношей болен, Словно сердце правдой не живёт...». И далее: «...Вот он, рай: равнина да берёза, В перстнях рос туманная трава. Шуки плещут у речных откосов, И скрипит над бором синева...»

Ах, какой образ нашёл поэт: «В перстнях рос туманная трава»! И этот земной образ соединён незримой паутинкой печали с пролетающими журавлями, а значит, и с небом. Гармонию-то поэт и находит в соединении земного и небесного. И стихи его гармоничны, что не так уж часто встретишь в творениях современных авторов, увлекающихся чисто формальной стороной стиха.

Евгений Юшин тонко чувствует состояние природы и соотносит его с состоянием своей души, позволяет природе перелить в неё излишки накопленных благ, пополняя силы. И образы поэт находит яркие, не затёртые от частого употребления: «Рыжею шерстью сосновых иголок Штопает август дорогу и дом».

Поэт любит и помнит своих земляков, они для него родные люди. В них поэту дорого всё:

Здесь люди красивы, как вольного неба размах,
Но взоры неспешны: душа не откроется сразу.
И девушки царственно носят озёра в глазах,
А парни задумчивы, как мускулистые вязы.

И снова идут зримые, свежие образы, да какие!

Туманы буксуют на волнах коричневой Пры.
Лещи из густых омутов зеркала поднимают.

Или:

И спелое яблоко глухо в траву упадёт,
И старый баян замолчит, пожимая плечами.

Такие стихи очищают душу, наполняют её каким-то ностальгическим светом, напоминая нам о бренности нашей жизни и вечности природы.

Стихи о поэзии писали многие, да и нынче таких стихов пишется немало. Не скрою, и я немало строк посвятил размышлениям о ней и о себе в поэзии. А кто не помнит ныне хрестоматийные строки Н.Рубцова:

Прославит нас или унизит,
Но всё равно возьмёт своё!
И не она от нас зависит,
А мы зависим от неё...

Евгений Юшин о своих стихах написал искренне и своеобразно:

Любви — молились,
Ненависть — глушили,
Давили хворь, изничтожали страх;
Они со мною вместе жизнь прожили
Где — неторопко, где-то впопыхах.

Прищуривались хитро, бушевали,
Рубаху — в отмашь — рвали на груди.
Любили, сомневались и страдали,
И тихо засыпали на груди...

Поэт, протащив свою душу сквозь горнило русской классической поэзии от А.С. Пушкина до А.А. Блока, остался, как мне кажется, в своей поэзии верным продолжателем традиций Сергея Есенина и Николая Рубцова. Интонации, образные ряды его поэзии, многостопная строка, соразмерная широкой натуре автора, стремящейся к воле, тому яркое подтверждение. Свидетельствует об этом и стихотворение «Запрягите розвальни мохноногим, рыжим», в котором «Русскому привольно мчаться человеку, Толстые сугробы жарить по задам!», и стихотворение «Снилась мне дорога — люлькой журавлиной», и стихотворение «Какие вихри пляшут над державой», где поэт признается: «Себя я ощущаю беспризорным В своей — чужой — испуганной стране» (У Есенина: «В своей стране я словно иностранец»). И С.Есенину, и Е.Юшину выпала доля жить в окайненные дни ломки всей государственной машины, когда «иных времен татары и монголы» вздыбили Русь и поставили её на грань уничтожения, что после Октября 1917 года, что во времена перестройки. И вовсе не случайными видятся в книге такие строки поэта:

В который раз сиротски взывала степь,
И ясноокий взгляд её затмился.
Где ратаи твои?
Один — ослеп,
Другой — убит,
А тот, кто выжил, — спился.

И завершается стихотворение признанием, под которым многие могли бы подписаться:

Уж больно так, что я не чую боли
И только слышу: стонут провода.

А если вдуматься, то стонет душа поэта. Такие стихи — уже делание русского дела. Их прочтут и задумаются люди, не равнодушные к судьбе России.

Поэзия Евгения Юшина современна. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть его стихотворения «XXI век, перезагрузка» или «Неужто и вправду России не будет?», эпиграфом к которому стали скупые факты статистики: «За последние 20 лет население России уменьшилось на 20 000 000 человек».

Сила поэзии Е. Юшина и её народность (под народностью я понимаю близость её простому народу) и в том, что в его стихах то и дело обживаются простые люди: то «Бабка в углу прошаркала, Скинула ватник с плеч», то «Подмигнёт, прищурившись, старик, Рыжий ус цепляя самокруткой», то «Рыжая с обветренным лицом, Озорная тындинская краля», а то «Идёт мужик, грешно и сладко На всю деревню матерясь», то гармонист дядя Лёша на вопрос поэта: «Как живёшь ты теперь, Старый леший окрестностей Вожи?» «Хорошо я живу, — отвечает, — Подай-ка гармонь!» И любовно сказанное «старый леший» мне говорит больше, чем иная карамельная патока, льющаяся из-под перьев поэтов либерального толка.

Откроешь любую книгу Евгения Юшина почти на любой странице и поймёшь, что он — жизнелюб. Он и нас призывает: «Надо жить и радоваться жизни, Наслаждаться каждым новым днём, Потому что никому не вызнать, Сколько мы на свете проживём». Но и о бренности бытия поэт не забывает: «Лежу на стогу песнопенном, Гадаю звезде по лучу. С каким сквозняком по вселенной Однажды и я улечу?..» И в конце того же стихотворения, далеко не самого жизнерадостного, он всё же отдаёт предпочтение жизни: «...У вечности — тёмные очи, У жизни они — голубы».

Вот на этой оптимистической ноте я и заканчиваю свои размышления о прекрасном русском поэте Евгении Юшине, а подборка его стихотворений, надеюсь, станет самым лучшим подтверждением моих субъективных оценок.

Виталий СЕРКОВ

О ЛЮБВИ СКАЗАТЬ ЕЩЁ ЖЕЛАЮ

ИЮНЬ

Какой поэт тебя придумал?!
Каким ты вырвался огнём?!
Май полыхнул, пропел — и умер,
И скачут зори день за днём.

Срывает шапку одуванчик,
Дорога прячется в пыли,
И колокольчик в свой стаканчик
Мёд поднимает из земли.

И всё гудит: поля пшеницы,
И в жилах кровь, и дальний гром.
И шмель велюровый кружится
Над полыхающим цветком.

Ныряют на верёвке майки.
Пелёнки детские свежи.
По-женски вскрикивают чайки,
Стрижи черкают чертежи.

И, разомлев под небесами,
Склоняются на водопой
Коровы с волглыми глазами
И кони с бархатной губой.

Я здесь родился: в этих травах,
В счастливом щебете лесном,
В искристых волнах-переправах —
Лучом на листике резном.

Здесь вечерами свет старинный
Зари тягучей, словно мёд.
В мохнатой шубе комариной
Июнь по берегу идёт.

Его мы ждали с новостями
От земляничных бугорков.
С туманом, с полными горстями
Росы в ладонях лопухов.

И он пришёл! Ликуют птахи!
Густы и пенны острова,
И реки синие рубахи
С утра вдевают в рукава.

Пасут мальков Ока и Кама.
Хрустят кабаньи камыши.
О дорогой и близкой самой
Малинник шепчется в тиши.

Звезда сорвалась, словно кречет,
И на стожок туман прилёт.
И сердце бьётся и трепещет,
Как подфонарный мотылёк.

И ты горячая, родная,
У костерка, где сон и тишь,
Зарёй колени поливая,
Меня, конечно, соблазнишь.

И долго будет вечер жгучий
Ночною заметать золой
Певучий луг и сад кипучий
Под самоварную луной.

НА ДОНУ

Пахнет степь простором Дона,
Той травой из-под подков,
Что взошла на пепле дома,
На густой крови веков.

Грозы пушки заряжают,
Пыль за конницей гудит.
Бабы мальчиков рожают,
А за ними смерть глядит.

Пахнет степь костром кипучим,
Конским потом, чабрецом.
Только тучи, только тучи
Пролетают над лицом.

Любо, братцы, право, любо
Слышать ветер за спиной!
Горячи казачки губы —
Жарче пули огневой!

А когда зимой поутру
Вьюгой скошены пути,
Я нырну в густые кудри —
Степью пахнут — не уйти.

Словно стрелы печенег,
Словно сабли Ермака,
Травы рвутся из-под снега —
Прорывают облака.

МОИ САНКЦИИ ЗАПАДУ

Свобода пошлости и трёпа
То розова, то голуба.
Прощай, продажная Европа —
Американская раба.

Прощай, хоть сколько можешь злиться.
Иудин предрешён исход:
Тебе осталось удавиться,
Ты предала и свой народ.

Прощай, нам путь иной известен,
Где нет ни злата, ни межи,
Где зреет поле хором песен
И взглядом васильков во ржи.

* * *

Двадцать первый век, перезагрузка.
Интернет и брат тебе, и друг.
Ну а мне роднее трясогузка
И туманом выбеленный луг.

Но уходят люди в дым экрана
И живут за призрачным «окном».
Иллюзорный мир всегда обманет,
Потому что Бога нету в нём.

Потому, намаявшись по веку,
Золотишком проторяя путь,
Либо вовсе сгинуть человеку,
Либо в сердце родину вернуть.

А у нас тут — синие озёра,
И на окнах — синие подзоры.

И на вишнях подсыхает пот.
Надо мною облака и ветки,
Подо мною и века, и предки.
И петух — букетом у ворот.

* * *

Оглянешься — полжизни пройдено,
Но светят детства маяки:
Тысячеглазая смородина
И ежевика у реки.

Я не похож на неудачника,
Хоть не нажил златых камней.
Мне гладит щёку мать-и-мачеха
Ладонью нежною своей.

И я люблю вас, подорожники,
И вас, холмы, и синий пруд.
Мне только страшно, что безбожники
И вас, как души, продадут.

И продают! Земля распорота.
Но не купить небесный свет.
Как ни гребь деньги и золото,
А у гробов карманов нет.

И за туманами, за деревцем
Густеет солнце над рекой:
То золотой икринкой светится,
То плещет рыбкой золотой.

* * *

О любви сказать ещё желаю,
О своей негаснущей любви
К снегом запорошенному краю,
К сёлам, почерневшим на крови.

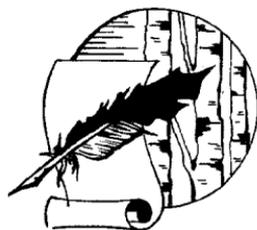
К этой вот истоптанной дороге,
К трепету весеннему реки,
Потому что на земле не многим
Светят изб родные огоньки.

Всхлипывает лодка у причала,
Яблоня касается руки.
Мне ночная птица прокричала,
Что дороги к детству далеки:

Через дымку сумрачных вокзалов,
Через кровь успехов и потерь,
Через холод ложных пьедесталов —
Ко всему, что дорого теперь.

Этот путь, быть может, в жизнь длиною.
Но за весь сердечный непокой,
Может быть, глаза рукой прикрою
И увижу маму молодой.

Редакция журнала «Молодая гвардия» сердечно поздравляет известного русского поэта Евгения Юшина с шестидесятилетием. Евгений Юрьевич проработал в «Молодой гвардии» многие годы, входил в руководство журнала, способствуя сплочению коллектива и привлечению в наше издание целой плеяды талантливых авторов. Мы искренне желаем юбиляру отменного здоровья и творческой неутомимости.

Виктория МОЖАЕВА

ЖИВЁМ НА КРАЕШКЕ ВОЙНЫ

* * *

Мой отец ушёл куда-то,
Многих слов не говоря.
И осталась только дата
На исходе октября.
Осолилась снежной солью
Чернота земных полей,
Опалилось тихой болью
Небо памяти моей,
Озарилось яркой вспышкой
Запредельного огня
И раскрылось тонкой книжкой
На ладонях у меня.

* * *

Я хожу по земле, как в гостях,
Словно дел никаких не имею.
Треплет ветер в прохладных горстях
Нежно-розовую ипомею.
Неожиданно осень пришла,
Желтизной засветилась кленовой,
И как будто черту провела
Между прожитой жизнью и новой.
И пытаюсь две жизни связать,
Я гуляю по нитке тропинки,
И кому-то хочу рассказать
Про ушибы свои и запинки.
Отразившись в разёме стекла,
Содрогнусь от нерадостной встречи...
Неожиданно осень пришла.
Обняла меня крепко за плечи.

* * *

Кружатся звёздочки в лунном луче,
Ангел уснул у меня на плече.
Маленький ангел, доверенный мне,
Крылышки тихо сложил на спине.
Я покачаю тебя, попою,
Я полетаю с тобою в раю.
Если поманят беда и тоска
Я им скажу: «Обождите пока!
Я родила шестерых сыновей,
Мне ли бояться гвоздей да кровей?»

* * *

На кухне огонёк мигнёт смущённо,
За окнами метели тяжкий вой.
А в доме так тепло и защищённо,
Как будто в рукавичке меховой.
Я в одеяло, мягкое, как кошка,
Укутаюсь сегодня посильней.
Мне снится сон: под соснами дорожка
И женщина, идущая по ней.
Она идёт так радостно и прямо,
Не обернётся, не посмотрит вспять.
И я хочу ей крикнуть: «Мама! Мама...»
Но сон мой обрывается опять.

* * *

Ничего не осталось во мне
От пропавшего в поле ребёнка...
Прикасаются пальцы к струне
И звучит она чутко и тонко.
Оборвались, как струны, пути,
И желанная даль затенилась...
Ничего не осталось почти
От того, что так долго хранилось.
И стараюсь поменьше смотреть
В зеркала, что меня потеряли,
И стараюсь потише гореть,
И при этом не думать: «Не зря ли?»
Только быть бы готовой обнять
В темноте, у ограды, на склоне,
Только быть бы готовой принять
Новый день, как дитя, на ладони.

* * *

Я надеюсь, что вам хорошо без меня
В том далёком-далёком, далёком любимом,
Где весёлые капельки бьются, звеня,
О балкон, занавешенный солнечным дымом.
Смоет зимнюю грусть снеговая вода,
Прилетят журавли на весну любоваться...
Это просто мой крест — уходить навсегда,
И, уйдя навсегда, навсегда оставаться.

* * *

Мы отпразднуем когда-то День Победы,
Выпьем водки и картошки напечём.
И давнишние и нынешние беды
Вдруг покажутся как будто нипочём.
Мы отпразднуем великий и родимый,
И в небесной беспредельной вышине
Улыбнётся молодой и неведимый
Дед мой, без вести пропавший на войне.
И ребята, что погибли на Донбассе,
С нами вместе будут праздновать тогда...
А пока что этот День у нас в запасе.
До рассвета. До Победы. До Суда.

* * *

Живём на краешке войны,
Сжигаем нервы и сердца,
Живём на краешке страны,
Которой верим до конца.
А где-то рядом страх и боль,
Дома разбитые в огне,
И чья-то тень, земная голь,
Прижалась в ужасе ко мне.
Опять война в который раз
Стоит на краешке Руси.
И я прошу: «Спаси Донбасс!
О Боже мой! Спаси, спаси...»

* * *

Перестали мне сниться хорошие сны,
Снятся только погони и смертные муки,
Снятся пленный, что виделся мне со спины:
Тонкой проволокой намертво стянуты руки.

Снятся люди в подвалах без света и сна,
Снятся дети, что просят, чтоб их не бомбили.
Это вправду случилось: мне снится война,
Словно кровь на земле, где кого-то убили.
Снится город, избитый, как русский в плену,
Снятся чёрные окна, пустые кварталы...
Это вправду случилось: я вижу войну.
Не в кино, не в бреду и не через порталы.
Я крещу этот город дрожащей рукой,
Я кричу в поседевшее жаркое небо.
Это вправду война — прямо здесь, за рекой,
Догорают поля полновесного хлеба.
Это значит, опять умирать молодым
И кому-то опять к матерям не вернуться.
И ползёт на Россию удушливый дым,
И так хочется мне, наконец-то, проснуться.

* * *

Вот и стало понятно, что важнее всего
Перед дальней дорогой, перед ликом огня...
Вышли Каин и Авель из гнезда одного
Принести Богу жертву до скончания дня.
Жертва Каина тлела, покрываясь золой,
А другая сияла, как под солнцем роса.
Каин чёрную душу схоронил под полой,
Авель чистую душу распахнул в небеса.
Позавидовал Каин и нахмурил чело,
Первой кровью невинной осквернилась земля.
И свершилось на свете небывалое зло,
Всё на «до» и на «после» той минуты деля.
... Чёрно-красные флаги небо застили вновь,
И кричат галичане: «Москалей на ножи!»
Чёрный — Каина совесть, красный — Авеля кровь.
Как же это случилось? Украина, скажи!..
... Вот и стало понятно, что дороже всего:
Плачет проклятый Каин, смерть свою сторожит.
«Каин, Каин, где брат твой?» Только нету его.
Под Донецком, Славянском, под Луганском лежит.

* * *

Сидит мальчишка около реки
И думает о чём-то и мечтает.
Проносится плотва и окуньки,
Пичуга возле берега летает.
Он ограждён Великой Тишиной,
Как маминым святым благословеньем,

И речка между миром и войной
Становится библейским откровеньем.
Ему годов — не более шести,
И впереди — лишь светлые картины.
Он верит: не посмеют перейти
За эту речку тати с Украины.
Он свято верит, что его страна
Его спасёт от гаубиц и «Града»,
И речка, что на карте не видна —
Он знает! — нерушимая преграда.
...Бежит вода, сверкая и дыша,
Лицо мальчишки нежно освещает...
Упрямый мальчик. Русская душа.
Он тоже эту землю защищает.

* * *

Сегодня Господь подарил мне с утра
Янтарное небо в конце переулка,
Кленовые листья, ледок из ведра,
Калитку, звенящую, словно шкатулка.
И светом таким, как бывает в раю,
Наполнилось всё, что меня окружало.
И тёмная воля тревогу-змею
Над сердцем моим, наконец-то, разжала.

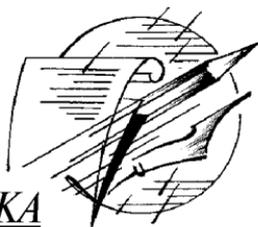
* * *

Прожила тётя Валя с любовью
Ко всему, что Господь подарил,
К своему небольшому становью,
Где вставала всегда до зари,
Где согрела живыми руками
Каждый в доме своём уголок,
Нарядила его рушниками,
Обновила и пол и полоч.
Прожила благодарно и чисто
Под портретами мамки с отцом,
И ходила — светла и лучиста
И душою своей, и лицом.
Бог ей скажет: «Иди, золотая,
В те края, где покой и добро...»
И синичка-душа, улетаая,
На порожек обронит перо...

Ростовская обл., х. Можаяевка

О ТРАГЕДИИ ГУМАНИЗМА

В рамках трансгуманизма полностью происходит переоценка того, что представляет из себя человек. С помощью технологий нам предлагают выйти за пределы того, что считается человеческим, — лишиться возраста, пола, веры, морали, родины, семьи, частной жизни. Причем в реальности, нас окружающей, это получает подтверждение на политическом и правовом уровне. Так, например, в сфере европейского права в последние несколько лет в ходе процесса узаконивания однополых браков выдвигается требование исключить из законодательства понятие пола, то есть мужчины и женщины как основы человеческого общества. Вместо них должны фигурировать некие бесполое существа — «брачующийся А», «брачующийся Б», «родитель А», «родитель Б», «партнёр А», «партнёр Б», которые вводятся не только в гражданский кодекс, но и в юридические документы, регулирующие вопросы труда, социального обеспечения и проч. Таким образом, «мужчина» и «женщина», «муж» и «жена» как субъекты права исчезают. В результате в рамках правового поля меняется структура семьи как таковой.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Поскольку же однополые браки предполагают право на усыновление детей, это меняет и характер родства, уничтожая связь с биологическими родителями и оставляя детей без корней. То есть законодательным актом пытаются изменить биологическую реальность и создать новый человеческий род.

Другие фундаментальные для человеческого общества понятия также подлежат пересмотру. Так, например, президент Европейского совета Херман ван Ромпёй призвал переосмыслить географические и демографические параметры Евросоюза и отказаться от каких-либо попыток по восстановлению национальной идентичности. Такие понятия, как «народ» и «родина», по его словам, должны отправиться на свалку истории. Выступая 9 ноября 2013 года в Берлине по случаю 24-й годовщины падения Берлинской стены, Херман ван Ромпёй произнёс неожиданную речь, в которой попытался очертить новые принципы общественного развития на Старом континенте. Первым делом европейцы, по его мнению, должны переосмыслить концепцию родины, которая в своём традиционном понимании становится попросту невозможной в условиях постоянно расширяющегося Евросоюза. Другим признаком новой Европы должно стать отсутствие народов в традиционном понимании. Поскольку Евросоюз является домом для всех европейцев, все и везде должны чувствовать себя как дома, вне зависимости от особенностей конкретного региона. Согласно прогнозу ван Ромпёя, уже в обозримом будущем Европу ждут кардинальные перемены.

Трансгуманизм действительно предлагает нам совершенно новый мир. Один из вариантов будущего представлен в фильме «Будущее началось», вышедшем в августе 2011 год в рамках проекта «Форсайт 2050», имеющего в нашей стране поддержку на самом высоком административном уровне. Форсайт (от англ. Foresight — «взгляд в будущее») — это определенная технология для формирования приоритетов развития в различных сферах жизни государства и общества.

Как сказано на официальном сайте проекта, «Форсайт 2050» — это виртуальное пространство, где каждый может предложить свой вариант развития человеческого общества, лично повлиять на его формирование или просто значительно расширить свой кругозор».

Далее поясняется, что «будущее — это не застывший и статичный слепок одного момента времени и пространства, предопределенный раз и навсегда, а динамично развивающаяся среда, вариативная, изменяемая и творимая. Оно меняется буквально каждую секунду. И любая модификация — это цепная реакция на наши действия, решения и поступки».

Что касается фильма «Будущее началось», то это взгляд одного человека на то, каким может стать мир через несколько десятилетий. Он создан для того, чтобы пригласить нас к обсуждению и формированию возможных сценариев будущего.

Так что же нас ждет завтра, по замыслу создателей этого фильма?

Прежде всего, жизнь он-лайн. Человек будет помещен в глобальное разумное пространство — гигантскую социальную сеть. Его жизнь и благополучие будут зависеть от системы, в которую он войдет, от корпорации, обеспечивающей функционирование этой системы. Именно корпорация возьмет на себя безопасность, контроль самочувствия, контроль качества покупаемых продуктов, развлечение, образование и трудоустройство внутри корпорации в случае, если за подключение к системе нечем будет платить. Фактически, она заменит собой государство, функционал которого сократится до роли контролера, судьи и законодателя. Часть важных решений, которые будут принимать судебные и законодательные власти, будет приниматься открытым он-лайн-голосованием, что ознаменует эпоху прямой демократии. Также исчезнут традиционные СМИ, им на смену придут системы выбора контента, которые и станут новыми СМИ. По сути, каждый человек сам станет СМИ, а все окружающие нас поверхности превратятся в рекламные плоскости, которые будут предлагать каждому то, что он хочет, зная всё о каждом. Мир станет прозрачным, из него исчезнет анонимность, начнется эра всеобъемлющей виртуальной реальности.

Богами нового мира станут программисты, создающие для человека бесконечные миры, в которых он будет жить, как и где хочет, и быть таким, каким он себя видит. Мир будущего — мир без географии, трансграничный и наднациональный, мир бесчисленных сообществ и неограниченных возможностей моделирования себя и окружающей среды.

Впрочем, эту виртуальную «нирвану» еще предстоит построить, пройдя через войны, катастрофы, эпидемии. В ближайшем же будущем человечество ждет следующее:

— новая энергоидеология, основанная на использовании энергии атома;

— создание искусственных продуктов питания с помощью биохимии;

— перманентная война машин, информационных технологий и программных кодов, как неотъемлемый элемент глобальной конкуренции;

— исправление генома человека, увеличение продолжительности его жизни, он-лайн диагностика и хирургия, роды в искусственных условиях, замена стареющих органов на генно-модифицированные;

— исчезновение традиционной системы образования и замены ее на домашнюю и заочную формы;

— освоение новых пространств — реальных и виртуальных;

— превращение мира в гигантский Вавилон с единой валютой и языком, приведенный к единому политическому знаменателю и управляемый мировым правительством;

— роботизация всех видов деятельности человека.

И что в результате?

Создатели фильма делают следующий вывод: жизнь человека бессмысленна. Человека в его нынешнем состоянии. Для того, чтобы увидеть иные миры, человек должен перестать быть человеком, преодолеть себя, свое слабое тело и победить смерть. Но парадокс заключается в том, что обретя бессмертие, человек уничтожает самого себя как вид. И это первый его самостоятельный шаг на пути эволюции.

И всё «это не фантастика... это апокалипсис». Такое название носит статья, размещенная на сайте Координационного комитета против внедрения Универсальных карт и рассказывающая о ещё одном проекте будущего.

В апреле 2008 года Благотворительный фонд «Мое Поколение» запустил форсайт-проект «Детство-2030». Исполнителем проекта была назначена Международная Методологическая Ассоциация.

Форсайт-проект «Детство-2030» посвящен будущему наших детей. Дети рассматриваются как «человеческий капитал», который надо производить и выращивать, чтобы Россия «была конкурентоспособной в XXI веке». По мнению авторов форсайт-проекта, наше отношение к детям, традиционная семья и система образования — «безнадёжно устарели».

Вместо этого планируются «новые формы совместной жизни» — «множественные», «гостевые» и иные того же рода «браки». Функция воспитания отбирается у «некомпетентных» родителей и передается специально обученным работникам «воспитательных сообществ».

Для детей планируется создавать специальные зоны пребывания в городах, оснащенных по последнему слову техники, где они, практически не общаясь со взрослыми (кроме «наставников»), сами избирают, какими быть, чему, как и у кого учиться. Главным источником информации становится при этом интернет.

Авторы форсайт-проекта полагают, что какое бы то ни было воспитание не должно мешать процессу образования, а интеллектуальный уровень должен определяться исключительно объемом запоминаемой информации. Для этих целей уже в ближайшее десятилетие появится в массовом производстве чип, который будут вживлять в мозг ребенка для непосредственного подключения к интернету и закачки в подсознание любой информации.

К 2030 году авторы форсайт-проекта планируют сделать «чипизацию» детей в России повсеместной. При этом люди, располагающие достаточными финансовыми средствами, получат возможность при помощи генной инженерии и нанотехнологий задавать те или иные способности ребенку на эмбриональном уровне.

Если родители будут противиться «чипизации», у них отберут детей. Именно для этого и создается ювенальная система. А если родители лишаются своих прав на ребенка даже на время, его «опекуном» становится соответствующий чиновник. И именно он может «в наилучших интересах ребенка» дать разрешение на его «чипизацию» или на принудительную стерилизацию. Ведь при ориентации на «личную успешность» и отсутствие «устаревшей» классической семьи, наиболее логичным выглядит «безопасный секс».

Возможным также станет «компьютерный секс» — через «компьютерную реальность», созданную подключением компьютерных датчиков не только к мозгу, но и к определенным точкам человеческого тела, что позволит передать все необходимые ощущения. Также к середине 2020-х годов авторы проекта готовы предложить «робота-ребенка», а для «профессионального» воспитания детей — «робота-няню».

Разработчики проекта заявляют, что «для достижения конкурентоспособности страны в современном мире нужны уже не рабочие и солдаты, не источник доходов для престарелых родителей (с этим справляется пенсионная система) и даже не добропорядочные граждане. Современному «развитому обществу» необходим так называемый «креативный класс». И для его создания уже все предусмотрено, подготовлено и по годам запланировано следующее:

— 2014 год. Voice-translator — портативное устройство, которое позволяет за счет синхронного голосового перевода непосредственно общаться людям, говорящим на разных языках. Введение такого прибора в массовое обращение может привести к колоссальным последствиям: языковые барьеры будут стерты, население Земли станет более мобильным, миграционные потоки возрастут по всему миру. Планируется, что новое поколение станет космополитическим.

— 2023 год. Робот-ребенок — робот, воспроизводящий поведение живого ребенка. Подобные разработки ведутся с 90-х годов прошлого века. В 2007 году в университете города Осака японские производители представили опытный экземпляр андроида, который способен имитировать движения, голос и эмоции 5-летнего ребенка. Через 15—16 лет данные разработки будут массово интегрированы в общество — в программы по подготовке родителей, для продажи тем, кто не хочет или не может иметь настоящих детей и т.д. Внедрение роботов-детей (когда есть возможность заказать и купить себе робота-ребенка), с одной стороны, может привести к развитию т.н. систем компетентного родительства — на роботе удобно тренироваться быть мамой и папой, с другой стороны — может вызвать сокращение числа желающих рожать детей».

Далее в форсайт-проекте перечисляются возможности, реальность которых очевидна уже сегодня и которые откроют миру новые технологии:

2015 год:

— более половины населения Земли имеют доступ к интернету;

— для большей части населения стерты языковые границы;

— образование можно получить через интернет в любой точке мира.

2020 год:

— любую профессию можно освоить виртуально;

— дети могут работать в интернете и получать доход.

2025 год:

— дети могут участвовать в создании товаров / услуг;

— можно запрограммировать способности и характеристики детей;

— вместо детей можно «воспитывать» робота или виртуального ребенка;

— воспитанием и уходом за живыми детьми могут заниматься роботы;

— способности ребенка можно программировать и расширять за счет генной модификации и чипизации.

Подробному анализу форсайт-проекта «Детство-2030» в контексте трансгуманизма посвящено журналистское исследование Елены Деменковой и Георгия Петрова «Киборги на горизонте», размещенное на сайте Русской народной линии. На основании изучения материалов, находящихся в открытом доступе сети Интернет, авторы делают вывод, что форсайт-проект «Детство-2030» является планом поэтапного внедрения в сознание подрастающего поколения трансгума-

нистических, то есть античеловеческих ценностей. В данном материале раскрываются различные аспекты «детского» варианта трансгуманизма, реализуемого в форсайт-проекте и представляющего несомненную угрозу нашему будущему.

Авторы исследования исходят из того, что трансгуманизм как философия, система взглядов и общественное движение является порождением некоего конфликта, возникшего в конце XX века. Это конфликт совершенно нового рода — конфликт между сознанием, информацией и телом-носителем. Суть его сводится к тому, что сознание человека, непрерывно развивающееся, становится все более сложным, многовариантным, играющим, парадоксальным, оставаясь при этом в по-прежнему ограниченном смертном теле. Этот конфликт не мог возникнуть раньше на глобальном уровне из-за отсутствия развитых технологий, поэтому его появление — признак зарождения новой эпохи — эпохи трансгуманизма. Именно в рамках трансгуманизма уже как новой общественно-экономической формации и новой парадигмы человеческого существования этот конфликт будет разрешен.

В отличие от всех предыдущих форм самоорганизации, основанных на покорении человеком природы и приспособления ее под свои нужды, трансгуманизм сосредоточен на самом человеке, на эволюции его тела как носителя сознания. Изменение физического носителя для нового сознания — главный вопрос, стоящий в центре трансгуманизма, цель которого — создать совершенное бессмертное тело, обладающее супервозможностями. Эволюция человека и общества мыслится здесь не как покорение природы, создание материальных благ ради удовлетворения чувств, а как самосовершенствование самого человека и прежде всего его сознания и тела, т.е. перенос сознания в альтернативный небелковый носитель — искусственное тело — киборг, квантовое тело-голограмму и дальнейшее развитие в таком носителе. Конечной целью трансгуманизма, после реализации мультителесности и мультиреальности, достижения свободы передвижения во вселенной, управления ходом истории силой мысли, является реализация состояния «бога-творца», т.е. того, кто обладает способностью творить, поддерживать и разрушать, сокрывать, проявлять разнообразные божественные энергии силой сознания.

В попытке ответить на вопрос, что же в конечном итоге представляет собой трансгуманизм — научно-техническое и футуристическое движение или мистический, духовно-магический, эволюционный путь к бессмертию, многие аналитики приходят к определению трансгуманизма как люцифе-

рианского учения. Доказательством тому может служить, например, развитие детской массовой культуры в сторону демонизации и монстронизации.

На сегодняшний момент огромное количество игр для компьютеров, сотовых телефонов, приставок, ориентированных на детский и подростковый возраст, насыщены элементами оккультизма и мистики. Зачастую наряду с мутантами и монстрами героями в них являются разнообразные демоны. Наиболее популярными среди современных детей и подростков являются такие персонажи, как человек-паук, черепашки ниндзя, шрек. Благодаря рекламе этих персонажей можно встретить везде. И их образ мыслей и поведения становится образцом для подражания.

Все эти монстры, мутанты, существа — герои мультсериалов и комиксов выполняют задачу по формированию «нового детского мышления», внедряя в детское сознание представление о том, что мутанты, киборги, андроиды — это нормально, а также подсознательное желание быть такими же, как они, — суперсильными, суперсмелыми, бессмертными, обладающими массой нечеловеческих качеств. Причем, для большинства этих персонажей характерны бесполость и мрачная агрессия, что вкупе с полным смещением понятий добра и зла создает благоприятную среду для принятия идей трансгуманизма детьми и подростками в его оккультном, люциферянском контексте.

Таким образом трансгуманизм предлагает нам сверхвозможности, бесконечное знание, власть над Вселенной и бессмертие ценой утраты собственной сущности. А также представляет широкий спектр перспектив, стремясь воплотить, по мнению одних исследователей, самые смелые и идеалистические устремления человечества, а, по мнению других — самые опасные его идеи.

Сами трансгуманисты видят культурные истоки своей идеологии, выраженной в стремлении человека приобрести новые антропологические черты и содержательные характеристики, в традиции, восходящей к эпохам Возрождения и Просвещения, указывая на то, что именно научный прогресс подарит человечеству невероятные возможности. Они полагают также, что люди должны использовать новейшие технологии, чтобы стать постлюдьми, постулируя необходимость морфологической свободы в качестве одной из гражданских свобод, гарантируя тем самым человеку возможность выбора принимать форму либо киборга, либо сверхчеловека, либо постчеловека. Ведь человеческая природа рассматривается ими как принципиально незавершенная, которую человек

способен научиться изменять в соответствии со своими желаниями. Свой оптимизм в отношении будущего человечества трансгуманисты связывают исключительно с новейшими нано-, био- и проч. технологиями.

Здесь неожиданно кстати оказываются слова А. Блока. Оптимизм, писал он, «...вообще — несложное и небогатое мирозерцание, обыкновенно исключаящее возможность взглянуть на мир как на целое. Его обыкновенное оправдание перед людьми и перед самим собою в том, что он противоположен пессимизму; но он никогда не совпадает также и с трагическим мирозерцанием, которое одно способно дать ключ к пониманию сложности мира. У бывших гуманистов, превратившихся в одиноких оптимистов, от времени до времени возникает тоскливое стремление к цельности. Один из выразителей такого стремления — явление, по существу, уродливое, но завоевавшее себе огромное, неподобающее место. Это — популяризация знаний, глубокий компромисс, дилетантизм, губительный как для самой науки, так и для воспринимающих ее в столь безвкусном растворе. Популяризации, разделению наук на высшие и низшие мы обязаны тем полумраком, полусветом, который хуже полного мрака и который царствует до сих пор в головах людей...»

А между тем, сегодня нам как никогда необходимо осознать трагическое противоречие современного состояния мира. Ситуация современности — это ситуация гуманистически-трансгуманистической раздвоенности. С одной стороны, в современной культуре есть путь экзистенциальный, соединяющий человечность с бытием. Однако сопряженность с бытием приводит к ощущению тяжести бытия, человек взваливает на себя груз бытия и идет вслед за А. Камю, принимая весь абсурд бытия, но сохраняя в себе гуманизм. С другой стороны, есть путь трансгуманизма — для тех, кто не выдержал тяжести бытия, ушел как от бытия, так и от гуманизма. Трансгуманизм предлагает человеку псевдомогущество, иллюзорное превосходство, но дает в результате пустоту как внутреннюю, так и внешнюю, рисуя комиксообразную утопию будущего. В итоге трансгуманизм является поражением гуманизма, человека и бытия в целом, отвергая не только антропологию и этику, но и онтологию.

Проблема соотношения гуманизма и трансгуманизма начала осмысляться в философии и литературе задолго до превращения последнего в широкое массовое движение. Так, вполне определенную позицию по этому поводу занял один из самых известных футурологов-фантастов конца XIX — первой половины XX в. Г.Уэллс, у которого тема человека-

машины, нового постчеловека являлась центральной. Он был достаточно скептичен по отношению к человеческой эволюции. Например, в 1885 г. в Дискуссионном клубе он прочитал доклад «Прошлое и будущее человеческой расы», где констатировал, что современная эволюция человека безусловна и очевидна, но представляет собой сущий пустяк по сравнению с тем, как предстоит измениться человеку в будущем. Руки будущего постчеловека станут сильнее и гибче, а прочие мускулы при этом совсем ослабнут. Мозг увеличится, а с ним и голова. Рот будет маленький, потому что с его помощью будут только разговаривать, но не есть — пищеварительного аппарата не станет вовсе, и питательные вещества будут усваиваться через кожу. Эмоции угаснут, а способность к логическому мышлению возрастет. Таким видели будущее человечества не только Г.Уэллс, но и многие другие интеллектуалы конца XIX в. Уэллс при этом отдает себе отчет в том, что подобное существо уже не совсем правомерно будет называть человеком, что это фактически смерть человека и появление, вернее, выведение нового вида.

Философские трансгуманистические проекты в истории культуры были нередко литературно проиллюстрированы. Здесь можно вспомнить литературный опыт не только фантастики, но также утопий и антиутопий. Например, Т.Кампанелла в «Городе Солнца» ратует за внедрение технических изобретений, поскольку именно они помогут человеку в повседневной жизни. Однако спустя некоторое время образ Франкенштейна заставил по-иному взглянуть на технический прогресс человечества. Не случайно М.Шелли уничтожает своего неестественного героя, ставшего прообразом будущих чудовищ-киборгов. В этой ситуации человек пока побеждает.

Однако начало XX в. привело человечество в замешательство. Г.Уэллс, Я.Чапек показывают, какие беды могут принести обществу восставшие машины. Поражение или победа человека связаны с тем, в чьи руки попадет грозное оружие (как в «Гиперболоиде инженера Гарина» А.Толстого). Современная техника обретает субстанциальность и обретает власть над человеком.

Человечество XXI в. в целом за гуманизм, а не за трансгуманизм. Тем не менее, трансгуманистический элемент проникает в современный гуманизм и искажает его. Человек снимает с себя ответственность и передает ее машине. Машина превращается в честность и совесть современного человека (например, детектор лжи или ЕГЭ, построенные на принципе недоверия человеку и доверия машине). Машине

передается право нести груз ответственности за наше прошлое и будущее. Ведь куда проще отправить «Mercedes» новейшей марки в деревню Рансхофен начала XX века с тем, чтобы машина сбила мальчика по имени Адольф, чем каяться до последних времен за 54 миллиона погибших и 90 миллионов раненых за время II мировой войны. Именно так и сделали в своем учебном рекламном ролике студенты частной Академии кино в Баден-Вюртемберге.

Кстати, история с этим видеороликом служит еще одним доказательством того, какой глубокой деформации подверглись обычные человеческие ценности в современном мире. Режиссер фильма Тобиас Хаазе выставил ролик на одном из интернет-порталов. Фильм быстро распространился по Сети и стал одним из самых популярных клипов, вызвав множество противоположных друг другу комментариев пользователей. Одни считают фильм «ужасной безвкусицей» и обвиняют автора в холодной жестокости, другие восторгаются идеей и мастерским воплощением сюжета.

Видеоролик был номинирован на приз немецкой киноакадемии «Первые шаги», которым награждаются лучшие дипломные работы года. Однако случайно ли в фильме использован сюжет с «Мерседесом»? С одной стороны, центральный офис концерна расположен в Штутгарте — столице федеральной земли Баден-Вюртемберг. С другой стороны, «Мерседес-Бенц» — один из четырех партнеров-основателей и спонсоров приза «Первые шаги». Сразу после распространения фильма в Сети концерн выступил с заявлением о своей непричастности к рекламному ролику и потребовал от 32-летнего режиссера поместить указание на то, что клип не был сделан по заказу «Мерседес-Бенц» и не является его официальной рекламой. «Мы убеждены, что использование в рекламном ролике смерти человека, в особенности ребенка, а также мотивов национал-социализма неприемлемо, даже если речь в этом случае идет о «фиктивном» рекламном ролике», — говорится в распространенном от имени автомобильного концерна заявлении.

Представительница Академии кино в Баден-Вюртемберге Феня Шницер подчеркнула, что рекламный ролик не был заказной работой, не финансировался концерном «Мерседес-Бенц» и не был снят для публичного распространения. Студенты просто отработывали новые стилистические методы (на смерти ребенка. — Авт.). Ведь цель обучения на рекламном отделении в академии — выработать собственный почерк. Провокация при этом не только возможна, но даже желательна. Исходя из безобидного рекламного лозунга («Рас-

познаёт опасность до того, как она происходит»), дипломник, возможно, преступил границы дозволенного. «Своей двусмысленностью, черным юмором и игрой на самой ужасной странице немецкой истории видеоролик нарушает все табу и затрагивает наше представление о морали» — заявил управляющий директором академии профессор Томас Шадт. Академия кино готовится к неприятным последствиям. Уже стало известно, что некий австрийский профессор собирается обвинить ее в использовании символов запрещенных антиконституционных организаций.

Однако возымеет ли подобный иск успех, весьма сомнительно. По словам представителя немецкого Совета по рекламе Фолькера Никеля, суд прежде всего будет учитывать конституционно защищенную свободу мнения и художественного самовыражения, рассматривая использование свастики в художественном контексте. Поскольку клип не задуман как коммерческая реклама для публичного показа, границы допустимого здесь шире.

Встает закономерный вопрос: где заканчиваются границы дозволенного? Исходным пунктом экзистенциализма является постулат «Если Бога нет, то все дозволено». Это приводит данный вид гуманизма к утверждению того, что «человек является единственным источником ценностей, и индивиду остается творить или выбирать собственную шкалу ценностей, его собственный идеал. Однако это не несёт с собой счастья». И человек «осужден быть свободным».

На протяжении многих столетий гуманисты эпох видели свою задачу в том, чтобы восславить человека. И ради этой высокой цели предлагали различные социальные проекты, как правило, утопические. По сути своей, гуманизм постулирует значимость как человеческого рода в целом, так и ценность каждой личности, каждой индивидуальной жизни. Для гуманизма каждый человек — это область неповторимого культурного творчества. Поэтому истинная ценность любого общественного строя измеряется тем, насколько он способствует реализации творческого потенциала личности. Однако гуманизм как идейное течение и как социальная практика имеет множество противоречий. Принято считать, что гуманизм как принцип мировосприятия возник в эпоху Возрождения и связан с культом личности. Но в то же время проявилось и скептическое отношение к человеку, обнаружилась его открытость как вверх, так и вниз. Прошло два столетия, и мир чудовищного, по словам Ханса Зедльмайра, проступил в самом человеке. Представление о высшей ценности человека было поставлено под сомнение. Ницше, а

впоследствии Хайдеггер заявляют о слиянии человеческого и нечеловеческого, подвергая критике гуманизм, мораль и философскую антропологию. Хайдеггер развивает ницшеанскую идею о «слишком человеческом». Он показывает, что такие социальные феномены, как развитие науки и техники, война, не противоречат человеческой природе и не являются антигуманными, поскольку порождены человеческой волей к власти. Человеческое существование может быть связано с покорностью своей судьбе. Но стремление к власти накладывает на человеческое бытие свой отпечаток. Насилие над природой приводит к насилию над человеком.

Другой парадокс гуманизма связан с его многоликостью, приведшей к тому, что гуманизм давно уже не связывают с ценностью самого человека. Он превратился в свою противоположность, утверждая в качестве ценностей нечеловеческое, болезненное, деструктивное. Американский фантаст Роберт Шекли с иронией писал о неврозе гуманности в человеке, который великолепно приспособлен к убийству.

Сегодня можно говорить о тотальной дегуманизации мира, о засилье гуманистической риторики, под которой скрываются аморальные политические цели. Поэтому очевидно, что необходимо восстановление истинного смысла гуманности для того, чтобы наши дети имели реальное, а не виртуальное будущее, могли испытать реальную, а не виртуальную любовь, основываясь на вере в бессмертие своей души, а не только тела, что единственно и придает смысл жизни человека.

Многие задаются вопросом, насколько жизнеспособны идеи трансгуманизма, какова степень возможности воплощения их в жизнь? Механизм превращения самых невероятных сценариев в реальность можно описать посредством технологии, предложенной американским социологом Дж. Овертоном (так называемые «окна Овертона»), суть которой связана с «окнами возможностей» и поэтапным сдвижением границ смысла, в результате чего можно перемоделировать отношение к явлению с «минуса» на «плюс» и наоборот. Как следствие, некогда чуждая общественной морали идея, изначально отвергаемая, принимается массами и закрепляется в ее действиях. Так были легализованы гомосексуализм и однополые браки. Описанная Овертоном технология манипулирования общественным сознанием и мнением позволяет даже самую абсурдную идею превратить в свою противоположность. В основе такого манипулирования сознанием лежит постепенный отказ от моральных принципов и потакание низменным потребностям. Цель манипулирования —

слом традиционных социальных институтов и превращение человека в индивида, лишённого каких-либо различий.

Исходный пункт гуманизма — постулирование неизменной природы человека — подвергается сомнению, как и сам человек, такой, какой он есть. Новый гуманизм несет в себе идею вторжения в природу человека, вмешательства в его бытие, как на уровне индивида, так и рода. Ведутся дискуссии о границах применения генной инженерии с целью корректировки генного кода человека, о возможности клонирования человеческих эмбрионов. Видимо, вмешательство новых технологий в природу человека будет более глубоким и обширным. То, что кажется сейчас антигуманным, со временем может стать рядовой процедурой, вроде переливания крови, которое первоначально также виделось как нечто «бесчеловечное». И все это представляет серьезное испытание для гуманистической идеологии.

Разумеется, изменения в гуманизме как политической ценности, будут связаны с изменениями морали. Новые проблемы требуют не только политического решения, но и нравственного освоения. Так, ведется обсуждение возможных социальных последствий, связанных со значительным продлением жизни человека в будущем, дискутируется вопрос о приемлемости эвтаназии, пересматриваются взаимоотношения человека и природы. Достаточно громко звучит предложение отказаться от концепции антропоцентризма, когда природа рассматривается как окружающая среда. Говорится о том, что для природы и для самого человека станет лучше, если человеческая популяция будет пониматься как один из многих элементов природы, включенный в общие цепи взаимозависимостей. Утверждается необходимость переосмысления традиционного гуманизма, где человек видится как «царь природы». Однако преобладает мнение, что у человечества нет задачи сохранения природы в первозданном виде, что неизбежная эволюция природы должна быть подчинена интересам человека. Антропоцентризм, а не биоцентризм остается неотъемлемой составной частью не только принципа гуманизма, но и реальной социальной практики.

Среди бед, постигших человечество, выделяется еще одна «перспективная» проблема — рост могущества и сферы влияния искусственного интеллекта. Уже сейчас прогнозируется, что искусственный интеллект может стать через несколько десятилетий саморазвивающимся и выйти из-под контроля человека. Вполне возможно, что человечество станет лишь подсистемой новой суперсистемы «всеобщего интеллекта». Трансгуманизм как раз и исследует возможную си-

туацию обретения цивилизацией иного субстрата, нежели человек. Однако осуществление подобных прогнозов рядом исследователей воспринимается как самоотрицание человека, как зло, требующее активных превентивных мер по его недопущению.

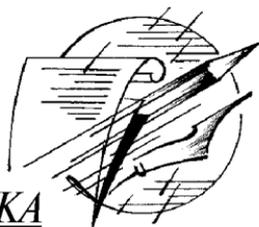
Человечеству следует определиться относительно цели своего существования, чтобы выбрать тот или иной вариант преодоления экологического, демографического и других кризисов, чтобы создать «сценарий» своих будущих взаимоотношений с искусственным интеллектом. Человеку необходимо изменить вектор своего развития, чтобы иметь будущее. Общим местом многих анализов перспектив человечества является утверждение, что нынешняя культура потребления грозит гибелью человеческой цивилизации в результате экологической катастрофы, вызванной загрязнением природной среды и истощением природных ресурсов. Следовательно, смысложизненным ориентиром индивида должно стать не растущее потребление, а собственное самосовершенствование.

Таким образом гуманизм как принцип развития человека и общества постоянно подвергается корректировке, его границы оказываются подвижными, а содержание зависимым от формы. Однако суть его остается неизменной — человеку не должен навязываться, внедряться в его сознание, насаждаться с помощью каких-либо технологий некий идеал будущего. И, скорее всего, человек сохранит себя, но только если будет помнить, что единственное поле, на котором должен решаться вопрос будущего, — это его собственная душа, а единственным средством движения к будущему — одно только свободно избранное единичное добро.

БАНКОВСКОЕ РОСТОВЩИЧЕСТВО

В начале этого года встретил я своего знакомого, работающего в одном из крымских НИИ. И он рассказал мне, что их работников обязали перейти на карточную систему получения зарплаты, причем руководство пыталось прописать это в трудовом договоре. То есть, хочешь работать — подписывай контракт в таком виде, а не подпишешь — до свидания. Однако не все согласились с такой постановкой вопроса и решили отстаивать свое право на получение зарплаты наличными деньгами в кассе своего предприятия. Почему это настолько важно для людей, что они готовы поставить на «карту» собственное благополучие и карьеру, станет понятно по ходу повествования.

Но сначала рассмотрим юридический аспект. В соответствии со ст. 35 Трудового кодекса РФ «запрещается требовать от лица, поступающего на работу, документы помимо предусмотренных настоящим Кодексом, иными федеральными законами, указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации». В список

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

таких документов не входит договор с банком (сторонней организацией) об обслуживании клиента по зарплатной программе или справка о наличии банковского расчётного счёта.

В соответствии со ст. 131 Трудового кодекса РФ «выплата заработной платы производится в денежной форме в валюте Российской Федерации (в рублях). В соответствии с коллективным договором или трудовым договором **по письменному заявлению работника** оплата труда может производиться и в иных формах, не противоречащих законодательству РФ...» То есть, если работник не писал заявления на имя руководства предприятия с просьбой выплачивать ему зарплату в безналичной форме на расчётный банковский счёт, с последующим отражением данной просьбы в трудовом договоре, то администрация обязана выплачивать зарплату работнику наличными деньгами через кассу предприятия. Зарплата считается выплаченной только после проставления личной подписи работника в зарплатной ведомости.

Ст. 421 Гражданского кодекса РФ под названием «Свобода договора» констатирует, что «граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Принуждение к заключению договора (в т.ч. с банком об обслуживании пластиковой карты) не допускается...»

Ст. 37 Конституции РФ гарантирует каждому гражданину право на труд. И это право не ставится под условие получения работником пластиковой банковской карты.

Таким образом, все ухищрения администраций предприятий по принуждению людей к переходу на безналичную форму получения зарплаты — **незаконны!** И с этим можно и нужно бороться.

Однако данная проблема не такая простая, как может показаться на первый взгляд. Частный случай сотрудника НИИ является маленькой пылинкой на верхушке «айсберга» в общероссийском масштабе. Главные отечественные лоббисты «электронного рая» находятся в Москве в правительстве РФ. Так, глава Минфина, который ранее неоднократно заявлял о необходимости сокращения оборота наличности в России, потребовал задействовать все ресурсы, нормативно-правовые решения, чтобы все расчеты: и по зарплате, и командировочные расходы — осуществлялись в безналичной форме.

А ещё в июле 2011 г. председатель правления Сбербанка Герман Греф написал премьер-министру Владимиру Путину письмо, в котором указал, что наличный оборот обременителен для банков, а высокая доля наличных средств в денежном обороте ограничивает рост экономики, препятствует

ее модернизации и формированию в России международного финансового центра. Греф предложил изменить Трудовой кодекс и закон о трудовых пенсиях так, чтобы зарплаты, социальные пособия и пенсии выплачивались только на банковские карты.

Кроме того, Ассоциация региональных банков России (АСРОС) предложила Центробанку запретить оплату труда наличными и обязать переводить всем работникам зарплаты исключительно на банковские карты. По словам главы АСРОС Анатолия Аксакова, инициатива призвана простимулировать безналичный оборот в РФ. Для продвижения оплаты труда через банковские карты предлагается внести соответствующие поправки в ТК РФ и КоАП РФ. Работодатели, которые не повинуются новому закону, будут оштрафованы на сумму до 50 тысяч рублей.

Но почему они так стремятся ограничить хождение наличности? Ответ прост. Потому что оборот наличных денег банкам трудно контролировать. Например, гражданин может хранить свою наличность дома и доставать её только по мере надобности. А в случае использования гражданином «пластика» реальные деньги всегда остаются в банках, которые они тут же используют для преумножения капитала, а человеку вместо них выдается некий заменитель, эрзац — кодированная информация о деньгах, записанная на электронном чипе пластиковой карты. Причем, многие действительно считают это удобным — вместо пачек наличности носить с собой только кусочек пластика. Но многие — это не все... Фактически уже сегодня региональные банки, как холопов, поделили между собой потенциальных «клиентов» из бюджетных организаций, руководство которых, используя административный ресурс, заставляет работников при получении зарплаты пользоваться пластиковой картой. Не так давно многие СМИ громко заявили об отмене «электронного рабства». Но на самом деле оказалось, что это очередной пшик, ведь россиянам просто «милостиво» разрешили самим выбирать себе банк для получения зарплаты по карточкам. Такая «поблажка» напоминает предоставление права приговоренному к смерти самостоятельно выбрать петлю или гильотину.

В советское время не было частных коммерческих банков, рубль был одним и тем же рублём, люди доверяли государству и хранили свои деньги в сберегательных кассах. Но с приходом к власти либерал-реформаторов оказалось, что деньги на сберкнижках легко могут быть «заморожены». То есть, имея определённые денежные средства, накопленные

за долгие годы честной трудовой деятельности на благо государства, наши соотечественники в 90-е пребывали и даже умирали в нищете (а ответственные за это чиновники высшего ранга не понесли никакого наказания, многие из них до сих пор здравствуют и наслаждаются жизнью). Этот подлый удар убедил многих, что свои деньги лучше всего держать возле себя. Вторым ударом для очередных доверчивых граждан стало банкротство крупнейшего банка «Украина», потом список банкротств постоянно пополнялся, а митинги обманутых вкладчиков стали обыденной реальностью. Ну и третьим ударом под дых для крымчан стало бегство украинских банков во время крымского референдума. А для совсем непонятливых дополнительные «разъяснения» внесли «VISA» и «MasterCard». Помимо этого, во весь рост встала проблема мошенничества с помощью удаленного доступа к банковским счетам, копирования данных с использованием вирусных программ или т. н. «скрининга» в банковских терминалах. Получается, что для выдачи денег человеку вовсе не обязательно его присутствие — его заменяет пластик и цифровой код (человеческая личность заменяется «лагерным номером»). Тут стоит сказать, что система денежных переводов существовала и в советское время, и чтобы передать деньги из Хабаровска в Москву, вовсе не обязательно было ехать через всю страну, и решали тогда этот вопрос без пластиковых «обманок». Еще одно сомнительное преимущество перехода на «пластик» — возможность получения потребительского кредита. В советское время тоже можно было купить в кредит телевизор или холодильник, только тогда кредит был не таким, как сейчас. Кроме того, жизненная позиция многих людей заключается в том, чтобы тратить деньги в соответствии со своими доходами. Если нет возможности купить дорогую безделушку, значит, без неё вполне можно обойтись. Если нет возможности купить свое жильё, значит, нужно или усерднее работать, или искать работу, где предоставляют служебное жильё.

Ещё одним важнейшим неприемлемым для многих фактором является то, что банки занимаются ростовщичеством, т.е. совершают неприкрытый грех. А используя деньги вкладчиков или зарплатные деньги работников, банки приобщают своих клиентов к этому процессу. При этом «мозолью», на которую дают банки, является инфляция — чтобы она не съела «чулочные деньги», банки призывают граждан нести свои сбережения к ним, чтобы снова запустить их в ростовщический оборот. Так незаработанные деньги или имущество заемщиков постепенно перетекает в руки ушлых бан-

киров. А не выдержавшие долгового ярма заемщики идут по миру, превращаются в бомжей, спиваются, иногда даже идут на ограбление или самоубийство — таким образом зло постоянно преумножается.

Банкиры самовлюбленно говорят, что «банки — это кровеносная система экономики», однако на самом деле они больше похожи на неких существ, паразитирующих в кровеносной системе экономики и провоцирующих инфляционные процессы. В нашей стране создана целая сеть таких паразитарных структур, верхушкой которых является Центробанк. В связи с этим стоит упомянуть, что главной задачей Центробанка официально является *поддержание стабильного курса российского рубля*, но всем прекрасно известно, как он с ней справляется. Да иначе и быть не может, ведь ЦБ главный игрок, зарабатывающий на разнице валютных курсов. Он же является главным ростовщиком. Эта контора, фактически не подконтрольная государству, сегодня занимается денежной эмиссией (печатает деньги) и дает их в рост коммерческим банкам. А те, в свою очередь, под ещё больший процент дают деньги населению. То есть деньги, которые являются меновым эквивалентом вложенного труда, для банкиров являются товаром.

При такой постановке вопроса в перспективе все материальные ресурсы, произведенные нашим народом, окажутся в руках банкиров. Говоря математическим языком, предел данной функции равен нулю. В скором будущем банкирам будет принадлежать всё, а народу ничего, более того, он будет ходить в вечных должниках и превратится в раба банкиров. Используя присвоенный капитал и стараясь его сохранить, банкиры уже пытаются слиться с властью. Одновременно они смогут нанимать или создавать свои параллельные силовые структуры сначала для выбивания долгов, а потом и для более серьёзных задач; будут лоббировать принятие нужных себе законов и т.д. И это представляет огромную опасность для государства. В своей работе «Гибель империи. Византийский урок» архимандрит Тихон (Шевкунов) очень доходчиво описал, как и почему происходило падение одного из самых мощных и высокоразвитых государств Средневековья, как «золотой телец» развращал элиту и подмывал основы государственности. Никакие козни внешних врагов, никакие санкции не способны разрушить страну, если народ и его политическая элита едины, если нет глубокого социального расслоения. Социальная справедливость — это важная скрепа государственной стабильности. Не станет её — не будет государства. Тогда можно будет забыть про эволю-

ционный путь развития России. На площади выйдут не сопливые прозападные либералы-«белоленточники», а обману-тый народ.

И что же делать? Для начала нужна широкая дискуссия в обществе. Многие из нас не считают справедливым брать процент за данные в долг деньги. Когда родственники или друзья просят деньги в займы, то речь о процентах никто не заводит, а незнакомым людям денег в долг не дают — можно, разве что, оказать посильную благотворительную помощь особо нуждающимся. Кроме того, в долг дают только свободные средства, которые в форс-мажорном случае не жалко и потерять.

Было бы очень кстати, если бы и Русская Православная церковь открыто заявила свою позицию по поводу проблемы ростовщичества и показала, насколько это опасно для общества.

Ростовщичество и спекуляция должны быть запрещены официально на уровне закона. Банки должны стать государственными, оплата за услуги банков должна начисляться согласно установленным тарифам и только, чтобы компенсировать затраты на обслуживание клиентов. Соответственно единственным кредитором для масштабных проектов и потребительских кредитов должно быть государство, причем и государство не должно заниматься ростовщичеством, ведь граждане исправно платят налоги. Кредиты населению могут также выдаваться в неденежной форме, а в виде построенного жилья, за которое граждане в течение 10 лет могли бы спокойно расплатиться. А чтобы это обязательно случилось, именно государство должно заботиться о создании рабочих мест, о достойной зарплате и о нулевой инфляции — вот тогда гражданин обязательно вернет деньги за квартиру государству, и никто ничего не потеряет. Ведь рубль и через десять лет будет рублём — верно? Тогда и «чулочные деньги» будут исключительно в рублях, а доллар и евро станут никому не нужными бумажками, и их курс будет интересен только выезжающим за рубеж туристам.

Кроме того, будет справедливо, если основным бенефициаром от продажи произведенного товара станет его производитель (ткач, комбайнер, дояр, животновод, машиностроитель и т.д.), а не спекулянт-перекупщик (биржевик, «белый воротничок»), которому всё равно, чем торговать (зерном, молоком, углём или нефтью) — цвет его «Феррари» от этого не потускнеет. Что касается полезных ископаемых, то все они принадлежат нашему народу, а не добывающим компаниям. Если мальчика послали в погреб за мёдом, то это не

означает, что мёд теперь станет его собственностью. Мальчик может взять с полки пирожок за свой труд, но «мёд» всё равно будет принадлежать его хозяину — народу. Кроме того, обязанностью государства является создание промышленных производств с глубокой степенью переработки природного сырья, чтобы у населения была работа, а на рынок выпускались товары с высокой прибавочной стоимостью.

И, наконец, последнее. Простой рабочий вовсе не обязан разбираться в банковской терминологии, которой так любят щеголять с экранов телевизоров многочисленные экономические эксперты («волатильность», «котировки», «голубые фишки»), отслеживать динамику валютных курсов, а также не должен вчитываться в мелкие буковки витиеватых банковских договоров. Зато рабочий должен быть уверен, что он стабильно и в полном объёме будет получать зарплату реальными деньгами, и что на накопленные им деньги и через десять лет можно будет купить такое же количество товаров и услуг, как и годами ранее. У нашего президента на самом деле не так много времени, чтобы изменить положение к лучшему. А то, что это придется делать, не вызывает никаких сомнений, иначе транснациональный банковский капитал вместе с «пятой колонной» окончательно подорвет суверенитет России, а нашу Родину будут ждать великие потрясения.

г. Ялта, Республика Крым

ПРОДАЖА

РАССКАЗ

С полудня простояв в тупике, поезд Душанбе—Саратов всё же тронулся с места и пошёл, помаленьку набирая ход. Многочисленные его пассажиры облегчения не почувяли: они сидели молча и напряжённо, боясь спугнуть неожиданное везение. Поезд сбавлял ход, и тут же замирало сердце: сейчас остановится, и начнут выгонять из вагонов, а может, и хуже что... Поезд шёл и шёл, оставив позади редкие огни города. Но впереди было много страшного: на любом полустанке, у каждого столба мог окончиться путь.

Света в вагонах не было, и поезд, словно тать в ночи, крался, будто уходил от погони. Уставшие пассажиры его не раздевались, не укладывались спать. Они даже говорили не вслух, а вполголоса. В тёмных вагонах, на сиденьях, порой задрёмывали. Сон был непрочен, а пробужденье — с испуганным выдохом: «Встали?..» Но колёса стучали. Поезд шёл и шёл. Заоконная тьма была страшной. Туда не глядели. От окон держались подальше, храня себя.

ПРОЗА

Так прошла ночь. Рано утром прибыли на станцию Карши. После неё заснули спокойно и отсыпались до полудня. А уж потом, наконец поверив, что вырвались и уехали, начали раскладывать вещи, устраиваться поудобнее, потому что дорога к России лежала далёкая — почти четверо суток. Так было во всём поезде. Так было и в десятом, купейном, вагоне, где ехал для этого поезда народ необычный — русские беженцы. Прошла пора гостеваний, командировок да туристических путешествий. Который уже год лишь бежали.

И теперь, плохо ли, хорошо, но, выбравшись и после нелёгкой, а у кого и страшной предотъездной маяты отоспавшись, народ без опаски отворял двери купе, выбираясь в коридор. На удивление, даже кипятик был в титане, словно в старые времена. И в окно можно было глядеть без опаски. Словом — живи.

Стали жить обычной вагонной жизнью. С чаем, знакомствами, долгими беседами, в которых доброй была лишь надежда. Кто-то ехал на место уже присмотренное, а кто-то набум. Вот и думали-гадали, на великое везенье не надеясь. Был бы покой...

— У нас в Таласе как началось...

— А мы в Нуреке сначала и горя не знали...

— В Кулябе в одну ночь...

— А в Исфаре...

У всех было горькое. А было и страшное, иного и не расскажешь, его лишь постараться забыть. И потому чаще говорили о завтрашнем, поминая Саратов, Волгоград, Воронеж да Пензу — тамошние места.

К вечеру все перезнакомились. И, конечно, приметили крайнее, у самого входа, купе, где, не переставая, пьянствовала молодая женщина и чернявый спутник её, а белобрысая девочка-малышка неприкаянно бродила по вагону, заглядывая в открытые двери и охотно принимая угощение. Таких детей навидались, нынче они — на каждом шагу. Но эта была не с улицы, вагонная, а значит — своя.

Первое от проводников купе было весёлым: вино, громкие разговоры, пьяные ссоры. Но, слава богу, один лишь словесный гвалт. Можно слушать, а можно мимо ушей пропускать.

Если первое купе было шумным, то второе — тихая вода. На верхних полках мирно посапывали; на нижних, друг против друга, покойно угнездились две женщины — мать и дочь. В одинаковых вязаных тёплых кофтах, в пушистых серых платках, спущенных на плечи, они были очень похожи: сероглазые, круглолицые, пшеничного цвета волосы тяжёлым

узлом скручены на затылке. Младшей — лет сорок, старшую болезненно старили чёрные круги подглазй. Разговаривали они тихо, спокойно. Телом были крупны, но в тесном купе управлялись ловко, бесшумно. Когда садились чай пить, будто сами собой объявлялись на столе стаканы, баночки, ложки. И так же всё убиралось, без лишней суеты. Даже чайные ложечки звякали в этом купе мягко, спокойно. И теплился разговор, не выходя из стен и не тревожа тех, кто спал рядом.

Бежала за окном скучная пустыня. Шумели за тонкой стеной хмельные соседи. Покойному разговору женщин никто не мешал.

Порою старшая плакала, и тогда дочь пересаживалась ближе к матери. И слова, что она говорила ей, становились шелестом, но мать понимала.

— И я плачу, и я плачу... Но что делать, мама. Живой за ним не уйдёшь. Будем за него молиться. Что делать... Будем жить потихоньку. Паша, слава богу, в институте. Я так рада. И он так радовался. Маруся уже невеста. Так потихоньку будем жить. Слава богу, крыша у нас есть над головой. И кусок хлеба есть. А чего нам ещё? Будем жить. Может, ещё всё успокоится... Мы его к себе перевезём. Карточку сделаем на керамике. Я люблю, где он весёлый такой, в белой рубашке, смеётся...

От таких слов её мать понемногу успокаивалась и говорила:

— Нет-нет... Зачем тревожить. Там все свои рядом лежат. Может, кладбище не тронут. Кому оно мешает, оно хорошее...

И вставало в глазах кладбище, на нём — могила мужа. Разом вспоминался посёлок, где прожили век. Посёлок, его улицы, родной дом, в котором столько лет прожили. А теперь — бросили, обрезав прошлое. Сердце болело.

— Ладно, ладно... Пусть там лежит. Может, не тронут кладбище. Оно — не мешает. Чего там, лишь — кресты. И может, всё ещё успокоится. Будем приезжать, проведывать.

Мать засыпала ли, задрёмывала. Дочь, отстраняясь, глядела в окно, но видела там не день нынешний — пустыню, серое небо, а прошлое — посёлок, в котором родилась и выросла, вышла замуж, построила свой дом, детей родила. Казалось, всё так и будет течь непрерывно: дети вырастут, заживут своими семьями, построят свои дома, появятся внуки... А потом вдруг всё сломалось, Советский Союз распался — и началось страшное: грабежи, убийства, слёзы, кровь. Слава богу, вовремя успели уехать, детей увезти и притутиться успели в России, домишко купить, найти работу.

Конечно, надо было подниматься всем вместе, разом, не оставлять отца с матерью. Но пожилые люди — премудрые. А может, просто у них корни глубже. Отец всё надеялся, говорил: «Переждём... Это пройдёт...» Не прошло.

Отец, его смерть, похороны, свежая могила — всё это теперь было рядом. Как слёзы сдержать...

Боясь потревожить мать, женщина выходила из купе, и плакала в коридоре.

В этом поезде привыкли к слезам, и можно было плакать не таясь, притулившись к вагонному окну, чтобы не мешать проходящим людям.

Можно было, не таясь, поплакать, а потом вернуться в своё купе, к матери, которая дремала ли, спала, и тоже прилечь. Позади были тяжкие ночи и дни. Тело и душа просили покоя.

Обедать собрались лишь к вечеру, когда стало смеркаться. Не просто чаю попить да перекусить, а по-настоящему пообедать.

На железной плите в вагонной кочегарке разогрели борщ, мясо, нарезали полную миску зелени, залив её пахучим маслом. На бряканье посуды и запах осторожно заглянула в купе соседская девочка-невеличка. Её позвали: «Заходи...» Дня хватило понять, кто она и что с ней.

— Заходи. Хочешь — садись с нами пообедай.

— Хочу.

Прежде чем усадить гостью за стол, повели её к умывальнику и как следует отмыли грязные руки, заодно и лицо.

— Мылом, мылом... — мягко напомнила женщина.

— Умывался без конца, — с готовностью продолжила девочка. — Смыл он ваксу и чернила с неумытого лица.

Умытая, причёсанная, белобрысая девчушка, с белым же хвостиком волос на затылке, засветилась, словно свежая редисочка из грядки.

*Будем, будем умываться
По утрам и вечерам! —*

звонко читала она по дороге из умывальника и смолкла лишь над едой.

Девочка хлебала борщ жадно, пригнувшись к миске и по сторонам поглядывая, будто боялась, что остановят её.

Женщины смотрели на неё с печалью. Младшая погладила, успокаивая:

— Не торопись, не спеши, моя хорошая... Хлебушко кусай, жуй... не спеши.

Опорожнив миску, девочка удовлетворённо вздохнула. Светлые бисеринки пота выступили на лбу и носу.

*А у нас на сеновале
Две лягушки ночевали.
Утром встали, щипоели
И другим поестъ велели.*

Потом она ела жаркое и зелень, осваиваясь и рассказывая о себе прежде, чем её стали спрашивать, уже привыкнув к расспросам.

— Мы с бабушкой тоже борщ варили. Каждый день. Когда я жила в Арагаче, у дедушки. А потом дедушку убили, а бабушка сама умерла, и всех похоронили. Мама меня забрала, мы на вокзале жили, а там варить негде, там не разрешают. В чай мне много надо сахара класть, потому что я привыкла с мёдом. У дедушки много было пчёл. Наверно, сто, и много мёду.

Она осваивалась и оживлялась всё более, становясь милой разговорчивой девчушкой, под щебет которой уже не думается о плохом, а вспоминаются свои дети, какими были они в такой вот поре. Но свои, слава богу, росли в пору покойную, от горького их увезли. А эта нет-нет да щебетала: «...они стрельнули... стрельнули, он упал насовсем! Мы его закопали...» Но это поезд был такой, в каждом купе — беда: «У нас в Гиссаре... В Канибадаме... в Чорух-Дайроне...» Поезд такой, время такое.

Девчушка оказалась — живость сама. Тарахтела без умолку:

*Шли бараны по дороге,
Промочили в луже ноги.
Стали кашлять и чихать,
Стали ноги вытирать.*

— Какие хорошие стишки ты знаешь! — удивлялись женщины.

— Это меня дедушка научил, он много стишков знал. Он учителем был в школе.

*Паровоз по рельсам мчится,
На путях котёнок спит.
Паровоз остановился
И котёнку говорит...*

А потом она неожиданно, прямо за столом, уснула, уронив голову на руки. Её уложили. Старшая женщина прикрыла девочку своим пуховым платком.

— Вши, наверное, есть... — вслух подумала дочь.

— Чего ж теперь... — со вздохом ответила ей мать.

А за стеной, в соседнем купе, не утихала гульба. Но женщины к ней уже привыкли, словно к стуку вагонных колёс. А про девочку там, конечно, не помнили. Поздно вечером, встретив хмельную мать в коридоре, младшая из женщин сказала ей:

— Ваша дочка у нас. Заснула.

— Шалается. Вот привяжу её...

— Нет-нет... — испугалась женщина. — Пусть поспит. У нас — тихо. Никому она не мешает.

Ответ был коротким:

— Хоп.

— Вот тебе и хоп... — вздохнула женщина, возвращаясь в своё купе и передавая разговор своей матери.

— Пусть спит возле меня, — ответила мать. — Не мешает. Всё равно буду лишь дремать по-комариному.

— Чего? — спросила дочь. — Боишься, что ли?

— Боюсь, — призналась мать. — Как не бояться. Жили-жили...

Она смолкла, опасаясь чужих ушей. На груди её, под платком, в самодельной клеёнчатой сумочке, хранились все деньги, какие удалось выручить зажиточной мамаше, дом, корова. По нынешним временам — немного. Отдавали чуть ли не задаром, но всё же... Спасибо и на этом. Другие вовсе ни с чем уезжали.

Дочь её понимала. Вслух поминать о деньгах было нельзя. И потому стали говорить словно о другом, в душе договаривая.

— Паша в обдергайке бегают. А зима — вот она. Не замёрзну, говорит, мама. Молодой ещё.

— Первым делом надо, — соглашалась мать. — Здоровье потом не воротишь.

Это они говорили про тёплую одежду для сына и внука, какой теперь в институте учился, на врача. Первым делом его нужно было в тёплое одеть и обуть.

— С сеном, говоришь, плохо?

— Плохо. Не было дождей.

— Значит, коровы дешёвые. Стельную надо брать.

— Возьмём. Как без коровы...

А девочка спала и спала. Утром проснулась и зазвенела:

*Спит или купается,
Всё не раздевается.*

— Кто это, отгадайте?

— Ты. Спишь и не раздеваешься.

С девочкой в купе сделалось веселее. Появились заботы. Колготки, носки на ней были заношены до дыр, а на бельишко и вовсе смотреть срам. Кое-как, но постирнули в умывальнике, в кочегарке над печкой высушили; и старая женщина целый день штопала да латала, добро, что мешочек с лоскутами да катушками ниток везла с собой.

— Что ты всё тянешь, бросай... — припомнила она дочери её попреки. — А вот и пригодилось моё имение. Найди такой лоскуток... Это самое дорогое, что у меня осталось, — призналась она. — Торбу эту по ниточке, по клубочку всю жизнь собирала, да альбом с фотокарточками. Вот и всё...

— У нас тоже был альбом. Дедушка сам фотографировал, — похвасталась девочка. — Много-много фотокарточек. Покажи... Я люблю смотреть фотокарточки...

Устроились совсем по-домашнему: неторопливая штопка, у старой женщины очки на носу. Руки привычным делом заняты. Рядом — девочка с альбомом, фотографии переключает.

— Это кто? — спрашивает. — А это кто?

Старая женщина глянет поверх очков, объясняет:

— Это моя мама-покойница, царствие ей... А это младшего брата семья, Васи. Они на Дальнем Востоке живут. Он моряком был, плавал всю жизнь. Весь свет повидал... А это вот она в девушках, ещё молодая, — кивала на дочь. — А это...

Листались и листались неторопливо страницы альбома...

— А это кто?

— А это наши соседи, хорошие люди, немцы. Они в Германию уехали. Как началось всё, они уехали.

— А я тоже в Германию поеду, — объявила девочка.

— Куда-куда?

— В Германию, а может, в Америку. — И чувствуя, что ей не верят, горячо принялась убеждать: — Да-да... Меня в Америку продадут. Там дети нужны. Там люди бездетные. Турсун знает таких. Они в Москву приезжают. И я с ними уеду. А потом мама, если захочет, будет в гости ко мне приезжать. И вы тоже приезжайте.

Женщины переглянулись. Старшая погладила девочку по светлой головке, тронула хвостик косички с голубой ленточкой, которую нынче вплели. В той же торбе её нашли.

Позднее, когда девочки не было в купе, немолодой мужчи-
на, который почти не слезал с верхней полки, свесил оттуда
голову и сказал:

— А ведь такая мама и продаст. Только не в Америку, а
поближе... Не приведи господь куда... Гуляют... — вздохнул
он, прислушиваясь к пьяному гаму за тонкой стенкой. — А
на что-то ведь гулять надо.

Поезд стучал и стучал колёсами, пересекая огромную пу-
стыню. За окном не за что было зацепиться взглядом.

Мужчина сказал и спрятался на своей полке.

А сказанное осталось.

Старая женщина спросила у дочери:

— Неужто и вправду? Или так, мелет...

— В газетах пишут всякое... — пожала плечами дочь. — А
то ты не читала.

Старая женщина и читала, и слыхала про всякое. А теперь
это рядом, воочию. Вот она — девчонушка, горькое дитё...
Что её завтра ждёт?

— Господи, до чего мы дожили, — вздохнула старая жен-
щина, — дитя продавать, как поросёнка... Надо бы ещё на
вес... — И тут же вспомнила мужа: — Ушёл, кинул меня...
Лучше бы мне помереть. И осталась бы там...

Она заплакала. Началось обычное: дочь пересела к ней
ближе, стала успокаивать. И потом плакала сама. Спасибо,
что объявилась девчужка. При ребёнке слёзы лить — грех.

К вечеру, улучив момент, когда мать девочки маялась в ва-
гонном коридоре от безделья ли, от похмелья, зазвали её в купе.

— Заходи. Здесь твоя дочка.

— Бродит, поблуда...

— Не ругай её, — заступилась старая женщина. — Нам
скучно, а она нам песенки поёт. Почаёвничай и ты с нами.

— У меня от чая одышка, — отказалась гостя, женщина
ещё молодая, но по лицу было видно: пожито и попито.

Её поняли, нашли угощение покрепче, которое хранили
«для случая» в плоской бутылочке с винтовой пробкой. Но
предупредили:

— Спирт.

— Булькоты меньше, — одобрила гостя.

Она выпила и сразу помягчала, обняла дочку.

— Это я за упокой, — сказала она. — Схоронили мы деда с
бабкой... Всех схоронили...

— А куда же теперь? Работа, жильё есть?

— Ничего у нас нету. В Москву едем. Правительство обя-
зано помочь. А может, в Сибирь. Подруга там, зовёт. А может,
назад вернёмся. Квартир много разбитых. Бросают, бегут...

— С девочкой трудно... — посочувствовали ей. — Одной-то полегче устроиться.

— Была бы одна, ушла бы в рейс. Я в рейсы, в загранку ходила. А с ней...

— Отдай её нам, — неожиданно сказала старая женщина. И дочь её подержала:

— Отдай. Пока ты устроишься с жильём, с работой. Это — колгота да маета. А она — дитё. Пусть у нас поживёт. Мои дети — уж взрослые. Кусок хлеба да угол есть. Мы с мамой приглядим за ней. А как устроишься, заберёшь. Поедешь с нами, дитё?

— Поеду, — ответила девочка.

— У нас ей хорошо будет. Мы корову заведём, привыкли с коровой. Молочко парное будет пить.

Мать девочки внимательно поглядела на женщин, переводя взгляд с одной на другую. Простые их лица, простая одежда поведали ей больше, чем бесхитростные речи.

Свежий хмель уже ударил в голову, и она сказала многозначительно:

— Я её лучше устрою.

Женщины поняли.

— Спаси и сохрани, — прошептала старшая.

— Спаси и сохрани, — повторила за ней дочь и продолжала горячо: — Она же — кровинка твоя... Кому? Куда? В какую сторону?

— В какую надо... — Гостья по-хозяйски налила себе ещё спирту, выпила теперь уже с тостом: — Хоп! — и сразу поднялась.

Но, выйдя из купе, она поманила за собой младшую из женщин. И в коридоре сказала ей:

— Тысячу долларов. Все документы есть. Свидетельство и медицинская карта. Только втихую. Чтобы мой абрек не слышал. Поняла?

— Да где же... Да что ты... — всплеснула руками женщина.

— Тогда нечего и рот разевать.

Отрезала и пошла коридором, на ходу закурив.

Часом позже в соседнем купе снова началась гульба. А мать с дочерью, устроившись друг возле друга, шептались и шептались, плакали и снова шептались:

— Господь с ними, с деньгами... Чем казнию потом принять всякий день... Душа будет на покое... Сколь потеряли, сколь бросили... Чего жалеть... Здоровья бы дал Господь, остальное будет... Господи, Царица Небесная...

И снова плакали, и снова шептались.

Поздним вечером слез с верхней полки попутчик — мужик немолодой, серьёзный.

— Вот что, бабоньки, — сказал он. — Всё я слышал, всё я понял. Сейчас я вам напишу бумагу, если решитесь, дадите ей подписать, этой мамане. И я поставлю свою подпись и свой адрес, чтобы вам завтра не сказали, что вы девочку украли. Какая-никакая, а бумага, доказательство... В случае чего, мы — свидетели.

— Спаси тебя Христос, добрый человек... — вздохнула старшая.

Бумагу он составил и посоветовал:

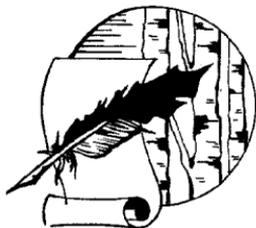
— Не дожидайтесь Саратова, сойдите в Урбах. А к себе — астраханским. Там ходят поезда.

Ночь не спали. За окном ещё не серело, когда приготовили деньги и младшая пошла в соседнее купе, в тёплую вонь его, растолкала мать девочки и привела к себе.

Часом позже поезд встал на станции Урбах. Среди сошедших были две женщины со спящей на руках девочкой, укутанной в тёплый пуховый платок

А на рассвете, на станции следующей, сошла с поезда мать девочки, оставив в купе храпящего своего спутника.

Поезд пошёл дальше, теперь уже по России. Вослед за ним, пересекая великую степь, спешили другой и третий. И так всякий день. На станциях, на вокзалах даже теперь, поздней осенью, былолюдно. Ехал народ и ехал.

Наталья РОЖКОВА

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ВЕСНЫ

* * *

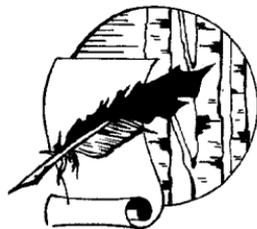
Смола на рукаве —
Тяжёлая, как мёд,
А я лежу в траве,
И мимо жизнь идёт.
Пусть, быстрая, спешит,
Как бабочки полёт,
Ничто не защитит,
Никто не позовёт
Средь шорохов лесных...
И чувствую не зря,
В последний день весны —
Дыханье сентября.

* * *

Когда хоронила я маму
в гробу ярко-синем, как море,
и в платье, таком же красивом,
похожем на цвет её глаз...
Когда хоронила я маму
в осеннее тёмное утро,
мне рядом отца не хватало,
умершего светлой весной.

БЕССОННИЦА

Мне кажется, лопнула где-то струна,
А в этом ли мире — не знаю.
За поездом бешено мчится луна,
И белое поле — без краю.

Игорь КУНИЦЫН

ЗА ГРАНЬЮ ЛЬДИН

* * *

Война — наркотик круче героина.
Угрюмо смотрит старый генерал
На карту запылившуюся мира,
Которую давно не открывал.

«Вот здесь и здесь, — он думает с любовью, —
Мои стояли грозные полки».
На крестики, заляпанные кровью,
Ладони генеральские легли.

«Я был отцом и другом для солдата,
Кошмаром был и адом для врага!
Но всё прошло, кругом сплошные НАТО,
ООН, Гринпис, лосиные рога.

Что ни вражда, то стол переговоров.
Да в наше время этим бы столом
Топили печь в землянке. И... позором
Считалось разговаривать с врагом».

На стол упала трубка генерала,
По карте покатались угольки...
В пыли дорог за ним бредут устало
Его непобедимые полки.

НОСТАЛЬГИЯ

На Двине сейчас привычный ледоход,
А в Москве у нас всё пахнет и цветёт.

Загорать на травку ляжет человек,
А в Архангельске ещё чернеет снег.

В интернет полезешь, глупый дурачок.
Над Двиною установлен веб-зрачок.
Он не видит, как растроган ты и пьян,
Как заляпанный ты трогаешь экран,

Как очерчиваешь пальцем грани льдин,
Из гранёного стакана дуешь джин,
Наблюдаешь за ломающимся льдом
Со скривившимся зарёванным лицом.

* * *

Переехал я, и что же?
Зиму с севера привёз.
Спотыкается прохожий,
От мороза не тверёз.

Фонари стоят в отключке,
По утрам лопаты скрип,
Птичьих лапок закорючки,
ОРЗ, простуда, грипп.

Город спрятан белым паром.
Представляешь, снег и пар!
С днём безоблачным! Задаром!
Согласись — бесценный дар.

* * *

С детства верилось мне почему-то,
Что настанет такая минута:
Кубик Рубика я соберу
И уже никогда не умру.

А точнее, никогда не состарюсь.
Я от мысли во сне просыпаюсь,
Что сложил ещё две стороны.
В девяностых не станет страны.

Полетают цветные наклейки.
Кубик Рубика, гвозди и змейка

Переедут в игрушечный рай.
Ну а ты в своё Денди играй.

И не спрашивай, где та планета.
В чёрном космосе прячется где-то.
По орбите кружит неземной
Кубик Рубика, брошенный мной.

* * *

Стоит альпинист на горе,
На землю глядит свысока,
А я в подмосковной дыре
Не знаю, что делать пока.

Тебе ль бороздить океан
И новые земли искать?
Ползёт по стене таракан,
Забавно за ним наблюдать.

Ползи, тараканий Колумб,
Исследуй окно и карниз.
Прославит твой подвиг ю-туб.
Лететь тебе, гордому, вниз.

Э-эх, таракан, таракан,
Не знаю, что делать пока.
Упасть ли ничком на диван?
Ловить ли сачком облака?

Шуршит тараканья родня
За плинтусом, ждёт своего
Героя, глядит на меня,
Чего-то боится. Чего?

* * *

Через парочку веков,
Может, раньше на полвека,
Станет мир вокруг таков,
Что взгрустнётся человеку.

Он захочет закурить,
Лишь подумает про это,

И в руке начнёт искриться
Цифровая сигарета.

На скамеечку присядет
И тайком стакан нальёт.
На пустую руку глядя,
Он подумает, что пьёт.

Скажет умная программа:
«Осторожно! Перепой!
Лишние четыре грамма.
Человек, пора домой!»

Вмиг исчезнет сигарета,
И бутылка пропадёт.
За короткой вспышкой света
Отрезвление придёт.

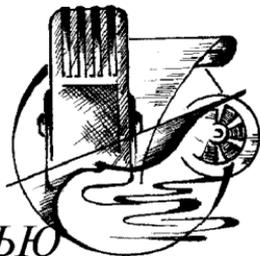
ВЕТО НА ОТМЕНУ СОВЕСТИ

— *Вазген Липаритович, нет ли противоречия в ваших тезисах о выгоде высокосерийного производства в мировой торговле и необходимости импортозамещения для стран Евразийского Союза. С одной стороны, как экономист, вы подчеркиваете, что мировая торговля предоставляет возможности, которых нет и неоткуда взяться у замкнутого производителя. С другой — настойчиво советуете минимизировать контакты с подконтрольными НАТО рынками планеты...*

— Ценю простоту, поэтому давайте так: вы, Анна, картошку покупаете или выращиваете?

— *И так, и так бывало...*

— Вот видите! Значит вы в рамках семейного бюджета знаете, что такое мировая торговля и что такое импортозамещение. Согласитесь, нельзя сказать раз и навсегда: картошку всегда выгоднее покупать или всегда выгоднее выращивать. Зависит от обстоятельств. Решение принимается взвешиванием доводов. Бывает, что проще вырастить —

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

или наоборот, в магазин за ней сходить... Но если вы точно знаете, что в магазине вас поджидает шайка ваших врагов, готовящих ваше убийство? Тогда как? Пойдете в магазин?!

— *Неожиданный детективный поворот...*

— Я так думаю, что в магазин, где вас ждут убить, — ходить за картошкой не стоит. Понимаете? И мне кажется просто бред — обсуждать качество, цену картошки в этом магазине... Тут уже кончаются прикидки хозяйственного толка и совсем другие действуют доводы. Можно попытаться найти другой магазин, или вырастить самому, или вообще обойтись без картошки, но... Думаю, продолжать нечего, вопрос исчерпан. Как и вопрос о мировой торговле для России.

— *Вы полагаете, Россию сознательно стремятся уничтожить?*

— Я — аналитик, и я не могу иначе истолковать всю совокупность фактов, которые имею. Если вас много раз пытались убить — можно ли сказать, что вас хотят убить?

— *А много раз пытались?*

— Геноцид сербов исключительно за их культурно-языковую близость к русским. Геноцид русских в Приднестровье в 1992 году. Обезязычивание и обесправливание русских в Прибалтике — вопреки всем действующим европейским законам о языках, народах, запрете национально-расовой дискриминации и т.п. Геноцид русских в дудаевской Чечне, управлявшейся из ЦРУ. Экономический геноцид русских в России при Ельцине, признанный большинством Госдумы РФ и управлявшийся американскими советниками... Геноцид русских в наши дни на Украине... Везде — где руки не коротки — русских или убивают, или, в самом «гуманном» случае — переделывают в эдаких «потурченцев», в «янычар» — не только заставляя забыть свои корни, но и заставляя их ненавидеть! Говорить в такой ситуации о какой-то «спорности» планов уничтожения русских — я считаю, аналитику просто неприлично...

— *Вазген Липаритович, чем мешает миру Россия, и почему её постоянно пытаются расчленить и уничтожить?*

— Говоря очень кратко: Россия накладывает вето на давно созревшее решение западных держав о полной и окончательной отмене морали. Решили, что людей много — экологии тяжело. Решили убить 5—6 млрд. человек. Для них в этом отношении нет ни моральных проблем, ни технических. Но как только они начинают — влезает Россия со своим вето. Постепенно приходит понимание, что с этой «страной совестливых» надо кончать. Потому что эта страна сорвала геноцидов восемь-девять только за последнее десятилетие, не счи-

тая предыдущих! Она член Совета безопасности ООН, у неё планетарные вето-полномочия — и она везде суёт свой нос. Плюс мощнейшая армия и ядерное оружие. И вот она — фактически, в одиночку (Китай иногда присоединяется, «выдержавшись») — накладывает вето на полную отмену морали в международных отношениях...

— *Зачем Западу нужна полная и безоговорочная отмена морали и нравственности? Ему-то какая выгода во возвращении вселенского Содома?!*

— Поясняю на пальцах: цель — уничтожить 8/10 населения планеты. Мотивация — иссякают ресурсы, некуда наращивать потребление, «пределы роста». Вы почитайте — это же вполне официальная американская государственная доктрина, она в свободном доступе! Как вы думаете, можно убить 8/10 населения Земли, если перед этим не отменить «древних химер» морали, совести и религиозных заповедей?

— *Я думаю, совершенно невозможно... Палачам будут кошмары сниться...*

— Вот вы сами и ответили на свой вопрос! Чтобы сохранить ресурсы — надо уничтожать население, чтобы уничтожать население с американским размахом (как мы это видели в разных частях света) — нужно отменить совесть. Не просто временно отключить или заблокировать, а отменить как таковую. Для этого и нужен Содом — говоря словами вашего великого русского провидца Достоевского, «одно или два поколения разврата, разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую трусливую, жестокую, себялюбивую мразь». Людей превращают в животных, главным образом, чтобы отнять у них логику, чтобы они верили всему, что видят — а видеть они будут только экраны телевизоров. Потому что бессовестность Запада устала жить в условиях подполья и дергать за ниточки своих марионеток по ночам, она хочет легализации, хочет выйти в свет рампы, официально провозгласить свой абсолютизм — и чтобы никто не пикнул. Аморализм устал от ношения маски морали, он хочет снять маску, показаться истинным своим лицом — но так, чтобы лица этого никто не испугался. А это сложно, в высшей степени сложно, ибо мораль засела в человеке очень глубоко, и все её потравы любыми кислотами постмодернизма — поверхностны. Люди Запада уже готовы верить любой клевете, но даже они ещё не готовы открыто провозгласить добродетель пороком и наоборот. Особенно это сложно, когда есть Россия — страна, которая привычна к противостоянию с Западом, и, что очень важно, способна выдержать это противостояние. Стоит начать реализовывать план зачистки

человечества на планете — и миллиарды потянутся к России, как к естественной альтернативе этого плана. Всё будет сорвано. Совесть и стыд, как понятия, нельзя отменить в пределах отдельно взятого НАТО: это сыграет на руку противнику НАТО. Совесть нужно отменять повсеместно, а у России — право вето, и весь механизм зачистки человечества из-за неё одной (каких-то там 140 миллионов человек, меньше Бангладеша!) — заклинил. Представьте себе ярость людей — которым давно уже принадлежит почти вся планета. Людей, которым повинуются миллиарды безвольных рабов. Людей, которые давно решили, что будут делать, и хорошо обдумали своё решение. Людей, у которых есть дорожная карта и расписанный по пунктам план — как, кого и сколько они будут зачищать первым этапом, вторым, и так далее... И вдруг — какие-то 140 млн. человек — встают поперек всего! Как говорится: «А баба Яга против!» Срываюся сроки планетарного плана, срываются замыслы, уходит в могилу поколение, видевшее себя жрецами новой эры...

— *Я думаю, они очень сердятся...*

— Не то слово! Ведь между ними совесть в международных отношениях и в судах давно отменена. Очень удобно: какую бы гадость ни сделал — тут же сам себя и оправдал. А тут сбоку-припёку Россия. Для русских совесть — это не «то, что босс считает выгодным», а нечто твердое. Очень неудобно. Боссу, например, выгодно выжечь город и назвать это победой демократии, и вполне по силам, если бы никто не мешал, а тут русские... И говорят, что сожжение города или вырезание народа никакого отношения к победе демократии не имеют! Как бы ни был циничен и изворотлив Запад — с таким присяжным заседателем ему приходится считаться. Возникает большой дискомфорт: все черные дела на любом из континентов приходится делать с оглядкой на Россию.

— *Получается, что...*

— Что Россия — это фактор, превращающий власть мировой Бессовестности из самодержавной в конституционную! Это как парламент при тиране. Он вообще всегда тирану мешает, но особенно мешает, когда задумано что-то адски, запрительно нечеловеческое. Такое, как ликвидация большей части людей, потому что они много едят и сжирают планету...

— *Что бы вы, Вазген Липаритович, сказали про западную демократию?*

— То, что все одеваются по моде своего века. В XX веке не было ни одного Гитлера, ни одного Пол-Пота, который не уверял бы, что избран народом, контролируется народом и проводит волю народа. Поэтому и американский тоталита-

ризм, не придумав ничего нового, повторил главный миф своего столетия... Однако я не Вышинский, и для меня признание — не царица доказательств; мало ли что люди сами про себя расскажут? По фактам же в США не только нет демократии, но нет даже и мягких форм авторитаризма, свойственных устойчивым режиссам типа брежневского... На самом деле на Западе наступает эпоха Оруэлла. Важно подчеркнуть, что Оруэлл писал про Запад! Литературоведы подчеркивают, что в жутком мире, созданным Оруэллом как прогнозистом, Оруэлл видел будущее Англии, а вовсе не Советского Союза. И он не ошибся. Современное состояние США таково, что не только применение морали, но и даже простое понимание, что такое мораль, давно утеряно. Идет наглое и циничное насаждение руководящих кадров, заточенных под Великий Геноцид. Руководителями государств насаждаются гориллы, у которых ни одна мышца не дрогнет, когда придёт приказ о ликвидации 90% населения. А он придёт — если уже не пришёл. Ручаюсь. Американский экологический фашизм — страшная вещь, и планов тотального сокращения населения планеты никто не отменял и даже не критиковал на западной стороне.

— *Кого вы видите в роли мясников грядущего Великого Геноцида?*

— Далеко ходить за примерами не нужно. Прежде всего в памяти всплывает Петр Порошенко. Его посадили во власть с таким хрустом беззакония, что американская юстиция, давно уже мертвая и перед смертью всякое выдавшая, и та перевернулась в гробу. У мировых СМИ начался горячечный воспалённый бред: вот он, избранник народа! Такое может быть? Если такое может быть — тогда Луна из чугуна. У всякой лжи должны быть какие-то границы, человечество же дрессируют под безграничную ложь, под мир, в котором всё соткано из вранья, а объективной реальности вообще не существует.

— *Вы считаете, что избрание Порошенко — яркий пример перехода в мир антиутопии оруэлловского языка?*

— Да, это так. Чего не знали «избиратели» Порошенко? Что он олигарх, вор, склизкий от крови мародёр приватизации, путчист, предатель своей (еврейской) нации и самозванец, и американский шпион и просто дерьмо? Кому это не было известно в мире — поднимите руку! Кто этого не знал?! Наоборот — для чистоты эксперимента американцы сами же потрудились донести это до каждого: вот, всё это так, но никуда, твари не денетесь! Наша воля есть, а вашей нет! Надо будет — вы у нас за Чикатиллу, за Джека Потрошителя про-

голосуете — причем на предвыборных плакатах они будут разделять жертв, чтобы подчеркнуть преимущество нашей воли над вашей! Но всех уверяли, что вот, мол, выбор народа, прозрачное голосование, подавляющим большинством в первом туре... Можно производить геноциды и называть их «вакцинациями», можно расстрельный подвал выдавать за роддом, а младенцев кидать в клетки к тиграм под запись на видеокамеру, и диктор объяснит, что это развивает толерантность... Язык Оруэлла победил на Западе полностью, безоговорочно и окончательно. Слова сперва обесмыслились, а потом обрели противоположный прежнему смысл. Состояние мира Америка будет теперь называть войной, а состояние войны — миром.

— *Этому и мешает Россия?*

— Да, как последний бастион мира.

Беседовала Анна Курганова

ДОЛЛАР И ВОЙНА

Доллар США уже много раз хоронили, но он все еще жив. Накануне развала Бреттон-Вудской валютной системы доля доллара в мировых валютных резервах приближалась к 80% (1970 г. — 77,2%; 1972 г. — 78,6%). Затем, после перехода к Ямайской валютной системе, она постепенно снижалась и в 1995 году достигла минимальной отметки в 59%. На волне финансовой глобализации позиции доллара вновь укрепились (в 1999—2001 гг. его доля достигла 70—71%), но потом наметилось новое снижение удельного веса доллара в валютных резервах мира — до отметки ниже 61% в 2014 году. Тем не менее это больше, чем показатель 1995 года.

По данным Банка международных расчетов, в апреле 2010 года доля доллара в операциях на мировом валютном рынке была 84,9%, но в апреле 2013 года она возросла до 87. Для сравнения: доля евро за этот же период упала с 39,1 до 33,4%. Диспропорция между позициями доллара в мировых финансах и позициями США в мировой экономике бросается в глаза. Доля США в мировом ВВП сегодня примерно 20%. Китай уже обошел США по

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

объему ВВП (при расчете по паритету покупательной способности валют), но доля юаня в операциях на мировом валютном рынке составляла в апреле 2013 года всего 2,2%. Точных данных о доле юаня в мировых валютных резервах нет, но эксперты оценивают, что она не намного выше 1%.

Эти диспропорции очень напоминают мировую экономическую панораму конца XIX — начала XX в. В те времена произошла перегруппировка лидеров мировой экономики. На первое место по объему промышленной и сельскохозяйственной продукции вышли Соединенные Штаты. По некоторым позициям на второе место стала выдвигаться Германия. А Великобритания, которая на протяжении большей части XIX в. имела статус «мировой мастерской», начала откатываться на третье место в мире. Вместе с тем британский фунт стерлингов по-прежнему оставался мировой валютой, которая выполняла функции резервного средства и средства международных расчетов. Вот структура мировых резервов по видам валют накануне Первой мировой войны: в 1913 году (%): фунт стерлингов — 47; французский франк — 30; немецкая марка — 16; доллар США — 2; прочие валюты — 5. Как видим, доля доллара США была крайне незначительна. Диспропорция между уровнем экономического развития США и позициями доллара в мировой финансовой системе была примерно такой же, как сегодня диспропорция между экономическим развитием Китая и позициями юаня.

Мировым банкирам, сделавшим ставку на доллар, сто лет назад понадобилась мировая война, чтобы доллар мог занять место под солнцем. На излете 1913 года Конгресс США под сильным давлением со стороны «денежных мешков» проголосовал за создание Федеральной резервной системы, которая приступила в 1914 году к выпуску доллара как единой валюты США, а через полгода началась мировая война. Война изменила соотношение сил ведущих держав и их валют. В 1928 году распределение мировых валютных резервов выглядело следующим образом (%): фунт стерлингов — 77; доллар США — 21; французский франк — 2. То есть фунт стерлингов, несмотря на резкое экономическое ослабление Великобритании, не только не ослабил свои позиции, но даже дополнительно укрепился. Доллар США увеличил на порядок свой удельный вес по сравнению с 1913 годом и уверенно занял второе место. Другие валюты-конкуренты сошли с дистанции. Чтобы окончательно победить британский фунт, хозяевам ФРС пришлось подготовить и провести еще одну мировую войну, после которой доллар был приравнен к золоту и стал, по сути, единственной мировой валютой.

Формально позиции доллара в мире в настоящее время очень неплохие, но главных акционеров Федеральной резервной системы не может не смущать то, что диспропорция между ВВП США и позициями доллара увеличивается. Доллар становится все более неустойчивым. При желании несколько крупных стран могут скоординировать свои усилия, объединить ресурсы, начать сброс долларовых резервов и обвалить доллар. Однако сила хозяев ФРС в том, что они всегда умели действовать с упреждением. Вот и сейчас есть много признаков того, что они предпринимают практические шаги по защите доллара и, в первую очередь, по подготовке большой войны. Причин для развязывания такой войны у «хозяев денег» (владельцев печатного станка ФРС) несколько.

1. Хозяевам печатного станка надо поддерживать спрос и цену на свою продукцию. Добровольное «бегство за долларом» в Европе закончилось более полувека назад. Рациональных экономических стимулов приобретать доллары в мире не просматривается. Ведь долларовая масса, сходящая с печатного станка ФРС, сегодня во много раз превышает всё, что создается в экономике США. А золотые резервы США, хотя и самые большие в мире (более 8000 т), покрывают лишь доли процента всей массы «зелёных». Остаётся одно: навязывать всему миру «товар», производимый Федеральным резервом, силой. Единственным обеспечением доллара сегодня являются Вооруженные силы США, главная функция которых — обеспечивать поддержание спроса на «зеленую бумагу». В США классический военно-промышленный комплекс (ВПК) уже давно трансформировался в военно-банковский комплекс (ВБК).

После развала Бреттон-Вудской валютной системы на ее место пришла Ямайская валютная система, которая является системой нефтедоллара, поскольку в 1970-е годы произошла привязка доллара к черному золоту (нефть стала торговаться исключительно за доллары). Нефть до сих пор остается фундаментом долларовой системы. Хотя Америка сегодня уже почти не зависит от импорта нефти, но она контролирует нефтедобывающие страны. Цель контроля — не допустить перехода в торговле черным золотом на иные, чем доллар, валюты. Для этого Вашингтон прибегает при необходимости к военным операциям в регионах нефтедобычи. Прежде всего, на Ближнем и Среднем Востоке. Муаммар Каддафи был свергнут и зверски убит только за то, что сначала в расчетах за нефть перешел с долларов на евро, а затем планировал перейти на золотой динар.

2. Когда курс доллара США начинает падать, Америка включает все рычаги для укрепления слабеющего доллара

(операции по дестабилизации политической ситуации в разных частях мира; гражданские и региональные войны). На этом фоне Америка, несмотря на ее всё большую экономическую деградацию, превращается в искусственный «остров стабильности». Капиталы из разных уголков мира начинают устремляться в Америку, повышая курс «зеленой бумаги». Зачем Америке нужен высокий курс доллара? Ответить несложно.

Во-первых, США получают возможность дешевого импорта, обеспечивающего внутреннее потребление. Печатный станок вкупе с завышенным курсом американской денежной единицы — идеальное условие для существования государства-паразита.

Во-вторых, с помощью дорогого доллара Америка (вернее, хозяева ФРС) получает возможность скупать задешево по всему миру природные ресурсы, предприятия, недвижимость, другие активы. Сложившаяся долларовая система будет нужна хозяевам ФРС до тех пор, пока весь мир не перейдет под их контроль.

3. «Хозяевам денег» (главным акционерам ФРС) может потребоваться не только региональная, но и глобальная дестабилизация, то есть мировая война. Такая дестабилизация должна привести к взаимному уничтожению или, по крайней мере, ослаблению всех потенциальных конкурентов Америки. Вашингтону (вернее, Федеральному резерву) нужна исключительно моноцентрическая модель мира. Без большой войны эту модель не выстроить. Мировая война позволит решить многие экономические проблемы Америки, которые в ближайшее время грозят стать для нее критическими.

Например, государственный долг США в конце 2013 года уже составил 104,5%. А вот в Европе, которая уже несколько лет переживает долговой кризис, этот показатель ниже. По странам зоны евро в конце 2013 года он был равен 92,6%. Не менее острой для Вашингтона является проблема внешнего долга. В августе 2014 года относительный уровень этого долга достиг 107% ВВП. На обслуживание долгов приходится тратить всё большую часть доходов. Сегодня в расходах бюджета США проценты по государственному долгу невелики (около 7%), но ведь и процентные ставки в американской экономике в результате действия программы количественных смягчений (КС) были чисто символическими. Программа КС сворачивается, расходы на обслуживание государственного и всех других долгов резко увеличатся. В этой ситуации правящие круги США наверняка вспоминают историю столетней давности. Накануне Первой мировой войны

Америка занимала уже первое место в мире по промышленному производству, но при этом имела гигантский внешний долг (прежде всего, перед Великобританией). Первая мировая война кардинально изменила ситуацию. США стали крупнейшим чистым международным кредитором. В то же время их главные союзники по войне — Великобритания и Франция — стали крупнейшими должниками Америки. По итогам Второй мировой войны Америка сосредоточила 70% мировых запасов золота (без Советского Союза). Такое усиление США и позволило легализовать позиции доллара как мировой валюты (решения международной конференции в Бреттон-Вудсе в 1944 году).

В том случае, если США сумеют стать единственным бенефициаром третьей мировой войны, проблема старых ее долгов отпадет сама собой. Вашингтон сможет тогда в одностороннем порядке списывать со своего баланса долги других стран, произвольно определяя, какие из стран несут «вину» за войну. Денежные требования «виновных» стран к Америке аннулируются по определению, именно так поступили страны Антанты по отношению к Германии на Парижской мирной конференции 1919 года. Более того, Америка как победитель сможет обложить «виновных» репарациями и контрибуциями. Подобно тому, как это сделали страны Антанты на той же конференции в Париже в 1919 году.

Третья мировая война будет принципиально иной, нежели всё, что мир знал до сих пор. Она начнётся без официального объявления. И хотя мы до конца ещё это не сознаём, но такая война, скорее всего, уже началась. С использованием наемников (частные военные компании), с опорой на «пятую колонну» внутри отдельных стран, с активным применением технологий «майданов», подключением подконтрольных Вашингтону СМИ, объявлением экономических санкций и т.д. Эта необъявленная война ведется под флагом борьбы с терроризмом, «радикальным исламизмом», «российской агрессией», нарушением прав человека и т.д. и т.п.

В ходе такой необъявленной мировой войны «хозяева денег» (акционеры ФРС) будут решать накопившиеся проблемы доллара. Например, под флагом борьбы с терроризмом и «грязными деньгами» США могут провести «денежную реформу». Суть ее проста. ФРС выпускает новые доллары и организует их обмен на старую «зеленую массу». При этом предъявители старых долларов должны представить надежные доказательства законности их происхождения. Контрольные фильтры могут быть настолько строгими, что львиная доля старых долларов не пройдет «экзамен» и превратит-

ся в мусор. Так будет снята проблема «долларового навеса», давящего на дядю Сэма. Однако для США и этот вариант не идеален — одномоментное ограбление всего мира может подвигнуть другие страны на использование в международных расчетах своих национальных валют, создание региональных валют, полный отказ от доллара.

Поэтому в третьей необъявленной мировой войне могут быть использованы и другие экономические методы. Например, несмотря на то, что «зеленая масса» залила весь мир, покупательная способность доллара на товарных рынках достаточно высока. Никакой угрозы гиперинфляции не просматривается. Всё очень просто. Львиная доля всей продукции печатного станка уходит на финансовые рынки. Однако есть 101 способ свернуть или даже полностью ликвидировать эти самые финансовые рынки. Тогда вся «зеленая масса» хлынет на товарные рынки. Возникнет гиперинфляция, сравнимая с той, какую переживала Веймарская республика в начале 20-х годов XX века. В лучшем случае от покупательной способности нынешнего доллара останется 1%. Катастрофа? Как посмотреть. Ведь в этом случае у держателей триллионов долларов по всему миру на руках останется один мусор. Только у Китая золотовалютные резервы уже превысили 4 триллиона долларов, причем на «зеленую бумагу» приходится как минимум 1/3. После этого Америка проводит денежную реформу и вводит новый полновесный доллар. Примерно пять лет назад активно обсуждалась проблема возможного проведения такой «денежной реформы», только на место нового доллара тогда прочили денежную единицу под названием «амеро». Предполагалось, что это будет единая валюта трех стран — США, Канады и Мексики. Вариант замены доллара на «амеро» может еще быть реанимирован, но потребует очень серьезного силового обеспечения со стороны Вашингтона.

В любом случае рассчитывать на ослабление нестабильности в мире не приходится. Эта нестабильность — проявление слабости доллара и агонии хозяев печатного станка ФРС. Подобно раненому зверю они будут бороться до конца. Если еще недавно говорили о том, что Вашингтон насаждает в мире «управляемый хаос», то сейчас уже очевидно, что хаос становится неуправляемым. Впрочем, и первые две мировые войны закончились не так, как планировали начинавшие их банкиры.

БИЧ СЕКТАНТСТВА И ТРАГЕДИЯ УКРАИНЫ

Проблема сект во все времена являлась достаточно серьезной, а в современном мире, где информационные потоки объединяют людей в разнообразные сети, данная проблема стала особенно актуальной и значимой не только в социально-психологическом, но и в политическом плане.

Существуют различные определения сущности секты как феномена. Достаточно распространено понимание сектантства как процесса выделения малых групп из той или иной религиозной общности. Однако в настоящей работе мы рассмотрим феномен сектантства с психологической точки зрения и в политическом контексте (на примере нынешней Украины).

Согласно известному социальному психологу Д. Майерсу секта — «это «группа, обычно характеризующаяся: 1) особым ритуалом поклонения Богу или человеку; 2) изоляцией от окружающей «злой» культуры; 3) наличием харизматического лидера. (Ересь, в отличие от секты, есть лишь ответвление официальной религии.)».

В соответствии с данным подходом, мы можем рассматривать секту как некоторую социальную группу (численность ее может быть от трех до многих миллионов человек), которая противопоставляет себя окружающему миру на основе определенной системы иллюзий, скрепленной крайне высокой эмоциональной значимостью нахождения в данной группе для ее членов.

В этом контексте нам близко одно из определений секты, данное А. Дворкиным: «Тоталитарными сектами стали называться особые авторитарные организации, лидеры которых, стремясь к власти над своими последователями и к их эксплуатации, скрывают свои намерения под религиозными, политико-религиозными, психотерапевтическими, оздоровительными, культурологическими и иными масками».

Механизм вовлечения в секту

Рассмотрим алгоритм вовлечения индивидуума в секту. Представим себе человека, живущего в отчуждении от мира, потерявшего контакт с собственными эмоциями, психологически усталого и одинокого. Предположим, он наталкивается на объявление о «психологическом тренинге» и соглашается принять в нем участие. А тренинг ведет опытный специалист, который умеет применять такие групповые психотехники, посредством которых «вскрываются» глубинные чувства, прорываются вытесненные и даже отщепленные ранее переживания, возникает особое чувство искренности общения. Во время настоящего, созидательного психологического тренинга, который ведет ответственный ведущий, возникшие переживания интегрируются в структуры личности участников тренинга, так чтобы после него они могли выстраивать новые, более здоровые, чем раньше, отношения во внешнем мире. Как правило, ответственный подход требует и разъяснения сущности актуализировавшихся во время тренинга процессов.

В любом случае, профессиональный психолог всегда добивается того, чтобы тренинг завершился внутренней интеграцией, «собранием в кучу» каждого из членов тренинговой группы. Но если перед ведущим группы стоит задача создания секты, то он, запустив мощнейшие эмоциональные механизмы в участниках «тренинга», затем не только не работает над тем, чтобы помочь членам группы овладеть этими процессами и затем использовать новые возможности (коммуникации, эмоциональной саморегуляции, восприятия событий и т.д.) в обычной жизни, но, наоборот, создает ситуа-

цию, при которой эти процессы овладевают доверившимися ему людьми, и они находятся в положительном состоянии только во время самого «тренинга». Испытав «просветление», то есть заново обратившись к глубоким чувствам и непосредственному общению, человек после окончания такого «тренинга» вновь попадает в «серый и беспросветный мир», где не хочется жить. Более того, в этом человеке вновь актуализируются все страхи, обиды, вся бывшая ранее в бессознательном душевная боль. Это похоже на ситуацию, при которой врач, начав полостную операцию, затем не завершает ее, отпустив пациента с разрезанным животом и без дальнейшего приема анальгетиков. Естественно, в таком случае в индивидууме возникает сильнейшая тоска по «тому, настоящему», что якобы может дать только секта, в нашем примере замаскированная под психотерапевтическую группу. Он возвращается в группу, а там ему предлагают целую систему жизни, включающую в себя и «харизматичного лидера» (лидеров), и «новояз» (то есть некий особый выдуманный язык) и «систему знаний», выдаваемую за нечто «абсолютно новое» (так сайентологи-дианетики выдают за собственные открытия известные психологические теории и практики).

В большом количестве случаев после такого воздействия человек становится постоянным членом и донором (в финансовом, организационном и иных планах) сектантской группы, все в большей степени впадая в эмоциональную зависимость, отгораживаясь от «холодного и беспощадного мира», начиная думать на языке секты, подчиняться ей (ее лидеру или лидерам) во всем. Одновременно запускается механизм нездоровой регрессии (психологического возвращения к детскому состоянию). Регрессия стимулируется отождествлением с группой (психологическим «растворением» в ней) и множеством специальных техник образования «человеческой массы», в которой каждый возвращается к уровню, близкому к уровню обезьяны. Наверно, многие могли наблюдать данные процессы, при которых сектанты активно подпрыгивают, хлопают в ладоши, обнимаются и поют. Это характерно и для «пятидесятников», и для коллективов многих западных фирм (особенно сетевого маркетинга), и для «психологических групп быстрого развития». Активно начинают работать и другие защитные механизмы (самообманы) личности. Например, возникает иллюзия собственной значимости как члена «круга избранных и посвященных», свысока глядящих на «простецов», не знакомых с «подлинным учением». Очевидно, что к принятию такого рода иллюзий, равно как и к вовлечению в секту в целом, особенно склонны

люди с комплексом малоценности и обидой на мир, а также с рецептивной установкой («мне все должны»). И начинает новый адепт той или иной секты действовать как «винтик», принимая любые сумасшедшие идеи, отвергая самого себя, отрицая очевидные факты и т.д. Пытающихся же вразумить «новообращенного» сектанта родственников сектант с негодованием отвергает и считает их уже чуть ли не врагами.

Фальсификаторы истории

Данные выше описания алгоритма вовлечения в секту, в принципе, применимо к различным ситуациям. На наш взгляд, оно применимо и к ситуации по созданию секты под названием «бандеровская Украина».

Сделаем небольшой исторический экскурс. Как известно, до XVIII века слово «украинцы» не указывало на этническую принадлежность и применялось по отношению к пограничным землям и жившим либо служившим на них людям.

В электронной энциклопедии по поводу слова «Украина» можно найти следующие сведения: «В Северо-Восточной Руси, а позднее и во всём Русском царстве, это название применялось к самым различным пограничным областям («окская Украина», «псковская Украина», «сибирская Украина», «слободская Украина»), а на территории Речи Посполитой закрепилось в качестве имени собственного за юго-восточными рубежами государства».

Как пишет украинский исследователь Григорій Штонь, «в качестве этнонима пограничный термин «украинцы» появляется в литературном русском языке в первой половине XIX века (например, в стихотворениях Кондратия Рылеева), однако в творчестве Тараса Шевченко он ещё полностью отсутствует».

Жители современной Западной Украины вплоть до XX века считали себя русинами: «согласно переписи в Австро-Венгрии 1900 года, русинами себя считали почти 3 млн. человек, что составляло почти 90% населения территории современной Западной Украины» (М. Грушевский. История Украины-Руси).

Как отмечает украинский общественный и политический деятель Олег Царев, в том виде, в котором Украина существует в постсоветские годы, она изначально задумывалась еще в Австро-Венгрии как антирусский проект.

В свое время русинов и малороссов заставляли называть себя украинцами, искусственно противопоставляя России и русскому миру. Портал «Новороссия.org» приводит следующую информацию: «В музее Т.Г. Шевченко есть его паспорт и там чётко записано: «Православный» и «Малороссиянин!»

А в паспортах Ивана Франко и Леси Украинки (Косач) стоит запись «Русин» и «Русинка». А в универсале к казачеству Б.Хмельницкий пишет: «Я, потомственный русский шляхтич, повелеваю...» А.Г. Сковорода про себя написал: «Я босоногий русский философ». И. Франко в своём дневнике записал: «Меня сегодня кровно образили (оскорбили — польск.), меня обозвали украинцем, хотя все знают, что я — русин». Для сведения, до революции 1917 года украинцами называли себя только те, кто отрёкся от православной веры и перешел в греко-католики (униаты). Слово «украинец» означало не национальность, а принадлежность к религии.

То есть австро-венгерские и польские специалисты специально отрывали от русского мира его окраинную часть, «огнем и мечем», а также различными соблазнами принуждая русинов и малороссов обособлять себя от великороссов и белорусов, отделять себя от единого народа. План тогдашних западных политехнологов был в существенной степени реализован.

Помешать созданию полноценной секты в виде «петлюровской» или «гетманской» Украины смогли только большевики. Если бы не советская национальная политика, в которой слово «украинцы» было, при всех перегибах «коренизации», включено в контекст единства славянского мира, то нацистская Украина появилась бы уже сто лет назад.

Важно подчеркнуть, что основу такой секты составляли люди с теми или иными видами психологических травм, отказавшиеся от памяти предков, переживающие вязкую обиду на мир. На окраине метрополии таких людей было достаточно много, особенно в Галиции, жители которой дольше всех подвергались двойному (классовому и национальному) гнету, ведь если левобережная Украина воссоединилась с русским миром еще в XVII веке, то Львов вернулся в Россию только в XIX веке, да и то в составе Царства Польского.

Вторая попытка организовать на территории Украины-Малороссии нацистскую секту была предпринята во время Великой Отечественной войны, но также подавлена советской властью. Единая общность — советский народ, где старшим братом был народ русский и где славянскому ядру уделялось огромное значение, исключала появление любых сколько-нибудь масштабно действующих нацистских образований.

Секта под названием «Украина»

Однако с распадом СССР началась третья такая попытка. Используя все новые возможности психоинформационной эпохи, население Украины массово зомбировали, внушая

идеи национального превосходства украинцев над другими народами, ненависти к «москалям», права требовать «реабилитации» за якобы имевшие место со стороны «русских-московитов» унижения.

После распада СССР психологическая реальность большинства бывших советских граждан была хаотизирована, их самооценка подверглась тяжелым ударам. В качестве защиты от унижения и страха жителям Украины предложили войти в искусственно созданную общность «великих укров», презирающих весь мир и особенно «кацапов» и получающих за это эмоциональную выгоду. Правда, платить за такую защиту потребовалось в том числе верой в самые диковинные иллюзии. Приведем некоторые из них, воспользовавшись исследованием газеты «Комсомольская правда». Вот некоторые выдержки из соответствующего материала:

«Ответ на вопрос, которым задаются российские СМИ: «Откуда взялось поколение украинцев, ненавидящих Россию?» — на самом деле прост. Оно выросло за 23 года, которые мы прожили в разных государствах после распада СССР. А вот чем это поколение поливали и удобряли, «КП» попыталась понять, изучая учебники, по которым в незалежной преподают историю. <...> В учебнике истории Украины за 7-й класс, написанном Смолием В.А. и Степанковым В.С., прямо сказано: никаких братских народов не существовало: «Киевское государство, право, культура были созданы одной народностью, украинско-русской. Владимиро-Московское — другой, великорусской. Владимиро-Московское государство не было ни наследником, ни преемником Киевского, оно выросло на своих корнях, и отношение к нему Киевского можно бы приравнять, например, к отношению Римского государства к его галльским провинциям». <...> «Название Украина впервые употреблено в летописи под 1187 г. относительно Киевщины, Переяславщины и Черниговщины. Оно происходит от слова країна, которое имело значение родной край, родная сторона, земля. Впоследствии название Украина распространилось на всю нашу землю и дало наименование нашему народу, вытеснив из употребления прежнее — Русь».

Довольно интересно, как с точки зрения здравого смысла страна может иметь название «страна»? Понятно, когда существует, например, Сербская Краина (Сербская страна). Но если принять логику сектантов, то Украину следовало бы назвать «Краинской Краиной».

Интересным является свидетельство известного аналитика Бориса Рожина. Недавно он дал интервью, выдержку из которого уместно привести здесь:

«Вопрос: в России об этом мало пишут, но очевидцы утверждают, что в последние 20 лет на Украине фактически была полностью переписана история. Был создан ряд мифов, например, что Одессу основала не Екатерина, а древние укры; что восстание на броненосце «Потемкин» было организовано украинскими казаками, которым русские офицеры не разрешали ходить в шароварах и играть на домре. Действительно ли эти и подобные им казусы входят в школьные программы, учебники вузов, просветительскую и публицистическую литературу, издаваемую на Украине, или это всё же преувеличение?»

Борис Рожин: я сам учился по таким учебникам, так что подобные бредовые измышления мог наблюдать воочию. Помню утверждения вроде «Исус Христос — украинец с Прикарпатья», «первый верблюд появился на Украине», «казаки первыми придумали подводную лодку», «Сталин был украинцем», «украинцы основали Трою», «основным смыслом второй мировой войны была борьба ОУН УПА за свободу Украины». И так далее. Это малая часть того бреда, который выливался на головы подрастающих поколений. Нынешние толпы молодежи, потерявшие морально-нравственные и исторические ориентиры, — это закономерный результат насаждения подобных бредовых и псевдонаучных измышлений. Необразованными людьми управлять проще».

Если уж официальные учебники истории на Украине насыщены прямой исторической шизофренией, то массово продающиеся книги про «древних и великих укров» содержат в себе образцы искажения реальности, сравнимые с пропагандой «Аум сенрике» или «Белых братьев».

Очевидно, для того, чтобы поверить во все это, необходима регрессия и мощная дестабилизация психики. Поэтому 24 года после распада СССР над народом Украины проводится ужасающий социально-психологический эксперимент, последствия которого еще более разрушительны, чем результаты геноцида народа России.

События самого последнего времени говорят о том, что создание секты «свидомых украинцев» резко интенсифицировано. Хаос беспорядков и военных действий актуализирует побуждение закрыться в иллюзорном мире (искать врагов вовне, проецируя собственную тень на них, психологически притягательнее, чем проводить нравственную работу над собой). Различные же методики позволяют технически «выстраивать» гигантскую секту «Украина».

Выше мы упомянули о том, что регрессия личности быстрее происходит в толпе, ведущей себя подобно животным.

Поэтому применение методики «кто не скаче, той москаль!» на Майдане не только реально способствовало направленному погружению толпы в первобытное состояние. На Майдане мы наблюдали ту же картину, что и на собраниях секты «пятидесятников» (или коллектива компании по сетевому маркетингу). Неудивительно, что и сектам в классическом понимании данного слова (тем же «пятидесятникам») на контролируемых киевской хунтой территориях также предоставлена полная свобода, и они регулярно пополняются все новыми адептами, а каноническое православие подвергается преследованиям.

Выводы

Осознавая всё вышеизложенное и извлекая уроки из украинских событий, нельзя недооценивать опасность действующих на территории России сект: религиозных, «психотерапевтических», националистических и т.д. На наш взгляд, данная опасность постоянно увеличивается (тем более, что в ее возрастании заинтересована «пятая колонна», контролирующая большинство СМИ).

Что же касается нынешней (бывшей) Украины, то прогноз по отношению к ней — крайне неблагоприятный. С нашей точки зрения, нацистская секта на ее территории уже сформирована и крайне опасна, хотя бы по причине количества своих адептов. Для ее создания были использованы все рассмотренные нами и многие другие механизмы.

Теперь жителям Украины в лучшем случае потребуется массовая психологическая реабилитация.

Для того чтобы она стала реальностью, необходимо устранить такой фактор, как российская (украинская) олигархия, в чьих интересах растление не только малороссов, но и граждан РФ, и добиться подлинного суверенитета России, реальной защиты фундаментальных ценностей русского и других народов России. Но это — тема для отдельного разговора.

ПОРА ПЛАТИТЬ ПО ДОЛГАМ

Велик был год 1862-й от Рождества Христова. Российская империя начала «вставать с колен» после поражения в Крымской войне. В Новгороде происходит торжественное празднование Тысячелетия основания Руси. Только год назад было отменено крепостное право. Начинаются революционные военные реформы. Александр II обретает всемирную славу. Его называют и отныне всегда будут называть царём-Освободителем.

В это же время в глубокой тайне со всех концов великой и обширной империи по особому указу императора в Крым, точнее, в Севастополь тянутся странные военные обозы. Обычно это один или два крытых возка, окружённые полусотней отборных казаков. «Именем Государя», — кричали они, меняя лошадей на постоялых дворах. «Неужто опять война?» — крестились крестьяне. Всё было проще, в Крым везли золото империи. Ему предстоял длинный путь — в горы Гишпани.

Тем временем на другом краю земли, в Америке, полыхала Гражданская война Севера и Юга. Президент-идеалист Авраам

ДОСЬЕ "МГ"

Линкольн воевал там не только с рабовладельцами, но и с европейско-английским банковским кланом Ротшильдов, активно помогающим Югу по указанию мировой интриганки — королевы Виктории. В Лондоне не любят вспоминать об этом, но, как говорится, из песни слова не выкинешь.

«Александр и Линкольн сошлись на общей неприязни к Ротшильдам, шаловливые ручки которых впились не только в европейскую, британскую и американскую экономику, но и в международную политику. Они гадили как Вашингтону, так и Петербургу, скупая пачками политиков и сановников двух стран. Но государства по отдельности не могли финансово противостоять одному из крупнейших финансовых кланов. Тогда оба правителя решили создать совместный российско-американский траст, на средства которого можно было бы придать более динамичное развитие экономикам двух стран. При этом как у Александра, так и у Линкольна, были личные обиды на Ротшильдов. И наоборот, эти финансисты объявили американского президента врагом номер один из-за его отказа воссоздать частный Центральный банк Америки и ввести золотой эквивалент доллара, при том что большая часть мирового золота уже принадлежала Ротшильдам», — рассказывает историк царской семьи Сергей Желенков.

Примечательно, что Ротшильды финансировали не только Юг через свой парижский банк, но и Север — через лондонский. Между тем и в России этот клан попытался также создать подконтрольный им Центральный банк. Александр II их планы сорвал.

Но российский монарх не ограничился лишь сочувствием к заокеанскому брату по несчастью. По его Высочайшему распоряжению к берегам Америки, а точнее, в Сан-Франциско 7 ноября 1863 года прибыла эскадра Русского атлантического императорского флота под командованием контр-адмирала Степана Лесовского. Вслед за ней причалила и Тихоокеанская эскадра адмирала Андрея Попова. На весь мир прозвучал грозный рык российского императора: «В случае, если Англия и Франция окажут военную либо какую другую помощь Югу, Россия будет считать это объявлением войны». Лондон и Париж заткнулись.

Пока шли международные игры, в Крыму скопилось почти 50 тонн золотых слитков, предназначенных для создания русско-американского траста. Судами Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) золото в сопровождении специальной воинской команды из 19 человек, отобранных лично Самодержцем вся Руси, было перевезено в специаль-

ное хранилище в горах Испании. Руководил всей операцией чиновник особых поручений и генерал от Министерства внутренних дел действительный статский советник Платон Кусков.

Но проект по созданию траста сорвался. В театре был убит Авраам Линкольн. А через несколько лет в результате очередного покушения погиб и Александр II. Золото осталось в Испании. Случайность ли, что оба врага Ротшильдов были убиты, открыв клану дорогу к мировому финансовому господству?

О каких совместных проектах шла речь, уже неизвестно. Архивы за это время были изрядно почищены. Хотя историки уверяют, что некоторые оригиналы договоров между Россией и Америкой до сих пор хранятся в личных архивах некоторых российских потомков, участников тех событий. В царских архивах они, конечно, хранились. Но не будем забегать вперёд.

Во вторник 14 мая (по старому стилю) 1896 года в Успенском соборе Московского Кремля состоялось священное коронавание на российский престол Николая II Александровича и императрицы Александры Фёдоровны. На трон взошёл получивший прекрасное образование честолюбивый в хорошем смысле этого слова император. И хотя до начала Первой мировой войны оставалось ещё целых долгих 18 лет, Николай понимал, что необходимо создание надгосударственной структуры, которая помогла бы сглаживать не только политические, но и экономические противоречия между державами. Уже через три года — учитесь, современные чиновники! — по инициативе Николая II в нейтральной Гааге прошла первая мирная конференция. Кроме вопросов ограничения вооружений на ней было утверждено решение о создании Гаагского арбитражного суда. Принципы, заложенные в его работу более 100 лет назад, считаются незыблемыми до сих пор. Вторая конференция была созвана в 1907 году также по инициативе императора Николая.

«В 1904 году группа представителей 48 государств (по аналогии с современностью её можно окрестить «G-48») на секретном заседании в Париже утвердила процедуру создания Международной финансовой системы (МФС) и Мирового источника денежной массы. Также по согласованию с руководителями других государств — участников Конференции в Гааге по предложению Николая II было решено создать Лигу Наций (сейчас она называется ООН). Для обеспечения торговых отношений между странами было решено на базе Лиги Наций создать единый Мировой финансовый центр со своей валютой.

Для создания «золотого пула» Лиги Наций Россия через банкира Дома Ротшильда внесла в «уставный капитал» МФС 48,6 тонны золота, хранившегося в Испании. Половина из него была направлена в хранилище Форт Нокс на территории США. А половина осела в подземных хранилищах на острове Майорка, до сих пор входящем в испанское автономное сообщество Балеарские острова. Однако по документам, которые подписывали стороны, всё золото должно храниться в Нью-Йорке. Этой поставкой российского золота в США в 1904—1912 годах Российская империя получила права на активы в «золотом пуле» в размере 52 миллиардов долларов золотом», — продолжает свой захватывающий рассказ Желенков.

Но ротшильдовские финансисты переиграли «на золотом поле» и Николая, и других участников конференции «G-48». Профинансировав избирательную кампанию американского президента Вудро Вильсона, они за два дня до Рождества 1913 г. буквально заставили его передать в их частную собственность Федеральную резервную систему (ФРС), созданную вместо Мировой финансовой системы и основанную на золоте «пула». Таким образом доля ФРС в 88,8% до сих пор принадлежит России, а остальные 11,2% — в основном китайским бенефициарам под кураторством внука последнего китайского императора династии Цин Ли Джона.

«Сейчас из трёх российских экземпляров соглашения о вложенном в ФРС золоте на территории нашей страны находятся два. Один — в тайнике в Нижегородской области. Второй — у крупного деятеля советской эпохи. Третий — предположительно, в одном из швейцарских банков, — считает Желенков. — В том же тайнике в Нижегородчине находятся документы из царского архива, среди которых есть и 12 «золотых», а точнее, учитывая их историю, «кровавых» сертификатов. Если их предъявить, то мировая финансовая гегемония США и Ротшильдов просто рухнет, а наша страна получит огромные деньги и все возможности для развития, так как её перестанут душить из-за океана», — уверен историк.

«Между Америкой и Россией были подписаны соглашения о передаче нашего золота не в качестве подарка, а, скажем так, в аренду сроком на 100 лет, которые истекли в 2013 году. При этом в соглашениях особо отмечен пункт, что процентная ставка за пользование 48,6 тонны золотого запаса в год составляет 4% годовых. То есть 4% в год ФРС должна была перечислять России и Китаю. Но проценты, надо сказать, ни разу не выплачивались. Соглашения были написаны в шести экземплярах, три из которых хранились в Амери-

ке, три были переданы России. Также были выпущены 12 «золотых» сертификатов (48,6 тонн) на предьявителя. Сертификаты были переданы Государю Российскому. Тот, в свою очередь, передал их Григорию Распутину. Причины мне неизвестны, но Николай почитал иеромонаха Григория как нестяжателя мирских благ. Незадолго до его ритуальной казни Распутин, как будто предчувствуя смерть, вернул их обратно царю. Тот, по одной из версий, распределил их по самым надёжным членам семьи, по другой — передал на хранение своему крёстному сыну Петру Николаевичу Долгорукому», — считает г-н Желенков.

Между тем за этими сертификатами развернулась настоящая охота. Ещё бы — в принципе, любой их обладатель мог разрушить финансовую империю Ротшильдов. Кстати, в то время, когда в доме князей Юсуповых убивали Распутину, на Гороховой, где он жил, был произведён самый тщательный обыск. «Были даже отпороты подкладки стульев и кресел, вспороты подушки, разбиты шкафы», — писали газеты того времени. Но, естественно, ничего не нашли — сертификаты вновь находились в распоряжении царской семьи.

«Мне скоро будет суждено умереть в ужасных страданиях, но это будет во спасение дорогих мне Государей и святой Руси», — пророчествовал незадолго до убийства Распутин. Пророчество сбылось.

Карл Маркс писал в своём «Капитале»: «Обеспечьте капиталу 10% прибыли, и капитал согласен на всякое применение, при 20% он становится оживлённым, при 50% положительно готов сломать себе голову, при 100% он попирает все человеческие законы, при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы пойти, хотя бы под страхом виселицы». А тут на кону не прибыль, а мировое господство!

«После неудачи с Распутиным стало понятно, что без устранения Николая и всех его приближённых угроза над ФРС и Ротшильдами будет сохраняться вечно. Через банковские дома братьев Рябушинских, Поляковых, Рафаловичей и Животовских (родные дяди Льва Троцкого) была профинансирована вначале Февральская, а затем и Октябрьская революции. Правой рукой Ротшильдов в России был зампредседателя Госдумы масон и кадет Николай Некрасов. Он дирижировал практически всеми банкирскими домами, давая им доступ к западным кредитам через свои связи. Позднее, в 1939 году, он был арестован. На допросах рассказал всё о финансировании Февральской и Октябрьской революций (протоколы допросов засекречены до сих пор).

После Февральской революции семью императора Николая сослали в Тобольск. После Октябрьской — в Екатеринбург. Из Тобольска часть царских архивов, в том числе три экземпляра российско-американских соглашений и 12 «золотых» сертификатов, сумел вывезти и спрятать начальник охраны царя Евгений Кобылинский», — продолжает Желенков.

В период неразберихи Гражданской войны и последующей борьбы за власть в советской верхушке всем было не до российского золота, хранящегося в американских закрытых помещениях. Да и где документы на него — толком никто и не знал. Но уже ближе к концу 30-х годов прошлого века тема опять всплыла. Сталин прекрасно понимал, что страна стоит на пороге новой большой войны. А любая война — это финансы, финансы и ещё раз финансы. По некоторым данным, впрочем, не подтверждённым официально (архивы были практически полностью уничтожены при Хрущёве), примерно в 1936—1937 гг. советский представитель Вячеслав Молотов планировал выступить на заседании Лиги Наций. И поведать на весь мир о долгах США Советской Республике. Это вызвало бы грандиозный международный скандал. Но очень «вовремя» — в 1939 году СССР был исключён из этой международной организации якобы из-за войны с Финляндией. Потом грянула Великая Отечественная. В 1953 году умер Сталин. И тему возврата долгов вновь замолчали.

В послевоенный период и до развала Союза, а также в наше время финансовая империя Ротшильдов (и принадлежащая им ФРС США) наращивала своё мировое господство. Практически все банки мира, как созданные с государством, так и частные, входят в систему «либор». То есть отчисляются на неизвестные им счета 4% годовой прибыли. Все эти триллионные средства оседают на счетах клана Ротшильдов. Кстати, ставка «либор» действует и в Центральном банке России. Особо это не скрывается, но и не подчёркивается. Статус ЦБ РФ фактически непонятен и так запутан, что многие независимые экономисты называют его российским филиалом ФРС.

Всего в мире существует несколько центральных банков государств, которые реально являются государственными, а не «частными ротшильдовскими лавочками». Это Сирия, Венесуэла, Куба, Иран и Вьетнам. Венгрия несколько лет назад только заикнулась о национализации своего Центробанка и сразу получила по рукам с замечательной формулировкой: «за нарушение демократии».

Иногда высший менеджмент того или иного крупного банка, не посвящённый в интриги «мадридского двора», взбрыкивает и перестаёт отчислять деньги неизвестно кому. Тогда руководство этого банка-ослушника оказывается на бирже труда с волчьим билетом. Или «случайно умирает от естественных причин». Всего за последние несколько лет более 60 крупных западных банкиров по тем или иным причинам отправились в лучший из миров.

«В 2006 году на стол высшему руководству нашей страны лёг официальный документ ФРС о том, что с 1913 по 2006 год по ставке «либор» из мировой экономики была «откачана» сумма с 50 нулями. В современной математике, по-моему, даже нет термина для таких сумм.

Для лучшего контроля своих денег через Конгресс и Сенат США в январе 1995 года «некие силы» смогли провести решение о создании суверенной международной организации Департамент международного финансового контроля (ОИТС). Штаб-квартира расположена в Таиланде, а филиалы — по всему миру. Для реализации любого инфраструктурного проекта, в котором есть перемещение валюты через границы, требуется разрешение ОИТС. Ещё есть BISbank в Базеле. Через него идут все крупные международные платежи. Так, например, даже Украина, платя России за газ, проводит платёж через этот банк. Догадайтесь — кто его контролирует?» — риторически вопрошает историк царской семьи.

Обломившись с неоднократными попытками грабежа, клан Ротшильдов решил пойти другим путём. Было решено обозначить наследников на активы ФРС, которые, вступив в права, сразу от них отрекутся в пользу благодетелей. На эту роль были выбраны так называемая «великая княжна» Мария Владимировна и её отпрыск Георгий.

«С подачи Бориса Немцова и Павла Бородина Мария и сын были представлены ко двору Бориса Ельцина. Пиар за западные деньги был грандиозным. И даже после ухода из Кремля «семья» Мария Владимировна продолжает держать руку на пульсе российской политики. Она летает по стране, причём на личном самолёте Дм. Медведева из авиаотряда «Россия». Накоротке встречается с губернаторами, с полпредами, высшими чинами РПЦ, Думы и других госучреждений. Интересно, что креста на шее «наследницы» православного монарха замечено не было, зато практически всегда есть брошь, как у Мадлен Олбrait, — говорит, показывая фотографии, Желенков. — Собственно, почему бы и не носить брошь как главный апологет антироссийской политики? Ведь отец Марии Владимировны — великий князь Владимир

Кириллович Романов носил звание обергруппенфюрера СС. И до последних дней находился в бункере Гитлера, руководил подчинёнными ему войсками КИАФ (Корпус императорской армии и флота). Буквально за несколько дней до Победы сумел сбежать в Лихтенштейн. А две её родные тётки (сёстры Владимира) были замужем за высокопоставленными нацистскими офицерами: лётчиком и моряком».

Также историк утверждает: в 2013 г. на острове Мальта Марии Владимировне как «законной наследнице и правопреемнице» Николая II должны были передать право на эти активы, вручив три «американских» экземпляра соглашений. Для этого на остров собрали представителей ведущих стран мира, которые в начале прошлого века подписывали документы о реформировании Мировой финансовой системы. Но российским спецслужбам удалось сорвать это мероприятие, доведя до присутствующих информацию о нацистском прошлом отца «наследницы». Подобных попыток будет ещё много. Цель оправдывает все средства.

ЧТО МЫ ПРАЗДНУЕМ 23 ФЕВРАЛЯ?

В советское время это было понятно — рождение Красной армии, день, когда революционные отряды молодой Советской Республики вступили в бой с немцами под Нарвой и Псковом. При ближайшем рассмотрении, однако, выяснилось, что никаких сколько-нибудь значимых побед Красная армия в этот день не одерживала. Более того, «братишки» из революционных отрядов балтийских моряков бежали с поля боя, а Советскому правительству пришлось в спешном порядке перебираться из «колыбели революции» в древнюю столицу. Кроме того, бросается в глаза, что старостильное 23 февраля — это 8 марта по новому стилю, день женской солидарности и небезызвестного праздника «пуризм».

Так что же мы празднуем в этот день? Для того чтобы найти ответ на этот вопрос, надо вернуться в то далёкое время. В год тысяча девятьсот семнадцатый. 23 февраля — самый разгар так называемой Февральской революции, свержения Самодержавной монархии. Мирно, под восторженные крики «ура», с красными знамёнами и бантами на груди. Однако, скоро стало очевидно, что вслед за разрушением «старого режима», под

грохот пушек Первой мировой стала разваливаться и сама Россия. Союзники, предавшие Русского Царя, настаивали на продолжении войны «до победного конца». Армия, которую активно разлагали революционные пропагандисты изнутри, стала терять боеспособность. А приказ №1 новой революционной власти, направленный на «демократизацию» армии, нанёс ей смертельный удар.

В июне того же года российская армия уже не смогла повторить «брусиловский прорыв», совершённый всего год назад. Генерал Брусилов, возглавлявший Вооружённые силы России и готовивший эту операцию, сокрушённо писал потом, что войска, захватившие с боем неприятельские позиции, на следующий день оставляли их, не желая воевать. Боевой генерал был отправлен в отставку. Сменивший его генерал Корнилов попытался захватить власть и установить военную диктатуру, но войска не поддержали выступление, и вскоре он был арестован. Страна и армия, руководимые революционерами-февралистами, катились к неминуемой гибели под бравурные фанфары наступившей свободы.

К осени всё того же «эпохального» года недовольство временными правительствами, менявшимися одно за другим, достигло критического предела. Причём не только у передовой части общества — «сознательных» рабочих, крестьян и солдат, но и у вполне консервативной — армейской верхушки. Эти «закостенелые консерваторы» поддержали народные массы в стремлении смести «неправильных» революционеров, ставленников Антанты. Более того, именно военные подразделения в ключевые моменты октябрьской контрреволюции выполнили самые трудные боевые задачи, а затем не позволили войскам Керенского — Краснова войти в Петроград.

Но Российская армия уже была не в состоянии воевать с регулярными войсками Германии и Австро-Венгрии. Прежде всего необходимо было остановить развал армии и перегруппировать силы. Передышка нужна была как воздух. Большевицкий декрет о мире не произвёл на воюющие страны должного впечатления. Мирные переговоры со странами Тройственного союза стали жизненно необходимыми. К этим переговорам в качестве экспертов были привлечены «военные специалисты», генералы «добольшевицкой» армии.

В декабре 1917 года перемирие было подписано. Продолжились консультации о подписании мирного договора. Но Троцкий, для которого нужно было организовать управляемый хаос в виде мировой революции, сорвал эти переговоры своей политикой — «ни войны, ни мира». 18 февраля 1918

года германо-австрийские войска начали крупномасштабное наступление, почти не встречая сопротивления. Немцы, цинично заявив о своем согласии на продолжение мирных переговоров, захватили Минск и Режицу. Вскоре были заняты Борисов, Ревель и Юрьев. Посланные им навстречу отряды революционных матросов под командованием прапорщика Дыбенко, бывшего председателя Центробалта, при первой же встрече с немцами разбежались. Нужно было что-то срочно предпринимать. Но что?

Генерал-лейтенант М.Д. Бонч-Бруевич, занимавший в то время пост начальника Генерального штаба, предложил создать «завесу» из сохранивших боеспособность частей. Большевистское руководство приняло это предложение 22 февраля. Уже на следующий день, то есть 23 февраля 1918 года, «разведывательные группы» и поддерживающие их вспомогательные отряды вступили в бой с немецкими частями на линии фронта Нарва — Себеж. Руководителем Нарвского отряда западной завесы был назначен генерал-лейтенант Д.П. Парский (командовавший до этого 6-й армией). Кстати, когда Дубенко было приказано сдать дела, он ответил: «Всё сдал его превосходительству генералу Парскому». И это символическая запись. Закончилось время «партизанщины». Началось время кадровых военных.

Подойдя к Нарве, войска под командованием Парского заняли часть города, расположенную на правом берегу, и обосновались вдоль реки на довольно значительном ее протяжении. Вскоре под Нарвой установилось равновесие. Немецкое наступление было остановлено на подступах к Петрограду.

Западная завеса, созданная для противостояния германскому наступлению, состояла из нескольких территориальных образований. Командующими нарвской, финской, порховской и псковской частями завесы были назначены соответственно генерал-лейтенант Д.П. Парский, генерал-майор Д.Н. Надёжный, генерал-лейтенант Ф.А. Подгурский, полковник И.Г. Пехливанов (болгарин, принявший русское подданство). Возведение оборонительных сооружений было поручено инженер-генералу К.И. Величко. Фамилии этих людей, скорее всего, известны только специалистам, но о них следует сказать особо. Первые четверо потомственные русские дворяне. Трое из них подвергались аресту, но были отпущены. Все пятеро выпускники Николаевской академии Генерального штаба, боевые «генштабисты». Каким образом им удалось сколотить боеспособные части из остатков разложившейся армии и остановить немецкие войска? Этот воп-

рос ещё ждёт своих исследователей, но факт остаётся фактом — Петроград немцы взять не смогли!

Как известно 3 марта, в годовщину отречения Императора Николая II от Престола, был подписан «позорный, грабительский» договор с Германией, но если бы немцы сумели взять Питер, то это был бы уже не договор, а капитуляция.

Кроме того, необходимо напомнить, что Киевская Центральная Рада (объявившая независимость Украины) в том же Бресте подписала ещё более грабительский договор с Германией, позволивший немцам оккупировать «незалежную» без боя. В Киеве был посажен править германский ставленник гетман Скоропадский.

4 марта 1918 г. Совнарком принимает решение о создании Высшего военного совета, которому было поручено руководство строительством регулярной Красной Армии. Руководителем был назначен Троцкий, но у него не было совершенно никакого опыта в этом деле. Генерал М.Д. Бонч-Бруевич был назначен военным руководителем нового органа власти. Вскоре был ликвидирован пост Верховного главнокомандующего, и таким образом руководство вооружёнными силами Страны Советов фактически сосредоточилось в руках старорегимного генерала. Его заместителем стал генерал-майор С.Г. Лукирский. Конечно же, при комиссарах-наблюдателях.

Для подготовки новых военных кадров создавалась система ускоренных курсов по подготовке комсостава Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Новые военные кадры готовили в основном старые «военспецы». Среди руководителей этих курсов генерал С.Н. Бутыркин, в прошлом начальник Константиновского артиллерийского училища, и бывший генерал Генштаба М.А. Стугин. Осенью 1918 года была восстановлена и Академия Генерального штаба. Начальником академии был назначен выпускник Николаевской академии, генерал-лейтенант А.К. Климович.

9 марта того же года была создана специальная комиссия, для подготовки «военного центра для реорганизации армии и создания мощной вооруженной силы...» в составе генералов А.Н. Андогского, Ю.Н. Данилова и адмирала В.М. Альтфатера. Началось строительство регулярной Рабоче-Крестьянской Красной Армии, высший командный состав которой составляли в основном дворяне. И что очень важно отметить — на основе традиций Русской Императорской армии. Хотя, конечно же, в особых условиях нового советского строя.

Отвечая на недоумённый, а часто и возмущённый вопрос: как могли офицеры и генералы, присягавшие царю, служить в армии большевиков, следует отметить, что Россия к тому

времени уже год жила при новом политическом строе, а политический строй устанавливает не армия. Кроме того, можно с большой уверенностью предположить, что в Красной армии служило больше монархистов, чем в Белой, в руководстве которой преобладали февралисты-антимонархисты. Вопрос о возможном возвращении монархии отпал только после расстрела Царской Семьи и других представителей Дома Романовых.

Не менее важно отметить, что вступление в Красную армию офицеров и генералов старой Российской армии происходило в основном в период активной иностранной интервенции. Зимой 1918 года при нападении Германии и Австро-Венгрии, весной и летом 1918-го при нападении Японии и бывших «союзников»: Британии, Франции, США, Италии и других. В 1920 году при наступлении на Москву объединённой польско-европейской армады. Русские офицеры не могли ждать подходящей власти, чтобы начать защищать свою страну от агрессоров. Родину надо спасать при любой власти. Иначе Родины вообще не будет. Внутри страны мы наведём порядок сами.

Вступая в Красную армию, бывшие офицеры и генералы Царской армии, за редким исключением, не разделяли взглядов большевиков, а зачастую и не понимали их конечной цели. Но зато они прекрасно понимали, что, кроме них, никто не защитит страну. Их внутренней установкой было: «служить не партиям, а народу». Генерал Парский по этому поводу говорил: «Я далек от социализма, который проповедуют большевики. Но я готов честно работать... лишь бы спасти Россию от немецкого закабаления».

Большевики, конечно, были озабочены тем, что высший командный состав Красной армии был в основном беспартийным, но как материалисты-прагматики они были вынуждены в условиях военного времени с этим соглашаться.

Военспецы, вступившие в Красную армию для защиты от интервентов, всеми правдами и неправдами старались уклониться от участия в «классовых битвах». Генерал Бонч-Бруевич со своими воевать на стал. Он подал прошение об отставке с высшей командной должности в августе восемнадцатого, когда война с интервентами стала превращаться в гражданскую и бои со своими бывшими сослуживцами становились неизбежными.

Для пополнения недостающего состава большевики иногда брали в заложники членов семей офицеров. Но этот метод не был основным, поскольку слишком большой процент насильно привлечённых мог привести к обратным резуль-

татам. В большей степени он применялся для предотвращения перебежек в противоположный лагерь, как это случилось при взятии Казани и Уфы войсками Комуца (Комитета членов Учредительного собрания) и чехословацкого корпуса.

В последние десятилетия у нас складывалось скорее негативное отношение к ранней Красной армии. Лейтмотивом этого отношения служат слова из песни Игоря Талькова «Ты идёшь воевать за народную власть со своим же народом». Вся беда в том, что в то время наш народ был разделён на враждующие между собой части. Причём, зачастую по принципу «все против всех». Некогда единая армия тоже была разделена на части — белую, красную, зелёную, чёрную и множество разнообразных вольных формирований и национальных армий. В какую из этих частей следовало вступать? Все они провозглашали борьбу за свободу народа. Выбор этот был сложен и жесток, потому что куда ни подайся — всё равно получалось «брат на брата и сын на отца». В это лихолетье многие так и метались от красных к белым, из белых в зелёные, и так по кругу. Вспомним «Хождение по мукам» Толстого и «Тихий Дон» Шолохова. Сложилась адская ситуация, когда службу в армии независимо от цвета можно было назвать борьбой со своим же народом, несмотря на то, что все они сражались за свободу народа. Другое дело, что идеалы этой свободы были у всех разные. То-то и беда. Поди разберись, которые из них правильные. Рано или поздно свой выбор пришлось делать каждому. Почему наши деды и отцы приняли такое решение? Почему крепче всех оказалась Красная армия? Этот вопрос теперь приходится решать и нам, ныне живущим, поскольку очередная интервенция и очередная гражданская смута опять маячат перед нами.

Давайте вспомним, к чему привели те бурные военные события.

Зелёная, чёрная и прочие «народные вольности» растворились. Белая армия, вернее несколько самостоятельных армий под общим антибольшевистским флагом, были разбиты на полях сражений. Большая часть белогвардейцев навсегда покинула Родину. Красная армия в военном отношении оказалась крепче (не говорю «победила», в братоубийственной войне нет победителей). Красная армия изгнала из России всех интервентов: англичан, американцев, немцев, австрийцев, французов, японцев, итальянцев, бельгийцев, поляков и прочих финнов.

Впоследствии многие участники «гражданки» пострадали в нескончаемых репрессиях, причём не только «старорежимники», но и вполне «политически грамотные». Можно ска-

зять, что условия для создания новой советской армии на старой русской платформе были крайне неблагоприятными. Мир строили новый, и старорежимные генералы в него не вписывались. И всё же боеспособная регулярная армия была создана. Она имела громадный боевой опыт, постоянно развивалась и заслуженно заняла достойное место в жизни страны. Красная армия стала существенно влиять на политическую карту мира.

В 1939—1940 годах были возвращены многие утраченные после революции земли. А до этого, в боевых столкновениях с агрессивной Японией красноармейцы надолго отбили у неё желание воевать с Россией. В Великой Отечественной войне наша армия (в то время уже безоговорочно наша) разгромила отлаженную военную машину третьего рейха. В 1945 году, вновь разгромив японскую армию, она помогла вернуть Южный Сахалин и Курильские острова.

Конечно, такая «несокрушимая и легендарная» была по-прежнему объектом особого «внимания» наших недругов. Новая смута 1990 годов сильнее всего ударила именно по Российской армии, поставив её на грань гибели. Тяжёлым испытанием на прочность стали две войны на Северном Кавказе. Победы в этих отнюдь не «внутренних» войнах привели к восстановлению целостности России и пониманию необходимости восстановления военной мощи страны. В 2008 году полуживая Российская армия за несколько дней сумела разгромить подготовленную американцами грузинскую армию. В 2014 году решение о **всего лишь возможности** использования Российской армии позволило безболезненно вернуть Крым «в родную гавань». Не лишне напомнить, что именно Красная армия дважды громила украинских националистов (петлюровцев и бандеровцев). Своим незримым присутствием она держит на почтительном расстоянии от Новороссии натовскую военщину сегодня.

Российская армия, которая является преемницей Советской Красной Армии и которая, в свою очередь, была основана на лучших традициях Русской Императорской армии, служит самым надёжным щитом от любого агрессора, а также от удушающих объятий непрошенных «партнёров». Вот и решайте, что мы празднуем ежегодно 23 февраля.

Константин СИВКОВ,
доктор военных наук, первый вице-президент
Академии геополитических проблем

УМЕРЩВЛЕНИЕ ЕВРОПЫ

(Прогнозы эксперта)

После череды поражений армии киевского правительства резко усилилась дипломатическая активность лидеров ведущих государств ЕС — Германии и Франции. Впервые с начала украинской драмы Меркель и Олланд отказались от огульных обвинений в адрес России и перешли к переговорам с более или менее прагматических позиций. И впервые с начала вооруженного конфликта начали обсуждать послевоенное мироустройство в регионе, включая возможность введения в зону разграничения противоборствующих сил миротворцев с консервацией ситуации на длительный срок по модели Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии.

Это свидетельствует о серьезных разногласиях между ЕС и США по украинскому вопросу, что обусловлено уже понесенными убытками от взаимных санкций и самое главное — ожидаемыми потерями от возможного втягивания Евросоюза в вооруженный конфликт (пусть даже не прямой) с Россией с высоким риском его разрастания в более крупномасштабный.

ЭКСПЕРТЫ

Пиком дипломатической активности лидеров ЕС стали минские переговоры, в ходе которых удалось заключить договор о прекращении огня. Многие надеются, что это основа для полной остановки боевых действий на Украине. Однако анализ итогового документа не дает столь радужных надежд. Условия мира, под которыми подписалась Украина, в значительной мере для нее неисполнимы, поскольку предполагают фактическое признание независимости Донецкой и Луганской областей, включая их право на особую внешнеполитическую деятельность. Этот документ не найдет поддержки в Верховной раде.

Соответственно и ключевое условие — внесение изменений в Конституцию Украины — выполнено не будет. А значит, соблюсти условия Минского договора Киев не сможет. Порошенко это все прекрасно понимает. Подписывая итоговый документ, он стремился получить оперативную паузу, чтобы предотвратить намечающийся разгром своей группировки на юго-востоке. Поэтому новые минские договоренности означают только перемирие, за которым могут последовать еще более масштабные и ожесточенные боевые действия, и начнет их именно Украина. Все эти события свидетельствуют о том, что гражданская война не завершена, но в ней наступил некий переломный момент.

Расстановка сил

Прежде всего стоит выделить тот факт, что ополчения ДНР и ЛНР окончательно превратились в полноценные вооруженные силы, способные вести серьезные наступательные и оборонительные операции. Их боевой потенциал, определяемый высокой тактической выучкой бойцов, оперативной подготовкой командного состава, абсолютным морально-психологическим превосходством над своими противниками, весьма высок. Несмотря на глубокое — примерно в 2—2,5 раза, а может, и более — сокращение численности ВС ДНР и ЛНР после заключения перемирия в сентябре прошлого года, они оказались способны провести контрнаступательную операцию в январе — начале февраля 2015-го. И хотя не все задачи этой операции выполнены полностью, главная — окружение крупной группировки противника в Дебальцево — решена успешно. Объявленная в ДНР мобилизация десяти тысяч человек в этих условиях была полностью оправданна. И можно не сомневаться, что даже будучи добровольной (в отличие от киевской), она пройдет успешно. Это позволит поднять боевой потенциал войск ДНР и ЛНР до такого уровня, при котором они смогут нанести решительное поражение группировке ВСУ.

Между тем широко разрекламированная четвертая волна мобилизации, объявленная на Украине, фактически провалилась. Удалось мобилизовать лишь 20 процентов от запланированных 62 тысяч — немногим больше больше мобплана ДНР. При этом морально-психологический потенциал и выучка этих резервистов несопоставимо ниже, чем тех, кто добровольно идет в армию ДНР и ЛНР. Провал мобилизации в стране с почти 42 миллионами населения свидетельствует о том, что Украина не желает воевать и не доверяет своему правительству вопреки всем официальным опросам и массовой пропаганде СМИ.

При этом несколько сот тысяч человек, значительную часть которых составляют мужчины призывного возраста, приехали в Россию, официально считающуюся на Украине агрессором, спасаясь от мобилизации. То есть подавляющая часть населения находится в скрытой оппозиции к нынешней власти и по-прежнему считает Россию дружественной страной. Эти факты в сочетании с массовыми протестами против мобилизации на Украине говорят о том, что духовный ресурс ведения войны практически исчерпан. Остались еще политически и идейно убежденные сторонники ее продолжения, но их весьма немного и их численность сокращается пропорционально потерям, сообщениям о жертвах, нищенскому обеспечению воюющих войск на фоне демонстративной роскоши украинских политиков и бизнесменов.

Возможны варианты

Поскольку мобилизационные ресурсы украинского общества, необходимые для продолжения и успешного завершения войны, в основном исчерпаны, это означает: гражданская война на Украине вошла в завершающую фазу, которая может закончиться либо установлением мира, либо превращением внутреннего конфликта в интернациональный.

Мирного окончания добивалась и добивается Россия, а теперь и осознавшие его приемлемость для Европы лидеры Германии и Франции. Сегодня установление мира возможно только на основе сложившихся военно-стратегических и военно-политических реалий в зоне боевых действий.

Заинтересованность России в таком развитии событий понятна — на юго-западной границе возникает относительно стабильное дружественное государственное образование, которое вне зависимости от своего статуса станет буфером между нашей страной и враждебной частью Украины. Кроме того, оно при нарастании на подконтрольной Киеву тер-

ритории политического и экономического кризиса может стать силой, которая после крушения под давлением социальных протестов нынешнего прозападного режима распространит свою власть и на остальные регионы за исключением областей, исторически тяготеющих к Европе.

Очевиден и интерес ЕС в прекращении войны на Украине. Вооруженный конфликт в центре Старого Света, грозящий втягиванием в него России и США, возможное на этом фоне военное столкновение (пусть даже очень ограниченное) нашей страны и НАТО чреваты для Европы тяжелейшими экономическими и политическими потерями, включая потрясения, способные привести к крушению нынешних элит. Победа Сиризы в Греции тому пример. Кроме того, продолжение конфликта на Украине приведет к массовой миграции населения страны в Европу. При этом значительную долю «беженцев» составит криминалитет, имеющий к тому же опыт боевых действий и политических столкновений на майдане. Не имея экономической базы в Европе, умения и желания хорошо работать, эти люди станут серьезным дестабилизирующим фактором.

Второй путь развития событий предполагает эскалацию войны на Украине через ее интернационализацию с перспективой превращения в полноценный международный вооруженный конфликт и участия в нем ведущих стран. В этом сценарии заинтересованы США и подконтрольные им лидеры нынешнего киевского правительства. Мотивы очевидны — Штатам нужно иметь надежный доступ к российско-украинской границе для дальнейшего наступления на нашу страну с применением «мягкой силы». А для киевских властей Донецкая и Луганская области важны с экономической точки зрения. Здесь расположены значительные запасы энергоносителей (угля) и промышленные мощности, без которых существование экономики Украины окажется весьма затруднительным. Кроме того, политические потери от поражения (которому установление мира с сохранением ДНР и ЛНР для киевских властей равнозначно) чреваты крушением нынешней власти и весьма вероятным распадом Украины.

Сообразно возможностям сил, заинтересованных в завершении гражданской войны на Украине по тому или иному сценарию, можно спрогнозировать вероятность развития событий.

Принудительный мир

Условием мирного завершения гражданской войны является способность европейских и российских лидеров сохранить свою приверженность к скорейшему установлению мира

на Украине под неизбежным давлением США, а также убедить Вашингтон в недопустимости интернационализации конфликта. При этом вполне возможны ограниченные поставки оружия на Украину и даже наращивание численности представителей западных ЧВК (выполняемые скрытно вопреки минским договоренностям).

Ключевую роль в ходе завершающего этапа гражданской войны и формирования послевоенного миропорядка в регионе будет играть политика украинских властей и руководства ДНР и ЛНР. Первые, судя по их риторике, не настроены учитывать реалии военно-стратегического баланса сил и надеются добиться восстановления полного контроля над мятежными регионами. Вторые отрицают саму возможность какого-либо вмешательства нынешних киевских властей.

Исходя из этого, надо предполагать, что в ближайшее время в условиях перемирия проамериканское правительство сосредоточит усилия на восстановлении боеспособности своих войск на юго-востоке. Может быть еще одна волна мобилизации. Ожидаема масштабная переподготовка части личного состава ВС и МВД Украины специалистами из США. Нельзя исключать (памятуя о законе, дающем право иностранцам занимать руководящие посты в украинском государстве), что часть командных должностей в частях и оперативных штабах АТО будет официально замещена американскими кадровыми офицерами и генералами. Весьма вероятны поставки вооружения. За счет этих мер боеспособность войск Украины может быть в определенной степени повышена. После этого, ориентировочно через один-два месяца, боевые действия возобновятся с новой силой.

К этому моменту командование ДНР и ЛНР наверняка сможет создать достаточно мощные группировки для отражения удара войск киевского правительства и последующего успешного контрнаступления. Его целью будет как минимум разгром группировки войск киевского правительства в Донецкой и Луганской областях с отодвиганием линии фронта за пределы досягаемости крупных городов тяжелой артиллерией и РСЗО противника. По продолжительности такая операция составит две-три недели. Осознав военное поражение, президент Украины начнет предпринимать отчаянные шаги в направлении интернационализации конфликта, добываясь открытого вступления в него США и отдельных стран ЕС.

Если это не удастся, он вынужденно пойдет на мирные переговоры на приемлемых для народных республик условиях. Мир в регионе будет установлен на принципах, подобных тем, которые имели место в Приднестровье, Абхазии или Южной

Осетии. Ситуации примерно одинаковы: бесспорная военная победа отделяющегося региона без признания этого факта мировым сообществом. При этом в зону разделения конфликтующих сторон скорее всего будут введены миротворческие силы, представленные странами, не имеющими отношения к конфликту. Боевые действия по этому сценарию могут продлиться не более месяца-полутора с последующим подписанием мирного договора или иного акта, завершающего военное противостояние. Период формирования поствоенного порядка составит один-два месяца. При этом России Запад постарается предъявить требования по восстановлению Украины, причем не Новороссии, которая будет поддерживаться и без внешних обязательств, а именно остальной части страны.

Большая война

Альтернативой рассмотренному сценарию может стать эскалация вооруженного противостояния. Это исходя из сложившейся обстановки может произойти после провала прогнозируемого наступления войск киевского правительства и успешного развития контрнаступательной операции армий ДНР и ЛНР. В этих условиях, осознавая, что их политика на Украине терпит окончательный крах, США могут пойти на масштабные поставки вооружения и боевой техники киевскому правительству, причем в таких объемах, чтобы они позволили изменить неблагоприятный для Киева ход военных действий.

Крупные поставки иностранного вооружения при отсутствии специалистов по его использованию оправдают ввод на Украину значительного числа военных советников и специалистов, которые вскоре станут участниками боевых действий, существенно превосходя по численности имеющихся в настоящее время в войсках АТО бойцов иностранных ЧВК. В этих условиях войска ДНР и ЛНР понесут существенные потери, и российское руководство окажется перед дилеммой — отказаться от поддержки Новороссии, тем самым потеряв лицо и оказавшись на пороге социального взрыва в России, или пойти на оказание масштабной военно-технической поддержки ДНР и ЛНР как симметричной ответной меры.

Судя по динамике внешнеполитической деятельности России, вероятность, что наше руководство примет решение поддержать Новороссию оружием, добровольцами и советниками, весьма высока. Безусловно, резко активизируются общественные движения, которые смогут дать в ряды защит-

ников Новороссии несколько тысяч добровольцев. В итоге боевые действия на юго-востоке Украины приобретут куда более крупный масштаб, чем сегодня. При этом можно уверенно полагать, что после некоторых успехов войска киевского правительства и иностранные формирования станут терпеть поражение.

Уже увязнув в войне на Украине и оказавшись перед лицом надвигающегося поражения, США и некоторым их союзникам по НАТО, которые решат к ним присоединиться, ничего другого не останется, как вмешаться в эту войну своими регулярными силами. Этому, вероятно, будет предшествовать какая-либо провокация, оправдывающая такое вмешательство (типа сбитою «Боинга-777»). Судя по опыту подобных военных конфликтов второй половины XX и XXI веков, сразу после провокации на территорию Украины будут введены силы быстрого развертывания НАТО и США, а позиции войск ДНР и ЛНР подвергнутся массированным ударам авиации альянса.

Следом начнутся активные боевые действия с целью полного разгрома в короткие сроки вооруженных сил народных республик. По опыту войн последних десятилетий, для ведения наземных операций натовцы могут привлечь до 30—40 тысяч личного состава. Предположительно, готовясь именно к такому сценарию, генсек НАТО принял решение довести численность т.н. «сил быстрого реагирования» до 30 тысяч человек. В этих условиях России ничего не останется, кроме как начать ввод своих войск и противодействовать авиации агрессора как минимум своими средствами ПВО.

Таким образом, интернационализация гражданской войны на Украине приведет к столкновению России и НАТО с тяжелейшими последствиями, вплоть до перехода к применению ядерного оружия (ведь ВС РФ, уступая войскам альянса в численности на порядок, при эскалации конфликта даже в локальную войну не смогут им противостоять без применения ядерного оружия). Видимо, похожий сценарий имел в виду президент Франции Олланд, отметив, что альтернативой миру на Украине может стать большая война.

Таким образом гражданская война на Украине поставила украинский народ, США, ЕС и Россию перед выбором: или отказаться от части притязаний и с учетом объективных условий пойти на установление мира, или пойти по пути развязывания европейской войны с высоким риском ее перехода в ядерную фазу.

Февраль 2015 г.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2014 год

(Август — декабрь)

Нет ничего мерзее и подлее хохлятских нацистов. Бомбя Донецк и Луганск, они до сих пор орут, что это делают сами ополченцы. До этого даже Гитлер не додумался. Даже гитлеровская пропаганда не считала настолько идиотическим весь остальной мир. «Кто разбомбил шахту в Донецке?» — спросили журналисты Яценюка. Ответ поставил в тупик даже украинскую ехидно-уродливую пропаганду: «Это сделали террористы, чтобы поставить на колени украинскую энергетику». Мы имеем дело с какой-то новой, неизвестной медицине формой шизофрении.

Все т.н. «правозащитники» либеральной национальности зубы съели на демагогии о «русском фашизме». Отделы прокуратуры по всей России завалены их доносами на «русских экстремистов», а суды, основываясь на этих доносах, штампуют приговоры по 280 и 282 ст. УК. Но все оседлавшие тему «русского фашизма» либеральные «правозащитники» мгновенно заняли сторону Киева в его

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

варварском истреблении Донбасса и кинулись на защиту реального, запредельно бесчеловечного фашизма озверевших украинских нацистов. Думается, причина ясна если не всем, то большинству незашоренных наблюдателей. Во-первых, как известно, во главе укрофашистов стоят олигархи той самой либеральной национальности. А во-вторых, любовь российских «правозащитников» к украинскому нацизму держится исключительно на ненависти к русским. Только этой махровой ненавистью объясняются абсолютно все их слова и все их поступки.

* * *

«КамАЗы» с гуманитарной помощью, более недели стоявшие на границе с Украиной, не дождавшись одобрения Киева и Вашингтона, наконец-то доставили груз в Луганск и вернулись обратно. Безопасный проезд обеспечили ополченцы. И никакой «третьей мировой» не случилось. (Хотя настоящий лидер страны в осаждённый город доставляет не только продовольствие, но оружие и бойцов.) Спрашивается, ради чего нужно было столько времени топтаться на границе? Было ясно, что киевская хунта будет любыми способами препятствовать проходу этого конвоя. Можно ли и нужно ли вообще о чём-либо договариваться с подонками, лжецами, преступниками и врагами России?

24 августа, в день «независимости» т.н. «Украины», народные армии ДНР и ЛНР пошли в наступление против фашистского, террористического отребья. В тот же день по центру Донецка провели пленных недоумков преступной украинской армии. И поливальные машины после них вымыли асфальт...

* * *

Украинская фашистская хунта и все прыгающие хохлятско-бандеровские дебилы который день вопят о вторжении российских войск в «незалежную». Потрошенко и Яценюх уже в ООН обратились с заявой: «Россия напала на Украину!» И почему-то ни до кого не доходит, что если это и в самом деле так, то отчего же вы, два бандеровских ублюдка, не разрываете с Россией дипломатических отношений, как, например, сделала это в 2008 году Грузия после ввода российских войск в Южную Осетию? Почему вы, два идиотических подонка, не отзывате своего посла из Москвы и не объявляете г-на Зурабова персоной нон-грата? Если на Украину напало соседнее государство, то почему вы, два американских прихвостня, не вводите в стране военное положение? Но если вы,

два изолгавшихся кретина, всего этого не делаете, значит, все ваши вопли о нападении кого-либо на территорию под условным названием «Украина» — пропагандистский блеф, рассчитанный на безмозглых дегенератов.

Уже сейчас, в сентябре 2014-го, можно сказать, что террористическая операция (ТО) фашистской киевской хунты закончилась для нее полным провалом. Украинская регулярная армия, а точнее говоря, армия бандеровских карателей разгромлена народным ополчением, в чём я ни секунды не сомневался с самого начала фашистской оккупации Донбасса. «Херои» т.н. «нацгвардии» и «правого сектора» сотнями сдаются в плен. «Хероям слава!» Этих сдавшихся «хероев» мы увидели на телеэкране. Более жалкого и более отвратительного зрелища трудно себе представить. Плачут, каются, ползают на брюхе, просят о пощаде. А когда долбили «Градами» по спящим городам, наверняка чувствовали себя сверхчеловеками... Хохлятские учебники истории не объяснили им, с кем они собирались воевать. Но жизнь еще раз объяснила.

Предложив свой план перемирия, Путин тем самым сорвал наступление по всем фронтам Народной армии Новороссии. И Потрошенко тут же с этим планом согласился, заявив, что уходить из Донбасса его войска не намерены. После разгрома и сплошных поражений укрофашистам нужна передышка, и путинский план перемирия им такую передышку дает. Даже натовцы и лично Обама обрадовались этому плану, согласно которому Новороссия остается в составе «нэзалэжной». Добровольческая армия стояла на подступах к стратегически важному городу-порту Мариуполю и не успела в него войти. Срочная инициатива Путина не позволила этого сделать.

Но кто же добивается переговоров и перемирия во время наступления? Только тот, кто не хочет поражения противника. Путин спас фашистскую хунту, Вальцмана-Потрошенко и нацистский режим на Украине. Ему не нужна Новая Россия. Ни в каком виде. Именно по этой причине был устранен с должности министра обороны ДНР Игорь Стрелков, выступавший против переговоров с нацистами.

Что ж, Путин действует всё в том же направлении: не дать окончательно разгромить карателей, не допустить победы ополченцев в войне с нацистской Украиной. Хотя, конечно же, перемирие это продлится недолго, как и первое, в июне.

Но хунта за это время сможет получить новое натовское вооружение и подтянуть к фронтам свежие мобилизационные силы. «Мирный план» вновь провалится, но он оттянет разгром нацизма в центре Европы.

Укрофашисты в школах г. Славянска отменили русский язык даже в качестве иностранного, заменив его на немецкий. Для них это вполне естественно и логично.

* * *

Для чего Россия вступила в Совет Европы и ВТО? Может, для того, чтобы объединенная Европа и оборзевшая Америка давили на нас с помощью санкций? Трезвомыслящие люди ведь об этом предупреждали влюблённых в Запад кремлёвских временщиков. Но уж больно хотелось им стать «партнёрами»...

Кстати сказать, ни в Европе, ни в США нашу властную верхушку почему-то «партнёрами» не называют.. И чуть ли ни ежедневно собираются на совещания, чтобы придумать, какими бы новыми санкциями нас огорошить.

А сколько лет кремлёвские «партнёры» добивались вступления в это ВТО!.. И как они страстно мечтали полноправно присутствовать на парламентских ассамблеях Совета Европы!.. Поприсутствовали. Наслушались оскорблений в свой адрес. Нахлебались дерьма со стороны Польши, Литвы и Латвии. Попытались возражать. Но им сказали: заткните рот и слушайте молча. И добавили: не забудьте заплатить взносы на год вперед.

И молчат. И платят. Несмотря на санкции.

* * *

Все президенты Украины — какие-то недоразвитые дураломы. Вот и опять во главе нее поставили еще одного — по фамилии Вальцман. Кричит, машет руками, хорохорится, врёт, что-то обещает, кому-то угрожает.. А на самом деле — дурак, болтун и пустышка. Войну с ополчением Донбасса — вдрызг проиграл. В скором времени озверевшие от позорного поражения нацистские укробежыны его скинут, и в Киеве воцарится беспредельная бандеро-фашистская диктатура.

Бог попускает заблудшему, утратившему историческую память народу жестокое беззаконие, чтобы открыть ему глаза на врагов человечества и на собственное умопомрачение. Без этой нынешней агонии и вакханалии укронацистского зверства невозможно излечить т.н. «украинцев» от обесовления их истерической гордыни. Только кровью и самоуничто-

жением вылечивается эта болезнь. И Господь помиловал их этим лечением. Но Божья воля исполняется в мире руками людей. Донбасс излечит Украину от заразной болезни фашистского нацизма.

Мне могут задать наивный вопрос: а как же Америка? Почему ее Бог не наказывает? Во-первых, наказывал и не раз. Но ей это было не впрок. А во-вторых, всё впереди...

* * *

Предательское путинское «перемирие», при котором каждый день на Донбассе убивают людей, на руку, конечно, только ублюдочной хунте и остервенелым карателям, подтягивающим к фронту тяжелую технику с запада. И на то, что на Донбассе каждый день гибнут люди из-за обстрелов укрупской артиллерии, уже никто не обращает внимания ни в Кремле, ни в Европе, ни тем более в Киеве. Главное, как нам внушают по ящику, «продолжать соблюдать перемирие», которого на самом деле нет, но под трескотню о котором можно вести бессмысленные «переговоры» в Минске. Переговоры с никем и ни о чём. Некто Кучма может сколько угодно делать заявления для прессы и подписывать пустопорожние «меморандумы», а в центре Донецка будут всё так же разрываться снаряды и всё так же будет литься человеческая кровь.

Армия Новороссии за время этого огнестрельного «перемирия» могла бы полностью освободить территорию ДНР и ЛНР и только тогда выдвинуть собственные условия переговоров. Но в Москве думали иначе. Здесь кремлевские менеджеры, посаженные на власть олигархическими кланами, только в кошмарном сне могли увидеть Новороссию освобожденной и победившей. Ротшильды, владеющие всей банковской системой РФ, не желают об этом слышать и не хотят этого увидеть даже в самых кошмарных снах. И потому «лидер нации», любимец московских кухарок и искусственных русских патриотов, просто-напросто не имеет права допустить победы Новороссии. Его скоропалительный план «перемирия», предотвративший разгром укрупфашистской армии, подоспел очень вовремя для уничтожаемой и бегущей с поля боя бандитско-бандеровской шушеры.

Переговоры и перемирие с нацистской живодерской бандой — это везде и всегда самообман и расслабление перед скорым коварным срывом «переговоров» и псевдоперемирия. Киевские лживые бандерлоги, как и подobaет любым кровавым террористам, недоговороспособны.

* * *

А ведь эту войну с Украиной нам устроил Ленин. И он знал, что рано или поздно эта война случится. Нет, не напрасно валят на Украине памятники Ленину...

* * *

Люстрацией в Древнем Риме называли очищение посредством жертвоприношений. В послевоенной Европе понятие это означало очищение правительства, полиции, судов и других важнейших общественных институтов от людей, причастных к нарушениям прав человека, коррупции, нацистским, а затем коммунистическим организациям. Нынешние бандеровско-нацистские группировки Украины тоже ухватились за этот термин, чтобы прошерстить неугодных им людей в правительстве и Раде. Как говорится, вперёд! И флаг им в руки! Так как нормальных, разумных, адекватных людей в их правительстве и Раде уже не осталось. Пусть ядовитые пауки грызутся в своей банке.

Но подлинная *люстрация*, на самом-то деле, происходит с самой Украиной. И тут невольно вспоминается изначальное значение этой очистительной процедуры. Через человеческие жертвоприношения идёт тяжелое, трагическое, но необходимое и неизбежное очищение Малороссии от проказы фашистского нацизма. От проказы, лепры, изъевшей физиономию и проникшей внутрь малороссийского тела. (Как тут не вспомнить лицо президента Ющенко?..) Да-да, идет жестокое очищение земли под условным названием «Украина» от заразы фашизма. Гибнут сами нацисты, увлекая с собой невинные жертвы. Гибнут герои, вступившие в битву с этой беспощадной чумой. И в битве этой откалываются куски земли, не пораженные метастазами укронацистской убийственной заразы. Поистине мы являемся свидетелями *люстрации* Украины — ее очищения и отпадения от нее здоровых частей искусственно слепленного больного организма.

* * *

15 лет назад, в 1999 году, мною была написана и опубликована в «Молодой гвардии» статья под названием «Вирус предательства», в которой шла речь о ратификации Госдумой и Советом Федерации «Договора о дружбе и сотрудничестве» между Россией и Украиной, подписанного Ельциным и Кучмой. Договор этот был крайне невыгоден для России, но почему-то именно коммунисты во главе с Г.Зюгановым, С.Горячевой и спике-

ром Думы С.Селезневым приложили неимоверные усилия для протаскивания его через нижнюю палату парламента.

«...Дума совершила акт предательства национальных интересов России, — писал я в той статье. — По этому «договору» мы законодательно лишились не только Крыма и Севастополя, но также и возможности иметь Черноморский флот у берегов легендарной Тавриды... И тем не менее Селезнев, Зюганов и Горячева давили на депутатов Думы с целью ратификации «договора» как никогда прежде. Лидер КПРФ даже заявил своим думским партийцам: «Тот, кто не проголосует за одобрение договора, будет исключён из фракции». Селезнев же был еще более решителен. На ужине в честь своего украинского коллеги А.Ткаченко, прибывшего в Москву, он пообещал: «Или Дума ратифицирует договор, или я подаю заявление об отставке». Ни больше, ни меньше».

Уже тогда власти Украины закрывали русские школы и увольняли многих русских с работы по этническому признаку. Но эти факты не волновали ни лидеров КПРФ, ни тем более ельцинскую камарилью. Зюганов трижды обращался к депутатам с призывом одобрить «договор о дружбе» с Украиной. И члены его фракции в подавляющем большинстве подчинились партийной дисциплине: из 128 депутатов от КПРФ 107 проголосовали «за», хотя, наверное, многие из них понимали предательскую сущность этого «договора». И теперь мы можем сказать, что он сыграл свою подлую роль в нынешнем противостоянии Украины и России.

15 лет назад я писал в той своей статье: *«Уже много раз было сказано в русской прессе, что Крым в 1954 году передавался Хрущевым Украине в административное управление исключительно в составе СССР, а в отношении Севастополя вообще нет ни одного документа, по которому он имел бы отношение к УССР, так как всегда подчинялся только Москве. Но и эти обстоятельства думские коммунисты грубо проигнорировали. А ведь их руководители не устают заявлять о своем российском патриотизме!..»* Не будь того «договора», и не пришлось бы нам теперь столь «хитро» и столь сложно возвращать себе Крым. Он априори оставался бы нашим.

И заканчивалась статья такими словами: *«Украина сто раз предавала Россию. Ратифицировав этот «договор», депутаты только подтолкнули Украину к вступлению в НАТО. Предательство обязано свершиться вновь... Пройдут годы. Рано или поздно России придется снова воевать и за Прибалтику, и за Украину, и за Кавказ. Это неизбежно».*

* * *

Русские снова столкнулись с фашистами Европы. И вновь своими телами и своей кровью русские останавливают европейский фашизм.

* * *

Мы часто называем бандеровскую мразь украинскими нацистами. Это неверно. У нацистов есть хоть какая-то идеология. Но у этой тупорылой мрази никакой идеологии нет вообще, кроме звериной потребности резать, жечь и убивать всех подряд. Это не нацисты, а опьяневшие от безнаказанности банды отмороженных уголовников. Называть их нацистами значит признавать за ними хоть и преступную, но идейную цель, значит, тем самым оправдывать их звероподобную сущность и тупую злобу ко всему русскому. Нет у них никакой мыслительной идеи и никакой нормальной цели. Есть лишь сладкая, щекочущая нервы потребность «убить москаля». Никакого «украинского нацизма» в принципе не существует и никогда не было. Эта т.н. «нация» даже до него не доросла.

* * *

После разбомблённых Донецка и Луганска, после разорванных снарядами детей, после стольких звериных преступлений бандеровских нелюдей Кремль вновь собирается поставлять газ дорогой и любимой «нэзалэжной», несмотря на все ее песенки про Путина... Она, дорогая и любимая, только лишь **пообещала** заплатить до конца этого года 3 млрд. зелёных, а у газпромовских и кремлёвских менеджеров уже глазки загорелись и ладошки зачесались от удовольствия...

По ящику нам будут каждый день показывать изувеченные трупы в массовых захоронениях, обуглившиеся окна пустующих донецко-луганских многоэтажек, детей, ночующих в подвалах, а российский газ преспокойненько потечёт в «нэзалэжную», как ни в чём не бывало. Ну как же, а то ведь в Киеве и Львове майданным русофобам зимой холодно будет в своих квартирках... А в Донецке и Луганске «сепаратисты и террористы» как-нибудь в подвалах перекантуются...

По хохлятскому ящику всё так же будут рассказывать, как русские оккупанты напали на украинську дэржаву, как Россия объявила войну нэньке Украине и как псковские десантники бомбят города и сёла Донбасса... Но при этом без оккупационного газа нэньке никак не обойтись, и потому она заплатит оккупантам аж три миллиарда американских бак-

сов... Мол, оккупация оккупацией, а зиму без москальского тепла никак не пережить...

* * *

От рук «террористов» Донбасса не погиб ни один ребенок. «Антитеррористы», прибывшие с танками, «Градами» и гаубицами на Донбасс, убили более ста детей. От рук «террористов» Донбасса не погиб ни один мирный житель. «Антитеррористы», вторгшиеся на Донбасс, убили более четырех тысяч мирных граждан. Вот и соображайте, господа самостийники, кто есть кто. Эти факты не обнаружат ни один украинский телеканал и никакая желто-голубая пресса.

* * *

Вот что сказал Вальцман-Порошенко на пресс-конференции в Киеве после своего возвращения из Вашингтона: «Никакого закона об особом статусе Донбасса не существует. Это выдумки моих оппонентов. Есть закон об особом режиме местного самоуправления. Украина никому не отдаст центральные государственные управленческие функции. И вопросы суверенитета, территориальной целостности и независимости никем и никогда не могут быть выставлены на торги. Я гарантирую это».

А вот прописные истины для глубоко думающих людей: **мир достигается только с помощью войны. С помощью мира достигнуть мира невозможно.**

Путин, вынудивший ополченцев Донбасса остановить наступление против фашистских оккупантов и навязавший им убийственное «перемирие», перевёл освободительную войну на Донбассе в перманентное, нескончаемое состояние. То есть **предательский мир — это бесконечная, не имеющая победы война.**

* * *

Такова дьявольская логика американо-европейских агрессоров и подонков, а вместе с ними и Генсека ООН Пан Ги Муна: авиаудары по Сирии и Ираку — это гуманитарная помощь от Западного мира. Но гуманитарная помощь Донбассу — это вооруженное вторжение России.

Страна дьявола — США — создаёт **перевёрнутый мир**, в котором зло и добро должны поменяться местами, в котором чёрное должно стать белым, а белое — чёрным. И мир в основном молчаливо-испуганно наблюдает за этим переворачиванием. Редкие протесты мгновенно высмеиваются «свободными» СМИ, опровергаются с трибуны ООН и

подавляются силовыми структурами. ООН стала рупором сатанизма.

Информационная ирреальность стремительно охватывает массовое сознание: людям внушается то, чего нет, а то, что есть, не освещается или шельмуется и громогласно опровергается. Мы уже существуем в этом перевернутом мире. Нет, не случайно на Первом (государственном) канале ТВ появились с начала этого года шестиконечные звёзды (сейчас наполовину заретушированные, но те, кому надо, их увидели). Сионизированная пропаганда ускоренным темпом строит этот перевернутый мир и уже не скрывает своей дьявольско-сионской сущности.

В Западной Европе и на Американском континенте новорождённым в правую руку вживляются чипы. В России с будущего года собираются вводить электронные паспорта. Антихрист уже вошел в подъезд общемирового дома. Завтра он постучит в дверь каждого из нас.

* * *

Что же это получается, господа путинофилы? Как сообщено во всех новостях, «Следственным комитетом России возбуждено уголовное дело о **геноциде** русскоязычного населения, проживающего на территории Луганской и Донецкой народных республик. Дело возбуждено по 357 статье УК РФ. По данным следствия, высшее военное руководство Украины отдавало приказы на полное уничтожение русскоязычных граждан на востоке страны».

Исходя из этого, давайте соображать далее. Проще и доходчивее говоря, государственные следственные органы России установили, что на Украине происходит ГЕНОЦИД, т.е. **уничтожение русского населения**. Что в этой ситуации **обязан** делать президент и вся государственная власть? Ответьте, пожалуйста, на этот вопрос. Встречаться с «Петром Алексеевичем» и с заискивающей улыбочкой пожимать ему руку? Или что-то иное? Обсуждать вопрос о возобновлении поставок газа? Требовать продолжения «перемирия» с теми, кто осуществляет ГЕНОЦИД? В таком случае, господа путинофилы, это не что иное, как **поощрение фашизма и геноцида**. Или у нас Следственный комитет действует сам по себе, а Кремль сам по себе?

* * *

Первое октября в Донецке и Луганске решили сделать первым учебным днем. Дети пришли в уцелевшие школы. И в этот же день укрофашистские нелюди накрыли Донецк зал-

пами «Ураганов». Снаряды попали в школу и в автобус с людьми. Погибли 15 человек.

Если бы не было этого пресловутого «перемирия», то украинская дегенеративная армия была бы разгромлена, а ее остатки ушли бы за пределы ДНР и ЛНР. И тогда действительно в Донецке и Луганске наступил бы мир. Но Путин не только спас укрофашистскую армию, но и стал повинен в каждодневных обстрелах Донецка тяжелой артиллерией. Новые разрушения, новая кровь и гибель людей на совести тех, кто не дал обрубить клыки бешеному зверю, вскормленному безбожной Европой.

Да, политика — грязное дело. Но политиканство на крови своих соотечественников — дело аморальное до отвращения.

* * *

Вот уже в наших теленовостях спокойно сообщается о том, как Донбасс отделен Киевом от Украины тройной линией обороны, «чтобы диверсанты не нарушали спокойной жизни украинцев»...

Кремлянам тоже нужна спокойная жизнь. Пусть Донецк ежедневно бомбардируют «Градами» и Ураганами», пусть ежедневно погибают и калечатся люди, но «перемирие», как нам усиленно вдалбливают кремлевские чиновники, «должно соблюдаться», и оно, по сообщениям телеящика, «в основном, соблюдается». Еще чуть-чуть — и для бедной России наконец отменят санкции... Какое страшное оружие, эти санкции!.. У госпожи Матвиенко заблокировали счета в Америке... Это, конечно, ужасно. Это настоящая личная трагедия... Но, оказывается, они у нее там все-таки есть!.. У третьего человека в иерархии власти... Что было бы с любым членом американского Конгресса, если бы он имел личные счета в России?..

Вот что такое встроенность в капиталистическую систему международных отношений. Вот что такое экономическая зависимость от стран Запада. Теперь воевать необязательно. Достаточно объявить санкции. Сначала одни, помягче, потом другие, жестче, потом третьи — очень жесткие и очень болезненные. И только потом можно и побомбить. В отношении России до жёстких санкций еще не дошло, но слово «Новороссия» в Кремле уже не упоминается...

* * *

Вспомним Киев в феврале 2014-го. Распоясавшийся от безнаказанности «правый сектор» майдана забрасывает безоружный «Беркут» камнями и «коктейлями Молотова». Но

те не отвечают, потому что отвечать запретил Янукович. А запретил, потому что над ним висели американские санкции. И вот сентябрь-октябрь на Донбассе. Ополченцам навязано «перемирие». Обезумевшая от своей жестокости «нацгвардия» и укрофашистская армия из всех орудий бьют по Донецку. Но отвечать нельзя, потому что запретил Кремль по причине того, что нам могут ужесточить санкции...

* * *

В мире сплошь и рядом так происходит: как один человек, так и целый народ, чтобы не быть благодарным своему спасителю, начинают его ненавидеть. И в своей крикливой, истерической ненависти доходят до полного и бесповоротного идиотизма.

* * *

Интересное кино: после долгих проволочек нас приняли в Совет Европы, а затем лишили там слова. После многолетних отказов нас приняли в ВТО и тут же ввели санкции. Может, как говорил Жванецкий, «в консерватории надо что-то поменять»?..

* * *

Натовские базы придвинулись к российской границе, и министр обороны США теперь заявляет: армия России стоит на пороге НАТО, надо принимать меры...

* * *

Украина — это государство-банкрот. И последнее, что ей осталось для продления своей агонии, — война. Только нагнетание военной истерии и ежеминутное раздувание образа врага, смертельной опасности, вот-вот грядущей агрессии или уже происходящего вторжения (естественно, со стороны коварной России) способно на какое-то время продлить эту агонию, оттянуть полный крах, окончательную, абсолютно всем видимую несостоятельность, бессмысленность и реальную гибель государства-банкрота.

Нацизм всегда криклив, воинствен, нагл, амбициозен, жесток, бесцеремонен и бездуховен. Украинский нацизм начинал с пустых бочек на майдане, в которые день и ночь били палками майданутые дегенераты из будущего «правого сектора». Он таким и остался — пустой барабанной бочкой, оглушившей слух и разум «патриотов» Укропии. Бочек больше нет, их свезли на свалку. Вместо них теперь — «Грады», «Смерчи», «Ураганы», «Акации» и «Точки У», т.е. последние и един-

ственно оставшиеся аргументы укронацизма. Закончатся они, и окажется, что больше в «нэзалэжной» ничего нет — ни свободы, ни гривен, ни долларів, ни дэржавных громодян, ни тепла в квартирах, ни газа, ни света, ни воды, ничего, кроме «нацгвардии», «правого сектора», синагоги Коломойского и трезубных вил педераста Ляшко. Правда, останется еще ров на границе с Россией. И придется им этот ров закапывать вручную, потому что не будет солярки для бульдозера и потому что без такой-рассякой России никакой «нэзалэжной» быть не может.

В скором времени **вся** украинская «элита» окажется в мусорном баке.

Разве кто-нибудь не знает, **что** делают с обанкротившимся предприятием?..

С каждым днём становится всё яснее и яснее, что Кремль принёс в жертву, а точнее, отдал на растерзание Новороссию ради возвращения Крыма и отмены американо-европейских санкций. «Мы не хотим нового Приднестровья», — уже прямо и бесхитростно заявил Путин на саммите в Милане. Там же он еще раз пожал руку «Петру Алексеевичу». «Мы договорились», — сказал он журналистам после встречи с главарем фашистской хунты. «Они договорились!» — развенчели СМИ по всему миру. Вот только неизвестно, о чём... Хотя Газпром, по словам Миллера, уже готов скинуть миллиард долларов украинского долга.

Каждый день разрушаются дома и гибнут люди в Донецке, но «они договорились»... В массовых захоронениях находят людей с отрезанными частями тела и вырезанными внутренностями, но «они договорились»... Во время т.н. «перемирия» и «прекращения огня» фашистские «Точки У» разрушают заводы и целые кварталы городов Донбасса, но «они договорились»... Про сбитый малазийский лайнер Запад больше не вспоминает — «они договорились»... Жители Новороссии эту зиму проведут в подвалах без тепла и света, потому что кто-то с кем-то договорился...

Нет-нет, господа путинисты, Новороссию никто не слил и не сдал. Ее принесли в жертву. И обменялись рукопожатиями...

Другой вопрос, согласятся ли с этим новороссы?..

На наших глазах ежедневно, с регулярной методичностью уничтожают города и людей Новороссии при молчаливом

попустительстве высшей российской власти. Это уничтожение уже стало обычным и привычным событием новостных передач и газетных публикаций. День изо дня — разрушают и убивают. Геноцид в наши дни стал всего лишь телевизионной картинкой. При этом с нацистско-фашистскими нелюдьми чиновники от власти ведут бесконечные переговоры, проводят встречи, решают (хотя и безрезультатно) какие-то торговые проблемы... Правдами и неправдами пытаются вторить им наш газ, лишь бы только они хоть что-нибудь заплатили. В новостных сообщениях донбасское изничтожение уже занимает далеко не первое место. Привыкли. Стерпелись. К тому же в стране и в мире происходит много и других громких событий. Так что Донбасс можно в сторону подвинуть...

XXI век легко продолжил историю геноцида народов. По всей видимости, XXI век в этом деле переплюнет предшествующий, потому что идет не угасание, а нарастание жестокости, ненависти, нетерпимости, сколько бы либеральные СМИ ни долдонили о т.н. «толерантности». И если в прошлом веке разжигалась ненависть классовая, то теперь она — национальная и религиозная. И сколько бы нас, русских, ни уговаривали быть терпимыми, никуда мы от этой всемирно разжигаемой ненависти не уйдем. Именно она будет перекраивать мировую политику и мировые пространства в XXI веке. И век этот будет жесточе века двадцатого. Донбасс — это телевизионная картинка, предшествующая подобным мировым катаклизмам.

Обратите внимание, насколько Европа и США безразличны к творимому на Донбассе истреблению людей. А ведь это центр Европы.

Кремлевские чиновники ведут переговоры по газу с военными преступниками. Уже забыты все зверские военные преступления киевской хунты, уже не имеют значения артиллерийские обстрелы Донецка и Луганска, уже забыты наши погибшие журналисты; самое главное для *них* — отмена санкций и валюта от продажи природных ресурсов. И снова, собравшись в конце октября в Брюсселе, *они договорились*. Украина пообещала выплатить нам долги и не воровать газ, идущий в Европу. В то время как Кремль имел полное моральное право увязать поставки газа Украине с прекращением обстрелов городов и сёл Донбасса. Но, как видим, лишние проблемы ни Газпрому, ни Кремлю не нужны.

Евросоюз, конечно же, как и положено, кинул «нэзалэжнуу». **Никуда** он ее не принял и принимать не собирается. И это было ясно с самого начала «майданной революции». Кому и зачем нужно государство-банкрот? Чтобы кормить еще одних нахлебников? Обещать, как известно, не значит — жениться...

Но санкции против России тоже никто в Европе отменять не собирается. Зачем лишать себя такого морального удовольствия?.. Рубль стремительно падает. Евро и доллар стремительно растут. Как хорошо... Центробанк отпустил рубль в «свободное плавание»... И он плывет себе в волнах... Цены на всё растут уже не по часам, а по минутам. Ну как же торгашам не воспользоваться такой лафой?.. Хотя некто Медведев и обещал «строго следить за ценообразованием», но мы же знаем, обещать — не значит жениться...

Пример т.н. «Украины» ничему не учит кремлевских «мыслителей». Падение национального достоинства начинается с падения национальной валюты.

* * *

Некоторые лидеры национально-патриотического движения России недвусмысленно заявляют о своем желании объединить русских и украинских националистов с целью совместной борьбы с кремлевским режимом. К этим лидерам, естественно, возникает вопрос: а кто такие украинские националисты? Относятся ли к ним Ярош, Тягнибок, Ляшко, Кличко?.. Или, например, мадам Фарион, открыто называющая русских недочеловеками? Пусть нам эти «лидеры» русского национализма всё-таки объяснят: **кого** они подразумевают под украинскими националистами? И чего эти самые украинские националисты хотят? Пусть ответят, разве не из уст украинских националистов извергаются лозунги типа «Москаляку на гиляку!» и «Смерть москалям!»?

И еще один вопрос: Бандера, Шухевич и их нынешние многочисленные последователи на Украине — это националисты или нет? И различают ли сами эти последователи понятия национализма и нацизма? Есть ли для них в данных понятиях существенная разница? Если же говорить о русских националистах, то они эту разницу понимают. Но вот для украинских, судя по реальной действительности, эта разница начисто стёрта. И при всех благих намерениях отдельным лидерам русского национализма придется объединяться именно с украинскими **нацистами**. Хотя, честно говоря, очень сомнительно, чтобы украинские нацисты жаждали объединения с теми, кого считают своими **главными** врагами...

Между прочим, добровольные, карательные батальоны «нацгвардии», защищающие от «сепаратистов» оккупированные районы Донбасса, тоже называют себя украинскими националистами...

Украинский национализм — это то же самое, что чеченский, татарский или якутский национализм, то есть местечковый, изоляционистский, лишённый глубокой духовной основы, возросший за последние 20 лет на искусственно навязанных призывах к обособлению и отчуждению от России. На самом же деле это никакой не национализм, а элементарный сепаратизм, эгоистическое желание отколоться от великой нации. Россия отпустила Украину в ее опозтизированную «нэзалэжность». И что из этого вышло? Ей, Украине, этого показалось мало. Украинские националисты заявили: «Украина возможна только при уничтожении России».

В реальности, которую мы наблюдаем, сепаратистами и террористами являются только и исключительно украинские националисты, которые самим своим существованием пытаются нам доказать, что мы с ними не один народ.

Национализм малых наций всегда вскармливается извне для разрушения великой нации. И если лидеры русского национализма не понимают этого, то какие же они лидеры? Выходит, что они действуют против своей же великой нации.

И последний вопрос: кто в «нэзалэжной» захватывает храмы Русской Православной Церкви? Разве не «украинские националисты»?

* * *

Да, конечно, большевистский режим был антирусским. Но объединение с германскими нацистами для его свержения являлось предательством Родины. Поэтому абсолютно справедливо был повешен генерал Власов. Поэтому абсолютно справедливо были уничтожены украинские националисты Бандера и Шухевич. Нельзя объединяться с дьяволом, какие бы цели ты ни преследовал. Укронацизм — это орудие дьявола. Точно сказано: «Дорога в ад выстлана благими намерениями».

* * *

Новороссия отдана на заклятие. При молчаливом согласии всего мира и вялой реакции Кремля идет планомерное уничтожение двух русских республик, вырвавшихся из-под укрофашистского гнёта. Снаряды разносят жилые дома, школы и детсады. ООН стыдливо прикрыла глазки, чтобы не видеть русского геноцида.

Путин не признал выборов органов власти в ДНР и ЛНР, как не признал весной референдума об их независимости. МИД, как и весной, втихаря прошептал лишь об «уважении» мнения их народа. В чём угодно можно было обвинять советскую и имперскую власть России, но только не в трусости. Но теперь мы дожили и до этого — до трусости и политиканства власти на крови русских людей.

А по ящику ежедневно показывают слёзы женщин Донбасса. Прямо-таки смакуют человеческое горе. Кремлёвские «менеджеры» вместо пресечения нацистских преступлений и вместо изгнания из Новороссии фашистских извергов — смакууют слёзы...

Мерзость Вашингтона, мерзость Брюсселя, мерзость Киева, трусость и мерзость Кремля. Путин словно хочет показать жителям ДНР и ЛНР: «Не послушались меня, провели референдум, вот теперь не жалуйтесь...»

* * *

По всей России идёт сокращение врачей, больниц и поликлиник. Это как называется? Что, не хватает денег на строительство новых стадионов к чемпионату мира по футболу? А может, лучше сократить зарплату депутатам и министрам? Всё равно ведь толку от них, как от козла молока.

В Новороссии уже голод. Люди не получают ни зарплат, ни пенсий. И никакая «гумпомощь» их уже не спасет. Спасение для них только в освобождении от фашистской оккупации. Г-н Путин, перед Богом за Новороссию «гумпомощью» не оправдаетесь.

* * *

Новая власть в Киеве поставлена Америкой для того, чтобы начать войну в Европе. Порошенко с Яценюком это знают и потому так нагло и бесцеремонно себя ведут.

И Вашингтон, и Брюссель, и Кремль наблюдают за уничтожением Донбасса. Адекватной реакции на истребление там людей уже ни с чьей стороны почти никакой. По российскому ящику показывают разрушения, человеческие слёзы, жалобы, но далее со стороны Кремля не происходит ничего, кроме разве что «гумпомощи», которая не спасает ни от разрушений, ни от слёз, ни от человеческого горя.

Путин на саммите в Австралии пытался со всеми обниматься и чуть ли не целоваться. Но его все отпихивали, говоря: «Да иди ты со своими объятьями!..» А в кулуарах со смехом недоумевали: «Мы ему санкции, малазийский «Боинг», обрушенные цены на нефть, а он нам свои объятия... Под Христа, что ли, косит...»

За последние три года власти Финляндии и Норвегии изъяли из семей, проживающих в этих странах и имеющих российское гражданство, 126 русских детей. Со стороны российского правительства реакции — никакой. И возвращать наших детей власти этих стран не собираются. Так Европа восстанавливает, узаконивает фашизм в чистом виде — при молчаливом и трусливом безразличии Кремля.

Все эти ток-шоу у Соловьева, Минаева, Норкина и т.д. — пустая болтовня и самопиар говорящих, точнее, галдящих голов на фоне нескончаемой трагедии Донбасса. Галдят они уже целый год, выпуская пар общественного напряжения, а заодно раскручивая культ личности Путина. Все без исключения галдящие умники страстный пафос своих словоизвержений сводят к тому, как умно, правильно и бесстрашно поступает российский президент...

Истребляемым людям Кремль шлёт «гумпомощь». Их убивают каждый день, заставляют жить в подвалах, а им гречку с консервами везут, которой при дележке на всех хватает лишь на три дня. Разве это не лицемерие! И уничтожаемые люди вынуждены на камеру говорить «спасибо». Эти кадры нам во всех новостях на экране крутят. Смотрите, радуйтесь, Россия им помогает!.. Это можно сравнить только с ельцинским позорищем дирижирования немецким оркестром при бегстве нашей армии из Восточной Германии.

На наших глазах идет отпадение от искусственного образования под названием «Украина» того, что досталось ей незаконно, не по праву: Крым, Донецк, Луганск. Далее последуют Харьков, Мариуполь, Днепропетровск, Одесса... Западная часть тоже от нее отвалится. Высшие силы попустили приход к власти в Киеве реальных бесов, чтобы они своими руками изничтожили, расплыли, добили то, что не имело и не получило исторического права на «нэзалэжное» существование. Бесы эти, пролив море крови, исчезнут, но выполнят возложенную на них свыше миссию разрушителей. Эту миссию нужно было выполнить быстро, безоглядно и беспощадно. Что они и делают.

27 ноября на ленте новостей в Сети появилось сообщение: *«Дмитрий Медведев провел телефонный разговор с премьер-*

министром Украины Арсением Яценюком. Как передает ТАСС, Медведев и Яценюк обсудили вопросы финансово-экономического сотрудничества двух стран. Была выражена заинтересованность в сохранении стабильных и дружественных отношений с Украиной».

В тот же день Донецк был подвергнут очередному обстрелу из реактивных установок. Снаряды разрушили несколько жилых домов и больницу. Погибли 12-летний школьник и его бабушка. В больнице многие пациенты получили ранения.

А за день до этого, как нам объявили по ящику, Путин на совещании в Министерстве обороны сделал заявление о том, что «Россия не собирается вмешиваться ни в какие геополитические конфликты».

То есть Медведев, как и прежде, будет обсуждать с Яценюком «вопросы финансово-экономического развития». Путин будет общаться по телефону с Вальцманом-Потрошенко, не собираясь вмешиваться ни в какие конфликты. Яценюк перед телекамерой будет называть российскую армию оккупационной бандой. Потрошенко будет пытаться задушить Донбасс голодом и страхом. А украинская армия будет безнаказанно истреблять мирное население Донбасса с помощью реактивных установок.

Но это еще не всё: высоколобые московские «патриоты» и говорящие головы российского ТВ будут все вместе прославлять Самого Влиятельного, Самого Превосходного и Самого Бесстрашного.

Не могу еще раз не вспомнить заявление «собирателя русских земель», сделанное им в марте этого года: *«Если мы увидим, что этот беспредел начинается в восточных регионах, если люди попросят нас о помощи, а официальное обращение действующего легитимного президента у нас уже есть, то мы оставляем за собой право использовать все имеющиеся у нас средства для защиты этих граждан. И считаем это вполне легитимным».*

В воздухе повис вопрос: чего он так сильно испугался?..

Доллар уже перепрыгнул 50 рублей, а евро 60. И первые лица страны со смущенными улыбками всех успокаивают: ничего страшного, не волнуйтесь, это никак не сказывается на вашей жизни...

Многие из нас успели забыть, что в 1998 году в России был не только дефолт, но и произошла деноминация рубля. Денежная масса была сокращена в 1000 раз. Поэтому на самом

деле один доллар у нас на сегодняшний день стоит не 50, а 50 000 рублей.

Экономическая система, в которую была насильно втащена и в которой погрязла Россия, оказалась не просто провальной, но крайне безнравственной, безжалостной, циничной и бесчеловечной. Но первые лица страны продолжают цепляться за нее, как за гнилую соломинку. Крах этой системы неизбежен, сколько бы ни оттягивали этот крах наши либеральные строители экономического концлагеря. Но почему Россия до сих пор идет этим гибельным, беспросветным путём? Да потому что Путин и Медведев — это два элементарных, примитивных либерала. Они заложники этой системы, и отказ от нее для них равносителен отказу от собственного существования.

Мерзкая, подлая, фашистская Европа идёт на поводке у Америки и применяет к России санкции — Европа, не раз спасённая нами от ее кровавых, людоедских диктаторов.

Мерзкая, подлая, фашистская Украина плетётся на двух поводках — у Америки и Европы, ненавидя Россию и убивая русских в Новороссии — Украина, вскормленная, выпестованная, не раз возрожденная нами из небытия.

Либералы из Центробанка на фоне санкций и экономического удушения России фашистским Западом вместо того, чтобы укреплять рубль, с какой-то лихой отвязанностью опускает его ниже некуда. Люди на фоне обрушения рубля со страхом ждут наступающего 2015 года, когда цены абсолютно на всё взлетят в несколько раз и любая производственная деятельность станет просто бессмысленной. И президент вместе с лизоблюдской Думой вместо того, чтобы разогнать бездарное и вредоносное правительство, единогласно принимают новый, уже который по счету закон, ужесточающий наказание за т.н. «экстремизм» и т.н. «разжигание» всевозможной розни. Сейчас это для них (и для нас), оказывается, самое главное. Да, самое страшное для них — не ситуация, в которую они сами себя загнали, а возмущение народа.

4 декабря Путин озвучил свое очередное «Послание» Федеральному собранию. И что же нового мы услышали? Ничего. Всё те же, что были и прежде, обиды на Америку, всё те же мантры о суверенитете России, всё те же просьбы вернуть деньги из офшоров. Просьбы, на которые никто не клюет. Но что же вы, г-н президент, до сих пор ничего не сделали, чтобы наши деньги в офшоры не уходили? Думаю, что через год, из очередного «Послания», мы услышим те же самые

мантры и те же самые просьбы... Но с каким вниманием и с какой подобострастностью слушали президента кремлевские чиновники и депутаты!..

* * *

В декабрьском послании президента Федеральному собранию под громкие аплодисменты присутствующих депутатов и приближенных к Кремлю чиновников прозвучал тезис о естественном приросте населения России за 2014 год. Конечно, следить за публикациями Росстата по этому вопросу президенту некогда, как и его «экспертам», готовящим для него речи и доклады, несмотря на то, что Росстат публикует эти данные ежемесячно. И 27 ноября они были уже опубликованы по состоянию на октябрь 2014 года.

Действительно, за 10 месяцев 2014 года по Российской Федерации естественный прирост составил 37 тыс. человек. Но за счет чего, а точнее, за счет кого?

Давайте посмотрим, какова картина по «естественному приросту» на территории Русской равнины, т.е. на русских областях от Белого до Азовского моря. Вот что сообщает Росстат:

Архангельская область (без автономии) минус 0,8 тыс.; Вологодская область — минус 1,2 тыс.; Ленинградская область — минус 8,2 тыс.; Псковская область — минус 4,1 тыс.; Новгородская область — минус 3,0 тыс.; Тверская область — минус 7,0 тыс.; Ярославская область — минус 3,7 тыс.; Костромская — минус 1,6 тыс.; Кировская — минус 2,4 тыс.; Ивановская — минус 4,4 тыс.; Нижегородская — минус 10,4 тыс.; Владимирская — минус 6,2 тыс.; Московская — минус 7,8 тыс.; Смоленская — минус 4,3 тыс.; Калининградская — минус 0,4 тыс.; Брянская — минус 5,2 тыс.; Орловская — минус 3,4 тыс.; Калужская — минус 2,9 тыс.; Тульская — минус 8,8 тыс.; Рязанская — минус 4,9 тыс.; Пензенская — минус 4,3 тыс.; Ульяновская — минус 2,8 тыс.; Самарская — минус 4,5 тыс.; Саратовская — минус 5,3 тыс.; Волгоградская — минус 4,3 тыс.; Тамбовская — минус 5,7 тыс.; Воронежская — минус 9,2 тыс.; Липецкая — минус 3,5 тыс.; Курская — минус 4,5 тыс.; Белгородская — минус 3,1 тыс.; Ростовская — минус 6,6 тыс.

В сумме по этим областям — минус 138,3 тыс. человек.

Как видим, по всей территории русского проживания на Русской равнине от Белого до Азовского моря, от Балтики и до Урала т.н. «естественный прирост» — отрицательный. При чем этот «минус» русских областей одной только Русской равнины в четыре раза больше «плюса» всей РФ. Но ведь

есть еще регионы за Уралом, в которых русские составляют подавляющее большинство, где также нет прироста:

Курганская область — минус 1,6 тыс.; Кемеровская область — минус 2,7 тыс.; Алтайский край — минус 2,2 тыс.; Приморский край — минус 1,0 тыс.; Амурская область — минус 0,1 тыс. Это еще один «естественный прирост» в минус 7,7 тыс. человек.

Если прибавить сюда еще и «естественный прирост» Крыма с Севастополем в минус 3,9 тыс. чел., то только по перечисленным регионам «естественный прирост» равен минус 150 тыс.; человек. А с учетом доли русских, проживающих в остальных регионах РФ, «русский минус» Российской Федерации за весь 2014 год составил около 300 тыс. человек.

Неплохо было бы спросить президента: а за счет чего и, главное, за счет **кого** образовался этот «радостный» для него прирост населения в 2014 году на 37 тыс. человек?..

В Новороссии начался голод.

Всё последнее десятилетие Украина скулила, голосила, воспевала, раскручивала до небес «Голодомор» 30-х годов, обвиняя в нём даже не советскую власть, в которой было немало украинцев, а исключительно Россию, словно в России не было голодомора 20—30-х годов.

Но что же «нэзалэжная» делает теперь? Узаконив свой собственный русофобский «Голодомор», она с великим удовольствием, с ехидной злобой устроила голодомор на Донбассе — заблокировала поступление туда продуктов питания и получение там государственных пенсий и зарплат. И российская «гуманитарная помощь» Донбасс не спасает. Она не может спасти ни от наступившего голодомора, ни от холода в разрушенных домах, ни от разбомбленной системы тепло- и водоснабжения, ни от снарядов тяжелой артиллерии.

8 декабря Газпром вновь начал поставлять газ вражеской Украине, убивающей русских и установившей экономическую блокаду Новороссии.

Деньги превыше всего.

Путинисты и это оправдают.

Фактически либеральное медведевское правительство совершило экономическую диверсию по отношению к своей стране — обрушило рубль на 100%. Доллар же за месяц вырос в два раза: с 30 до 60 рублей. Вот что бывает, когда правительство не желает выполнять своих государственных функ-

ций. Оно действует словно по отношению к чужой стране и чужому народу. На вопрос: зачем, для чего оно отпустило рубль в т.н. «свободное плавание»? — мы слышим какой-то невнятный детский лепет. И ведь не столько Украине, сколько России грозит новый дефолт. Но почти никто об этом не говорит в каждодневных политических дискуссиях по ящику. Все продолжают славить непревзойденного Путина. И впереди всех — записные патриоты Проханов и Стариков. И он, великий патриот Путин, кумир женщин России, вместо того, чтобы разогнать вредительское правительство и срочно заняться своей экономикой, как обычно, катается по миру, списывая всем, кому ни попадя, долги и предлагая наш газ.

На Украине в точности повторилось то, что происходило в России около ста лет назад. В 1918 году в Петрограде, а затем в Москве у власти находилась международная еврейская банда, а на окраинах России русские убивали русских. В 2014 году в Киеве с помощью Запада власть захватила та же еврейская банда, а на окраине Украины русские убивают русских.

* * *

С 2000 года руководством РФ прощено другим государствам более 140 млрд. долларов:

Кубе — 31,7 млрд.

Ираку — 21,5 млрд. (долг списывали дважды — 9,5 млрд. в 2004-м году и 12 млрд. в 2008-м).

Африканским странам в порядке «братской помощи» списали более 20 млрд.

Монголии — 11,1 млрд.

Афганистану — 11 млрд.

Северной Корее — 10 млрд.

Сирии — 9,8 млрд.

Эфиопии — около 6 млрд.

Вьетнаму — 9,53 млрд.

Алжиру — 4,7 млрд.

Киргизии — 599 млн.

Узбекистану (уже в 2014 году) — 865 млн.

А миллионы россиян живут в ветхом и аварийном жилье.

Рубль опустили, цены задрали, а миллиарды долларов «эффективные» кремлевские менеджеры — простили. Зачем они им? — лишние хлопоты...

* * *

Российская власть — это симбиоз неучей, невежд и откровенных врагов. Еще месяц назад я писал о скором либераль-

ном реванше в России. Запад планомерно готовился к этому реваншу — ужесточал санкции, наращивал войска на границе с Донбассом, нагнетал антироссийскую риторику, то и дело устраивал идеологические диверсии и наконец дал отмашку на экономическое удушение страны в виде резкого падения цены на нефть и безостановочного, обвального обрушения рубля. И либерально-финансовая, а на деле вражеская прослойка в правительстве словно только и ждала этой команды. Очередной «чёрный вторник» не заставил себя ждать. 16 декабря доллар достиг 80 рублей, а евро — 100. Это в Москве. А на периферии, в некоторых областных городах зелёный бакс в обменниках скупали за 150 рублей. (А точнее говоря, с учётом деноминации 1998 года, — за 150 000.)

Либеральное правительство, словно гигантский удав, гипнотизирует народ пустым разглагольствованием о том, что оно всё держит под контролем и делает «единственно верные ходы», а президент, для виду погрозив пальчиком неким безымянным «валютным спекулянтам», собирается вновь дурчить нас на своих излюбленных пресс-конференциях...

* * *

Лукавые «специалисты» нам объясняют по ящику, что обвал рубля связан с общемировым падением цены на нефть. Но хочется задать им очень простой вопрос: если это так, то почему же подобного обвала национальных валют не происходит во всём остальном мире? В том числе и во всех нефтедобывающих странах. Заранее ясно, что внятного ответа на этот вопрос телевизионные «специалисты» нам не дадут. Ясно и другое, а именно то, что резкое падение цены на нефть было произведено исключительно ради обрушения рубля и что либеральное медведевское правительство явилось соучастником данной авантюры, а точнее говоря, антироссийского заговора.

* * *

Очередная путинская пресс-конференция 18 декабря, похоже, только для того и была устроена, чтобы сбить волну народного недовольства действиями правительства, не умеющего и, как стало ясно из этой пресс-конференции, не желающего остановить финансовое удушение российского населения. Всё бремя тяжелейшего экономического кризиса, в который загнала нас либерально-капиталистическая система, власть, как обычно, вновь переложила на бесчётно ограбленный «электорат». Они, либерально-финансовые «спецы», взлелеянные президентом, экономически провалились

и теперь вместе со своим шефом нас успокаивают: мол, не волнуйтесь, всё нормально, ничего страшного не случилось... И шеф, как в свое время Ельцин, нас уверяет: «Я уверен, я убежден, что через два года мы выйдем из кризиса, мы укрепимся, всё наладится...» Но стоимость валюты, за несколько дней подскочившая вверх в два раза, свои позиции уже не сдаст. И с этим очень скоро всем придется смириться.

Патриотические речи Путина — это всё та же ширма для морального успокоения населения на фоне экономического провала бездарной, ублюдочной либерально-рыночной, а точнее говоря, ростовщической грабильки страны и народа. Кремлёвские «мыслители» всё ещё судорожно держатся за эту живодёрскую грабильку, т.к. признать ее бесчеловечность в России у них нет способности и духу по определению. Так и будут они нас грабить и дальше. Нет, вовсе не случайно наш «Солнцеликий» и «Луноподобный» перед всей страной невежественно цитирует давно разоблачённую фальшивку, приписанную подлыми либералами великому русскому патриоту Лермонтову: «Прощай немытая Россия...» Ну откуда ему, раздающему налево и направо ордена и награды исключительно русофобствующим авторам, знать об этих недоступных для его разума фактах?

* * *

Как же издевательски легко, как же глумливо-цинично *они* изгаляются над нами, прекрасно зная, что население наше всё это моральное издевательство молча проглотит! Нам *они* объяснили, и мы в большинстве своем поверили, что из-за удешевления нефти (тоже искусственно организованного) должен, прямо-таки **обязан** дешеветь рубль... И никто из говорящих телевизорных голов не задал *им* этого вопроса: **а с какой стати?** Нам легко внушили этот бред сивой кобылы, чтобы опять нас ограбить, и мы, сидя возле ящика на диване, только смиренно охаем и ахаем...

Согласно всем законам экономики и нормальной логики, от падения цены на нефть должен дешеветь доллар, а не рубль. Но этого не происходило: нефть дешедела, а доллар рос в цене...

Зададим сами себе еще один вопрос: отчего же в связи с удешевлением нефти не дешевеют национальные валюты других нефтедобывающих стран — Кувейта, Египта, Ирана и т.д., не говоря уже о Норвегии? Почему это происходит только у нас? Не потому ли, что нас за уши втянули в тот самый «рынок», который работает исключительно против России?

Это что же получается: наша нефть с помощью либерального правительства работает против нашего государства! Чем

больше мы добываем нефти, тем сильнее жируют русофобствующие олигархи, тем меньше весит наш рубль и тем ниже покупательная способность российского населения. Вот к какому «рыночному» абсурду привела нас кремлёвско-белодомовская «команда».

Нам объясняют, что таковы условия этого капиталистического рынка для России — рубль привязан к стоимости одного барреля нефти: дешевеет баррель, значит, падает в цене и рубль... Но вот что интересно, а точнее говоря, закономерно: когда цена на нефть растёт, рубль стоит на месте, не укрепляется по отношению к доллару. То есть привязка его к стоимости одного барреля нефти весьма условна. И это лишний раз доказывает, что либералы-монетаристы нам **всегда** врут.

Таковы для нас условия *их* «рынка»... Но кто и что заставило нас пойти на эти условия?.. Разве не по воле кремлёвских «агентов влияния» влезли мы в эту кабалу?..

А патриотические речи на пресс-конференциях *они* проносят научились...

* * *

То и дело мы слышим от Путина эту фразочку: «Санкции нам пойдут на пользу». Кремлёвские оракулы то и дело внушают на голубом глазу: надо создавать свою продукцию, надо быть независимыми, надо делать ставку на импортозамещение и т.п. Слова-то правильные, но произнесённые в результате этих самых санкций после 20-летнего разрушения своего производства и вытеснения **отовсюду** нашей продукции импортным потоком — от овощей до телевизоров. И кто довёл до этого состояния страну? Разве не Путин с Медведевым? Разве не они вешали нам лет десять назад: «Конкуренция и рынок диктуют свои условия». Вот они теперь и впрямь реально диктуют — с помощью санкций.

* * *

ХАРЬКОВ — русский город, основанный в 1630 г. В нем селились малороссы, бежавшие от поляков из правобережья Днепра. Царь Алексей Михайлович построил там крепость и основал в 1656 году Харьковское воеводство.

г. **СУМЫ** — основан царём Алексеем Михайловичем не позднее 1655 года. Царь разрешил поселиться там беженцам-малороссам, которых убивали поляки.

ПОЛТАВА была в XVII веке центром прорусски настроенной Малороссии. За это предатель гетман Выговский (что-то вроде нынешних Яроша и Яценюка) напал на город и продал его жителей в рабство крымским татарам.

ДНЕПРОПЕТРОВСК основан императрицей Екатериной II в 1776 году и назывался Екатеринославом.

ЛУГАНСК основан в 1795 году, когда императрица Екатерина II приказала построить на реке Лугань чугунолитейный завод. Для работы на нём в Луганск приехали выходцы из центральных и северо-западных губерний России.

ХЕРСОН основан императрицей Екатериной II в 1778 году для строительства русского флота. Город строил Потёмкин.

ДОНЕЦК основан императором Александром II в 1869 году при строительстве металлургического завода в Юзовке.

г. **НИКОЛАЕВ** основан императрицей Екатериной II в 1789 году. В это время Потёмкин строил там корабль «Святой Николай».

ОДЕССА основана императрицей Екатериной II в 1794 году на месте крепости, возведенной чуть раньше Суворовым.

ЧЕРНИГОВ — один из древнейших русских городов. Существовал ещё в начале X века. В 1611 году поляки его захватили и разрушили. Но в 1654 году Чернигов был возвращён в состав России.

СИМФЕРОПОЛЬ основан Екатериной II в 1784 году. Его построил Потёмкин на месте военного лагеря Суворова рядом с татарским поселением.

СЕВАСТОПОЛЬ основан Екатериной II в 1783 году на месте крепости, построенной ранее Суворовым. Строил город Потёмкин.

МАРИУПОЛЬ основан в 1778 году Екатериной II. Она поселила там греков — переселенцев из Крыма.

КРИВОЙ РОГ основан Екатериной II в 1775 году.

КИРОВОГРАД был основан в 1754 году русской императрицей Елизаветой Петровной как крепость для защиты южных рубежей Российской империи от татар и назывался Елисаветградом.

И при чём здесь некая «Украина»?

Но именно она, «Украина», оккупировала эти (и не только эти) города.

После того, как Украина ввела экономическую блокаду Добасса и Крыма, кремлёвские умники решили «под честное слово» (т.е. бесплатно) отправить в «нэзалэжную» несколько эшелонов с углём — до миллиона тонн в месяц, как, заикаясь и спотыкаясь на каждом слове, пробубнил 27 декабря на российском канале ТВ вице-премьер Дм.Козак. И в этот же день, словно в ответ на заикания Козака, киевские

шустряки остановили железнодорожное сообщение Украины с Крымом. Перекрыв воду, свет и наземный транспорт, хунта надеется задушить Крым в объятиях блокады. А Кремль, в свою очередь, надеется умаслить «Петра Алексеевича» и его пронатовскую шоблу бесплатными предновогодними подарками. Как сказал Путин, «мы решили поставить Украине уголь и электроэнергию в качестве жеста доброй воли»... Хороша «добрая воля», которая поощряет нацистскую хунту морить Донбасс голодом...

Беспринципная, бесхребетная покладистость Солнцеликого — еще один повод для роста его рейтинга и восторгов путинопоклонников. С помощью нашего уголька Киев будет встречать Новый год при свете, возле русофобствующего зомбоящика. А Крым, по воле Киева, — с перебоями электричества, а значит, с перебоями эстрадной вакханалии украинофильских шоуменов, прописавшихся на российском ТВ.

* * *

Как начался 2014 год эстрадной вакханалией сразу после терактов в Волгограде, так и закончился той же эстрадной эйфорией после донбасской бойни. Скачущим, гогочущим и завывающим перед телекамерами человекоподобным существам плевать на людские трагедии, у них своя, отдельная от страны, стайная жизнь, закрытая от наших чаяний и переживаний. Деньги, только деньги, слава, искусственный блеск и удовлетворение своих корыстных потребностей волнуют эти существа. Лишь язвительную усмешку вызывают у них наши народные гении и самородки. Лишь отвращение к нашей национальной глубине испытывают они, когда заходит речь о наших культурных традициях. Да еще презрение к нашей «низкой», по их пониманию, русопятской действительности и сорокости, недостойной их «утончённой», спаянной элитарности. Они всегда будут смеяться, издеваться над нами под маской еврейского юмора и всегда будут пресмыкаться, заискивать, ползать на брюхе перед нашими врагами и ненавистниками. Но именно их, «элитарных» чистоплюев, бесполок кривляк и безголосых лахудр российская власть безошибочно, упорно холит и награждает как «всенародно признанных и всеми любимых деятелей русской культуры»...

А российский обыватель будет и дальше под пивко и под водочку гоготать у экрана, балдея и пуская слюни от голоногих кривляний и педерастических завываний этих человекоподобных существ.